

ISSN 0042-8779

ВИА

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

5

2018

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

5/2018 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Хроника Великой Победы (1941—1945 гг.). Публикацию подготовил **П.А. Искендеров** 3

СТАТЬИ

Ю.М. Кобищанов — К периодизации истории цивилизаций I тысячелетия 12

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В.В. Прилуцкий — Джозеф Смит-младший 31

СООБЩЕНИЯ

К.Н. Максимов — Судьбы военнопленных калмыков в 1940—1950-е гг. 43

С.В. Аристов — Нацистские концентрационные лагеря на оккупированной советской территории и «акция 1005» 57

Д.А. Дегтерёв, Ныгусие Кассае В. Микаэль — Первые эфиопские студенты в Российской империи 69

П.О. Керимзаде — Роль образования в зарождении национального движения в Гяндже на рубеже XIX—XX вв. 80

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- Н.А. Жерлицына** — Антифранцузское сопротивление в Алжире накануне и в годы первой мировой войны 89

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- А.С. Бережанский** — Народничество на рубеже 70—80-х гг. XIX в. и проблема перехода к политической борьбе 98

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Л.Н. Лобченко** — Соловецкая школа юнг и ее воспитанники 1942—1945 гг. 120
- С.В. Любичанковский** — Профессионально-педагогическая выставка 1898 г. и имперская политика аккумуляции 125
- Е.Г. Неклюдов** — Эволюция правовых условий развития горной промышленности в Царстве Польском 136
- А.Г. Праздников** — Социальный состав участников битвы при Барнете 14 апреля 1471 г. 149
- М.П. Атлагич, Д.М. Элезович** — Служба сербов в Российской империи в XVIII—XIX вв. 156

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- А.Н. Андреев, Ю.С. Андреева** — Католик Патрик Гордон и русское общество конца XVII столетия 162

Хроника Великой Победы (1941—1945 гг.)

Аннотация. Представленные документы из Архива Министерства обороны Российской Федерации охватывают события первых двух дней Великой Отечественной войны. Они рассказывают о срочных мерах, предпринятых за несколько часов до нападения Германии на СССР, а также о ходе первых боев Красной армии. Особое внимание уделено также обстоятельствам подготовки и содержанию обращения к гражданам Советского Союза 22 июня 1941 г. В.М. Молотова.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, вторая мировая война, И.В. Сталин, В.М. Молотов, С.К. Тимошенко, Г.К. Жуков.

Abstract. Presented documents from Russian Ministry of Defense Archive are related to first two days of the Great Patriotic War. They inform about urgent measures made a few hours before Germany's attack on USSR on June 22 1941. They also give first general information about situation on the Western Front on June 22—23 1941. Among the documents — V. Molotov's radio address to the citizens of the Soviet Union on June 22 1941.

Key words: USSR, Great Patriotic War, World War II, I.V. Stalin, V.M. Molotov, S.K. Timoshenko, G.K. Zhukov.

Журнал «Вопросы истории» начинает публикацию документов под общим названием «Хроника Великой Победы (1941—1945 гг.)» Цель проекта — знакомство широкой российской и зарубежной аудитории с подлинной историей второй мировой войны и противодействие фальсификациям великого подвига народов нашей страны и роли СССР в освобождении мира от нацизма. Документы будут публиковаться на русском и английском языках с тем, чтобы помочь зарубежной аудитории журнала познакомиться с документами, которые становятся доступными российским читателям и исследователям благодаря Министерству обороны Российской Федерации, публикующему соответствующие материалы.

Открывают нашу новую рубрику документы, относящиеся к 22 и 23 июня 1941 г. — первым дням Великой Отечественной войны. Публикацию подготовил **П.А. Искендеров.**

Искендеров Пётр Ахмедович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, главный редактор журнала «Вопросы истории». E-mail: iskenderov.petr@yandex.ru.

Iskenderov Petr A. — M.A., senior researcher at the Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of “Voprosy Istorii” history journal. E-mail: iskenderov.petr@yandex.ru.

Получив информацию о готовящемся нападении нацистской Германии на СССР, советское руководство в ночь с 21 на 22 июня 1941 г. распространило приказ Наркомата обороны «для немедленного исполнения»:

«1. В течение 22—23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО [Ленинградский военный округ], ПрибОВО [Прибалтийский военный округ], ЗапОВО [Западный военный округ], КОВО [Киевский Особый военный округ], ОдВО [Одесский военный округ]. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

Приказываю:

а) в течение ночи на 22 июня 1941 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22 июня 1941 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточено и замаскировано;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить».

От имени Наркомата обороны приказ подписали Народный комиссар обороны С.К. Тимошенко и начальник Генерального штаба Красной армии, заместитель Народного комиссара обороны Г.К. Жуков.

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации,
ф. 208, оп. 2513, д. 71, л. 69. Машинопись.

Имеются пометы: «Поступила 22 июня 1941 г. в 01—45»,
«Отправлена 22 июня 1941 г. в 02—25—02—35».

В 12 час. 15 мин. 22 июня 1941 г. к гражданам Советского Союза по радио обратился народный комиссар иностранных дел СССР, заместитель председателя Совнаркома СССР В.М. Молотов. Вопрос о том, кто должен был выступить перед советским народом в связи с нападением нацистской Германии, согласно имеющимся свидетельствам, вызвал напряженные дискуссии в собравшемся утром 22 июня на свое экстренное заседание Политбюро ЦК ВКП(б). Сталин категорически отказался выступать, пообещав сделать это после того, как прояснится военно-политическая обстановка, и не изменил своего решения, несмотря на аргументы ряда членов Политбюро ЦК ВКП(б). В 12 час. 05 мин. Молотов вышел из кабинета Сталина с текстом выступления в руках (в которое на ходу вносил небольшие изменения) и отправился на московский Центральный Телеграф, откуда осуществлялась прямая радиотрансляция. Именно в этом выс-

туплении начавшаяся война была впервые названа «Отечественной» по аналогии с войной 1812 года. В своем радиовыступлении 3 июля 1941 г. Сталин использовал другой термин — «Великая» война — и уже в результате объединения обеих характеристик возникло общепринятое в СССР и России наименование «Великая Отечественная война».

В своем выступлении В.М.Молотов заявил:

«Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении, и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то, что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне, как народному комиссару иностранных дел, заявление от имени своего правительства о том, что Германское правительство решило выступить с войной против Советского Союза в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы.

В ответ на это мною от имени Советского правительства было заявлено, что до последней минуты Германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству, что Германия совершила нападение на Советский Союз, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной.

По поручению Правительства Советского Союза я должен также заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы и поэтому сделанное сегодня утром румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией. Такой же ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом сострять обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта.

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже свершилось, Советским правительством дан нашим войскам приказ — отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины.

Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы Советской авиации с честью выполняют долг перед родиной, перед советским народом, и нанесут сокрушительный удар агрессору.

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу.

Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне, интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом.

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

Внезапность нападения нацистской Германии привела к тому, что в первые дни войны командование Красной армии испытывало серьезные проблемы с получением достоверной информации о ситуации на фронтах. Это, а также понятное в условиях военного времени стремление приуменьшить собственные потери, привело к тому, что первые официальные сводки боевых действий в целом носили весьма неопределенный характер. Вот, что говорилось в сводке Главного командования Красной армии за 22 июня 1941 г.:

«С рассветом 22 июня 1941 года регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного моря и в течение первой половины дня сдерживались ими. Со второй половины дня германские войска встретились с передовыми частями полевых войск Красной Армии. После ожесточенных боев противник был отбит с большими потерями. Только в Гродненском и Кристынопольском направлениях противнику удалось достичь незначительных тактических успехов и занять местечки Кальвария, Стоянув и Цехановец (первые два в 15 км. и последнее в 10 км. от границы).

Авиация противника атаковала ряд наших аэродромов и населенных пунктов, но всюду встречала решительный отпор наших истребителей и

зенитной артиллерии, наносивших большие потери противнику. Нами сбито 65 самолетов противника».

Следующая сводка Главного командования Красной Армии — за 23 июня 1941 г. — уже была более обширной и позволяла судить о масштабах боевых действий:

«В течение дня противник стремился развить наступление по всему фронту от Балтийского до Черного моря, направляя главные свои усилия на Шаулийском, Каунаском, Гродненско-Волковыском, Кобринском, Владимир-Волынском, Рава-Русском и Бродском направлениях, но успеха не имел.

Все атаки противника на Владимир-Волынском и Бродском направлениях были отбиты с большими для него потерями. На Шаулийском и Рава-Русском направлениях противник, вклинившийся с утра на нашу территорию, во второй половине дня контратаками наших войск был разбит и отброшен за госграницу; при этом на Шаулийском направлении нашим артогнем уничтожено до 300 танков противника.

На Белостокском и Брестском направлениях после ожесточенных боев противнику удалось потеснить наши части прикрытия и занять Кольно, Ломжу и Брест.

Наша авиация вела успешные бои, прикрывая войска, аэродромы, населенные пункты и военные объекты от воздушных атак противника и содействуя контратакам наземных войск. В воздушных боях и огнем зенитной артиллерии в течение дня на нашей территории сбит 51 самолет противника и один самолет нашими истребителями посажен на аэродром в районе Минска.

За 22 и 23 июня нами взято в плен около пяти тысяч германских солдат и офицеров.

По уточненным данным за 22.VI всего было сбито 76 самолетов противника, а не 65, как это указывалось в сводке Главного Командования Красной Армии за 22.VI.41 г.»

* * *

Chronicle of the Great Victory (1941–1945)

“Voprosy Istorii” history journal is starting the publication of documents under the general title “Chronicle of the Great Victory (1941–1945)”. The purpose of the project is to acquaint a wide Russian and foreign audience with the true history of the World War II and countering the falsifications of the great feat of our people and the role of the USSR in freeing the world from nazism. The documents will be published in Russian and English in order to help the foreign audience of the magazine to get acquainted with the documents that become available to Russian readers and researchers thanks to the Ministry of Defense of the Russian Federation, who publishes the relevant materials.

Our new project is started with the documents related to the date of 22 of June 1941 — the first day of the Great Patriotic War. Publication prepared by **P.A. Iskenderov.**

* * *

Having received information about the impending attack of Nazi Germany on the USSR, the Soviet leadership on the night of 21/22 June 1941 issued the order of the People’s Commissariat of Defense “for immediate execution”:

“1. During 22–23 of June 1941 sudden attack of the Germans on the fronts of the Leningrad military district, Baltic military district, Western military district, Kiev Special military district, Odessa military district. The attack could be started with provocative actions.

2. The task of our troops is not to succumb to any provocative actions that can cause major complications.

At the same time troops of the Leningrad, Baltic, Western, Kiev and Odessa military districts should be on full alert to meet a possible surprise attack of the Germans or their allies.

Order:

a) during the night of 22 of June 1941 to take secretly the firing points of the fortified regions on the state border;

b) before dawn on 22 of June 1941 to disperse all aircrafts including military ones on the airfields and to disguise them carefully;

c) to lead in combat readiness all military contingents. To keep troops dispersed and disguised;

g) to lead in combat readiness air defense without additional lifting of assigned staff. Prepare all event darkening cities and objects;

e) not to carry out any other actions without the special order”.

Order was signed by People’s Commissar for Defence of the Soviet Union Semyon Timoshenko and Chief of the General Staff, Deputy People’s Commissar for Defence Georgy Zhukov.

Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation,
f. 208, op. 2513, d. 71, l. 69. Typewriting. Litters: “Received on 22 of June 1941
at 01:45, Sent on 22 June of 1941 at 02:25–02:35”

At 12:15 minutes on 22 of June 1941 People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR, Deputy Chairman of SNK (government of the USSR) Vyacheslav Molotov addressed to the citizens of the Soviet Union by radio. The question of who was to address the Soviet people in connection with the attack of Nazi Germany, according to available evidence, caused intense debate previously in the morning of that day at its emergency meeting of the Politburo of the Central Committee of the VKP(b). Stalin flatly refused to speak, having promised to do it after the military and political situation becomes clear, and didn't change the decision, despite arguments of a number of members of Politburo of the Central Committee of the VKP(b).

At 12:05 Molotov came out of Stalin's office with the text of the speech in his hands (which was modified by him) and went to Moscow Central Telegraph, where he carried out radio broadcast. In this speech, the war was first time called "Patriotic" by analogy with the war of 1812 against Napoleon. Stalin in his radio address on July 3, 1941 used a different term — "Great War". As a result of the unification of both characteristics name "Great Patriotic War" — commonly accepted in the USSR and Russia — was emerged.

Text of the radio address by V.M.Molotov on 22 of June 1941:

"Citizens of the Soviet Union!

The Soviet government and its head, comrade Stalin, have authorized me to make the following statement:

Today, at 4 o'clock in the morning, without making any claims to the Soviet Union, without declaring war, German troops attacked our country, attacked our borders in many places and bombed our cities — Zhytomyr, Kiev, Sevastopol, Kaunas and some others, and killed and wounded more than two hundred people. Attacks of enemy planes and artillery attack were made also from the Romanian and Finnish territories.

This incredible attack on our country is unprecedented in the history of civilized Nations. The attack on our country was carried out despite the fact that the Soviet Union and Germany signed a non-aggression treaty, and the Soviet government faithfully fulfilled all the conditions of this agreement. The attack on our country is committed, despite the fact that for the entire period of this agreement, the German government has never been able to bring any claim to the Soviet Union for the implementation of the Treaty. The entire responsibility for this predatory attack upon the Soviet Union falls fully and completely upon the German fascist rulers.

Already after the attack, the German Ambassador to Moscow, Schulenburg, at 5.30 a.m., made a statement to me, as People's Commissar for Foreign Affairs, on behalf of his government, that the German government had decided to wage a war against the Soviet Union because of the concentration of Red Army units near the eastern German border.

In response, on behalf of the Soviet government, I stated that, until the last minute, the German government had made no claim against the Soviet government, that Germany had attacked the Soviet Union despite the peaceful stance of the Soviet Union and that fascist Germany was the attacking party.

On instructions from the government of the Soviet Union, I must also state that at no point did our troops and our aircraft violate the border, and therefore

the Romanian radio's statement this morning that allegedly Soviet aircraft fired at Romanian airfields is a complete lie and provocation. Likewise a lie and provocation is the whole declaration made today by Hitler, who is trying belatedly to concoct accusations charging of non-compliance by the Soviet Union Soviet-German Pact.

Now that the attack on the Soviet Union has already happened, the Soviet government has ordered our troops to repulse the predatory assault and to drive German troops from the territory of our country.

This war is not imposed on us by the German people, not by German workers, peasants and intellectuals, whose suffering we understand well, but by the clique of the bloodthirsty fascist rulers of Germany, who enslaved the French, Czechs, Poles, Serbs, Norway, Belgium, Denmark, Holland, Greece and other peoples.

The government of the Soviet Union expresses its unwavering confidence that our valiant army and Navy and brave falcons of Soviet aviation will honorably fulfill their duty to the Motherland, to the Soviet people, and will deal a crushing blow to the aggressor.

Not the first time our people have to deal with the attack of an arrogant foe. At the time of the Napoleon's invasion to Russia our people responded by the Patriotic War, and Napoleon suffered defeat and met his doom. The same will happen with the gawking Hitler, who announced a new campaign against our country. The Red Army and all our people will again lead victorious Patriotic War for the Homeland, for honor, for freedom.

The government of the Soviet Union firmly believes that the entire population of our country, all workers, peasants, intellectuals, men and women will be conscious of their duties and their work. Our entire people must now stand solid and united as never before. Each of us must demand from themselves and from others discipline, organization, dedication, worthy of real Soviet patriots, in order to provide for the needs of the Red Army, Navy and Air Force to ensure victory over the enemy.

The government calls on you, citizens of the Soviet Union, to unite your ranks even more tightly around our glorious Bolshevik Party, around our Soviet government, around our great leader comrade Stalin.

Our case is right. The enemy will be defeated. Victory will be ours!"

The suddenness of the attack of Nazi Germany led to the fact that in the early days of the war, the Red Army command was experiencing serious problems with obtaining reliable information about the situation on the fronts. This, as well as the desire to diminish its own losses, which was understandable in times of war, led to the fact that the first official reports of the fighting as a whole were highly uncertain. Here is what was said in the first summary of the General Command of the Red Army on 22 of June 1941:

"With the dawn of June 22, 1941 regular troops of the German army attacked our border forces on the front from the Baltic to the Black Sea and during the first half of the day were restrained by them. Since the second half of the day, the German troops met with the advance units of the field forces of the Red Army. After fierce fighting the enemy was repulsed with heavy losses. Only in the directions of Grodno and Kristynopol enemy managed to achieve minor tactical successes and take the towns Kalvaria, Stoyanov and Ciechanowiec (the first two in 15 km. and the last one in 10 km. from the border).

Enemy aircraft attacked our airfields and towns but everywhere was met with a decisive rebuff to our fighters and anti-aircraft artillery, causing heavy losses to the enemy. We shot down 65 enemy planes”.

The following is a summary of the General Command of the Red Army over the 23 of June 1941 has been more extensive and gave an indication of the scale of the fighting:

“During the day the opponent sought to develop approach on all front from the Baltic to the Black Sea, directing the main efforts on the Iauliai, Kaunas, Grodno-Volkovysk, Kobrin, Vladimir-Volynsky, Rava-Russky and Brodsky directions, but had no success.

All enemy attacks on Vladimir-Volynsky and Brodsky directions were repulsed with heavy losses. On Iauliai and Rava-Russky directions enemy wedged in the morning on our territory, but in the second half of the day were defeated and driven back over the border by the counter-attack of our troops, while on Iauliai direction our artillery fire destroyed up to 300 enemy tanks.

On Bialystok and Brest directions after fierce fighting, the opponent managed to press our cover divisions and take Kolno, Lomzha and Brest.

Our aircraft led successful fights, covering troops, airfields, towns and military installations against air attacks of the enemy and helping to counter-attacks of ground-troops. In air combat and anti-aircraft fire during the day in our territory 51 enemy aircrafts were shot down, and one aircraft was planted on the airfield in the center near Minsk by our fighters.

During 22 and 23 June, we captured about five thousand German soldiers and officers.

According to the revised data for 22.VI, 76 enemy aircrafts were shot down in total and not 65, as it was indicated in the summary by General Command of the Red Army for 22.VI.41”.

* * *

К периодизации истории цивилизаций I тысячелетия

Ю.М. Кобищанов

Аннотация. Пятисотлетний период III — середины VIII в. (время арабских завоеваний) составляет главный рубеж между античностью и средневековьем. Тогда появилось 12 христианских цивилизаций (романо-византийская, кельтская Британских островов и 10 восточнохристианских: сирийская, коптская, армянская, грузинская, албанская на востоке Кавказа, аксумская на Эфиопском нагорье, нубийская в Судане, гарамантская в оазисах Сахары, сокотрийская на о. Сокотра, малабарская в Индии; вслед за этим в мировой исламской державе — Арабском халифате — сложилась исламская цивилизация. В условиях расцвета дальней торговли и соперничества исламской цивилизации с романно-византийской и другими произошло расширение древнего пояса цивилизаций на север (в Европе) и на юг (в Африке). По сравнению с этими тремя событиями падение Западной Римской империи можно назвать событием регионального значения.

Ключевые слова: античность, средние века, христианские цивилизации, Западная Римская империя.

Abstract. The five hundred years period of the III century AD — mid VIII c. (the period of the Arab conquest) is the principal border between the antiquity and the middle ages. The group of the 12 Christian civilizations (these are Romano-Byzantine, Celtic and ten Oriental Christian ones — Syriac, Coptic, Armenian, Georgian, Caucasian Albanian, Axumite, Nubian, Garamantic, Socotran, Malabar) appeared at this time and after the Arab conquest — the Islamic civilization. Extension of the ancient civilizations belt to the North (in Europe) and South (in Africa) followed this in terms of prosperity of distant trade and the rivalry between Islamic and Romano-Byzantine as well as other civilizations. In comparison with these three events the fall of the Western Roman Empire is a regional event.

Key words: antiquity, middle ages, Christian civilizations, Western Roman Empire.

Один из важнейших дискуссионных вопросов всемирной истории — рубеж между античностью и средневековьем. Еще большие разногласия вызывает определение границы между средневековьем и новым временем; в этом случае даже приблизительные датировки разнятся в

Кобищанов Юрий Михайлович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Африки РАН. E-mail: inter.inafr@mail.ru.

Kobischanov Yuriy M. — doctor of historical sciences, chief researcher at the Institute for African Studies RAS. E-mail: inter.inafr@mail.ru.

несколько столетий. В любом случае, применительно к истории цивилизаций, переход от средневековья к новому времени связан с превращением средневековой европейской цивилизации в современную западную. Это был длительный процесс. Аналогичным образом, с учетом расширения зоны цивилизаций на доцивилизированную периферию, логично допустить, что процесс перехода от древних цивилизаций к тем, которые появились в средние века, был продолжительным. Несомненно, это произошло в I тысячелетии ¹.

Что касается глобальной периодизации истории формаций и цивилизаций, изучавшейся во всех учебных заведениях СССР и до сих пор преподаваемой в России, то от нее пришлось отказаться и выработать собственную периодизацию (и общую теорию) сначала в области формаций (в 1956 г.), а затем и цивилизаций, основанную на известном к тому времени (и с тех пор щедро обогащенном археологами) фактическом материале. Заодно пришлось существенно переосмыслить и уточнить такие центральные термины как отдельная цивилизация, ранняя цивилизация, производящее хозяйство, мелкое натуральное производство, феодальная формация, класс крестьянства, а также придумать ряд новых терминов: большая феодальная формация, протокрестьянство, протоцивилизация.

Отдельной цивилизацией следует называть культурную и духовную общность народов (этносоциальных организмов), характеризующуюся известным уровнем социально-экономического и культурного развития (наличием общей метакультуры и повышенной плотностью информационных связей). Внутри каждой из цивилизаций содержатся присущие ей пространственно-временные представления, собственная система ценностей (ценностных ориентаций) и типов личностей. Каждая цивилизация — это живой этнокультурный организм, с собственным жизненным циклом, типологическими особенностями и связями с подобными ему организмами. Помимо системных связей внутри отдельной цивилизации существуют связи между ними, в результате чего уже в древности образовался, а в средние века значительно расширился пояс цивилизаций. В Восточном полушарии он пролегал от Атлантического до Индийского и Тихого океанов.

Многие ученые выделяют ряд признаков цивилизации (совпадающих с ее сферами), каждый из которых отличает ее от других, а все вместе — от первобытной культуры. Это сравнительно высокоразвитое земледелие и уже социально отделившиеся от него ремесла; классовое общество; государство; города; монументальное строительство; высокоразвитое искусство; собственное письмо; общность сравнительно развитой религии и идеологии. По мнению ученых, оригинальность той или иной отдельной цивилизации более всего проявляется в трех сферах — эстетической, знаковой и религиозно-идеологической. С этим нельзя не согласиться.

Однако в ряде случаев, например, у горных народов Северного Индокитая и соседних областей Китая, у обских угров на западе Сибири и у якутов на востоке Сибири, у большинства народов Микронезии, Полинезии, Фиджи и Новой Каледонии до христианизации определения «предцивилизация» явно недостаточно, а «цивилизациями» их культуры можно назвать лишь с очень серьезными оговорками, поскольку в них отсутствовали или были выражены сравнительно

но слабо те или иные признаки (и сферы) цивилизаций, а их набор был неполным. Однако уже существовали раннефеодальные общества, «священные царства» либо правящие касты, связанные с ними культы и т.п. В этом случае следует употреблять термин «протоцивилизация».

Протоцивилизации образовались в глубокой древности, в эпоху неолита, на огромном пространстве от долины Нижнего Дуная до Индокитайского полуострова. Одной из них была трипольская протоцивилизация в Украине, носители которой затем образовали новые протоцивилизации. В Океании собственная оригинальная цивилизация с письмом и монументальным искусством, но безгородская, сформировалась лишь на острове Пасхи и погибла из-за контактов с европейскими работниками. В Западной и Центральной Африке целый ряд культур, в том числе йоруба-игбо-бенинско-дагомейская, был практически бесписьменным (в лучшем случае наблюдались зачатки письма), но имел большие города, высокоразвитые ремесла (бронзолитейное, ткацкое и др.). Культуры банту (кроме Зимбабве и Казембе) не знали городов и монументального строительства.

Иногда отсутствие отдельных признаков цивилизации может объясняться их утратой в конкретных исторических условиях. Долгий безгородской и бесписьменный период наступил в Индии после гибели ее древнейшей цивилизации на пространстве от Мохенджодаро и Хараппы до Варанаси. В этом и подобных ему случаях правомерно говорить не о том, что цивилизацию сменяет протоцивилизация, а скорее о синтезе разрушенной цивилизации с протоцивилизацией пришельцев — индоарийцев.

Такое в истории многих стран Азии и Европы, а также Северо-Восточной Африки бывало не раз. Аксумская (эфиопская христианская) цивилизация после гибели Аксума, Адулиса и других городов в VIII в. вплоть до начала нового времени оставалась безгородской; ее центрами стали монастыри. Многие из них имели монументальные церкви (в том числе высеченные в XII в. в скалах церкви Лалибэлы). Их создали, согласно легендам, иноземные мастера, возможно, армяне. В XV в. император Зара-Якоб основал постоянную резиденцию, возобновил монументальное церковное строительство в своей резиденции и в монастырях. Он возрождал аксумские традиции, но прибегал к помощи египетских коптов, сирийцев, армян, европейцев. Только в XVII в. и также с помощью иноземных мастеров (португальцев и индийцев-христиан) были построены дворцы-замки г. Гондэр. Этот город был основан в то же время, что и столица Эфиопии, центр торговли, ремесел, образования и книжной культуры. На севере Европы письменными (руны), но безгородскими странами скандинавской цивилизации дольше других были Норвегия к северу от Бергена, Фарерские острова, Исландия, Гренландия. Несмотря на временный регресс направление исторического развития шло от протоцивилизаций к очаговым цивилизациям в речных или горных оазисах (таких, как Эфиопское нагорье, нагорья Йемена и Омана на Аравийском полуострове и др.), от очаговых к зональным, периферия которых смыкалась в сплошной пояс цивилизаций; наконец, внутри пояса цивилизаций образовались более или менее обширные феодальные империи, в которых вырастали мировые цивилизации. Так, в

империи Ахеменидов и Александра Македонского, а затем в империях диадохов происходил грандиозный по своим географическим масштабам культурный синтез, в результате которого родилась сначала ахеменидская цивилизация, а затем великая эллинистическая цивилизация и эллинистическая политеистическая религия. На западе Индии эта цивилизация объединилась с индийской, которая распространилась не только на юг полуострова Индостан, но и на Индонезию и Индокитай. В Средней (Центральной) Азии, включая нынешний Афганистан, эти две мировые цивилизации тоже вступили в синтез друг с другом, а также с аборигенными и внешними цивилизациями.

К тому времени в древней Индии, на территории нынешнего Непала, уже родилась первая в истории мировая религия — буддизм, постепенно распространившаяся (в синкретизме с другими религиями) на всю Индию, часть Индонезии, Индокитай, Центральную и Восточную Азию. В Китае буддизм иногда запрещали, как и другие иноземные религии, однако со временем он распространился и здесь, и в соседних странах. Экспансии буддизма на запад (его на берега Эфиопии и Египта в первые века по Р.Х. принесли индийские купцы-мореплаватели) мешало распространение здесь христианства. В Иране буддизму трудно было конкурировать с государственной религией зороастризмом и новыми прозелитическими религиями: христианством и манихейством (манихейство появилось в Иране в III в., при жизни пророка этой религии Мани).

Христианство зародилось на Святой Земле иудаизма — наиболее древней из трех авраамических религий; здесь же, в Самарии, жили самаряне, язык, религия и культура которых были очень близки еврейским. В сущности, оба народа принадлежали к одной цивилизации, вкрапленной в массив эллинистической (и отчасти римской) цивилизации, но сохранявшей свою основу и в римских провинциях, и в странах Азии. Первыми апостолами христианства были евреи, но уже во II в. их место заняли сирийцы. В следующие десятилетия сирийцы были первыми христианами и миссионерами христианства на севере от своей родины — в Армении, странах Южного Кавказа, Дагестане, на юге — среди арабских племен и родственных арабам народов Южной Аравии и острова Сокотра, в Аксумском царстве, Нижней и (вместе с аксумитами) Верхней Нубии, на востоке — в Сасанидской державе, Средней Азии, Индии и Китае.

Сравнительно скоро — за период жизни нескольких поколений — говорящие на арамейском, или сирийском, языке области Полумесыяца плодородных земель оказались первой в мире страной, где христианство, победив политеизм, стало религией подавляющего большинства населения, в том числе крестьянства (монотеисты евреи и самаряне жили здесь в окружении христиан и под властью римских политеистов на западе, а также дуалистов-зороастрийцев на иракско-иранском востоке). Во II в. в соседней с Сирией и Месопотамией Армении (в то время это было большое и воинственное переднеазиатское царство) появились общины христиан. Армения стала первой в мире страной, правитель которой Тиридат (Трдат) в 301 г. принял крещение и сделал христианство государственной религией. Очень скоро она стала у армян общенародной. Христианство и церковная культура приобрели яркие самобытные формы, сохраняющиеся до сих

пор. Крещение Армении повлияло на ее северную соседку — Грузию (в то время — область расселения картвельских народов), разделенную на два государства: Картли на востоке и Эгриси на западе. В обоих царствах христиане (сирийцы и обращенные кавказцы) появились во II—III веках. В IV—V вв. христианство распространилось среди лазско-мегрельских этносов Лазики и Эгриси. В 326 г. (или немного позже) Мириан, царь Картли, провозгласил христианство государственной религией. Через несколько десятилетий христианизировалась Кавказская Албания (теперь — Азербайджан). В конце V в. царь Картли Вахтанг Горгосал присоединил к своему царству на западе Эгриси, на востоке — пограничную часть Кавказской Албании и, таким образом, создал значительное христианское государство. В горах (например, в Сванетии, которая была втрое обширнее нынешней) эта религия сосуществовала с древним политеизмом вплоть до XX века. На северо-западе Кавказа миссионерами христианства были греки и грузины. В IV—VI вв. христианство начало распространяться среди абхазо-адыгских этносов, даже появилась особая «Зихская» (адыгская) епархия ².

В провинциях Римской империи, где население говорило на греческом и латинском языках, христианство начали распространять апостолы еще в I в., но гонения на христиан, инициированные верховными правителями (включая правителей отдельных частей Империи) происходили до IV в. включительно. Император Константин привлек на свою сторону христиан в борьбе со своими политическими противниками. Христиане в его армии доминировали. Медиоланский эдикт Константина 313 г. официально разрешил исповедовать христианство, а эдикт 315 г. гарантировал права Церкви. Еще не окрещенный император Константин старался контролировать Церковь на важнейшем Никейском соборе 325 года. В период его царствования наибольшие успехи в деле распространения христианства были заметны в азиатских и африканских провинциях, тогда как в европейских провинциях Империи язычников-политеистов было больше, чем христиан; язычники населяли горы и сельскую глубинку, в больших городах они преобладали в привилегированных, богатых и образованных сословиях сенаторов и куриалов, члены которых занимали общественные и государственные посты и официально исполняли обязанности жрецов. Сам равноапостольный император Константин подавал пример религиозного синкретизма, в частности, при основании в 330 г. новой столицы Римской империи на месте греческого городка Византий, который он переименовал в Новый Рим, а потомки стали называть Константинополем. Лишь в 337 г. перед лицом смерти Константин принял крещение.

Затем, как это позднее бывало в истории других государств, в Римской империи наступило время языческой реакции. Правители отдельных частей Империи, претендовавшие на верховную власть, устраивали гонения на христиан. Всего на три года (декабрь 361—363) весь римский мир снова объединил император Юлиан Отступник. Ученик афинских философов-язычников, он был окрещен и в борьбе за власть, когда это было нужно, выполнял христианские обряды. Юлиан не покровительствовал ни одной из соперничавших Церквей (православно-кафолической, арианской, донатистской), но,

укрепившись во власти, назначал язычников на все высшие должности в государственном аппарате и не допускал христиан к преподаванию в школах.

Следующий император, Иовиан, выдвинутый военными-христианами, царствовал всего один год. Он восстановил христианство в правах. Его преемники официально были христианами, порой казнили язычников, но вели себя, как обожествленные римские императоры. Император Феодосий I (379 — январь 395) преследовал язычников как государственных преступников, разрушал языческие храмы, разбивал скульптурные изображения богов. В то время большинство сенаторов еще оставались язычниками. В 391 г. Феодосий издал свой Медиоланский эдикт, запрещающий языческие обряды³. При нем в 393 г. состоялись последние Олимпийские игры, и затем они, как тесно связанные с греческим политеизмом, были запрещены. Тем не менее, даже в V в. в разных городах и провинциях Римской империи (а после ее раздела — Восточной Римской империи) еще находились образованные и знатные язычники⁴.

В Северной Африке не только все горожане (кроме иудеев и манихеев), но и крестьяне в массе своей уже перешли в христианство; язычество исповедовали в основном горные и степные скотоводы-берберы. Часть берберов, превратившихся в крестьян, стала христианами, так же как и египетские крестьяне. В Египте класс крестьянства сложился еще в эпоху фараонов. В VI в. оазисные земледельцы и купцы-караванщики древнего царства Гарама (в Ливийской Сахаре, область Феззан) с его своеобразной высокой цивилизацией тоже приняли христианство. В Египте обращение крестьян в веру Христову было заслугой многочисленного и воинственно настроенного коптского монашества, в Африке западнее Сиртов — делом священников донатистской церкви и сектантов-агонистиков с их боевыми отрядами циркумцеллионов. В больших городах Северной Африки донатистов и православных (кафоликов) было примерно поровну, в городах Египта примерно так же соотносились сторонники государственной и оппозиционной церковью. С течением времени первая объединила греков, вторая — коптов. Сказалось долгое противостояние египетских греков и коренных египтян; его наследием остается сосуществование в Египте двух патриархий: коптской и греко-православной. Кроме того, здесь и в соседней с Египтом Киренаике существовала многотысячная община грекоязычных иудеев.

Ранние христианские цивилизации возникли путем прививки христианства к уже существовавшим древним развитым цивилизациям. Прививка христианства к римской цивилизации сделала ее христианской византийской (романно-византийской) цивилизацией. Сходные процессы происходили и за пределами Римской империи и в пограничных областях. На восточных окраинах Римской империи (в Сирии, Армении и Египте) и за ее пределами сохранились древние цивилизации, подвергшиеся эллинистическому, а затем римскому влиянию. Прививка к ним христианства превратила египетскую цивилизацию в коптскую, сирийскую эллинистическую — в сирийскую христианскую. На Британских островах (в Ирландии, на о. Мэн и на западе Шотландии) гэльская протоцивилизация стала христианской. На западе Азии крупные народы и группы родственных этносов ока-

зались разделены границами Римской (Восточной Римской, Византийской) и Сасанидской империй. Речь идет об армянах, сирийцах, арабах, евреях, картвельских народах. Все они подверглись политической экспансии и культурному влиянию как с запада, так и с востока. Здесь образовались поместные церкви, со временем ставшие национальными, и особые христианские цивилизации. Вместе с церквями и цивилизациями Северо-Восточной Африки (от Египта и Фецана до Нубии, Аксумского царства и Сокотры), а также Индии, их объединяют понятием Христианского Востока. При этом в прибрежных городах и пригородных зонах Восточного Средиземноморья, восточного побережья Чёрного моря, на востоке Малой Азии византийская цивилизация плавно переходила в одну из восточно-христианских. Мощное византийское влияние ощущалось по всей долине Нила до южных границ христианской Нубии, где греческий язык был основным языком богослужения и книжного образования.

На северо-востоке Причерноморья христианство приняли крымские и таманские готы, но многочисленные кочевые народы Великой Евразийской степи — тюркские, угорские (мадьяры), иранские (аланы), монгольские — начали воспринимать проповедь христианства лишь в следующие исторические периоды. Однако первые попытки делались еще в VI веке. В 534 г. на Боспоре принял крещение гуннский князь Грод. Однако другие князья, в том числе его брат Маугер, подняли восстание и свергли Грода с престола. Среди гуннов, живших восточнее, на северо-западе Прикаспия, проповедовали миссионеры, посланные царем Кавказской Албании. К ним совершил путешествие посол византийского императора Пробос, чтобы завербовать наемников среди этих прославленных конных стрелков, а также укрепить в этих краях молодую христианскую общину и влияние Восточной Римской империи. Благодаря содействию кавказско-албанских миссионеров посольство Пробоса было успешным⁵. Только спустя несколько веков часть живших здесь тюрков — хазар, затем половцев и пр. — целыми племенами обратилась в христианство.

Как и в Римской империи и в степях Восточной Европы, государства южного пояса древних цивилизаций знали периоды языческой реакции. В Нижней Нубии христианами стали царь Силко во второй четверти V в.⁶ и его преемник царь Абурни. Сохранилась надпись Силко и его изображение на стене храма бога Мандулиса в Талмисе: Силко в римском одеянии (полудамент и короткая туника), верхом на коне, с копьем, повергающий врага; над головой царя — крылатая победа. На его голове — мероитская (древней местной державы) корона, украшенная рогами бога Хнума, перьями богини Маат и царскими уреями (змеями), но с одной дополнительной деталью: полумесяцем на стержне. Такие же короны найдены в гробницах нубийских царей IV—V вв. и на изображениях более позднего времени; полумесяц на короне оставался и тогда, когда эти цари исповедовали христианство⁷. Упряж коня на изображении Силко — мероитско-нубийская⁸. Сведения о Силко и Абурни есть и в письмах царя блеммиев Фонэна. По данным палеографии, одно из них было написано в 40-е гг. V в., другое — несколько позже. Себя Силко настойчиво изображал воинственным, победоносным и жестоким государем⁹. Его преемник Абурни, по-видимому, принял христианство вместе с

ним. Сыновей Абурни звали Накасэ и Мусэ. Последнее имя — библейское (Моисей). Абурни увез идолов из храма Мандулиса, и Фонэн умолял его «вернуть наших богов в храм»¹⁰. Предполагают, что Силко перенес свою столицу в Фарас (древний Пахорас), который принадлежал сторонникам религии нубийцев и мероитов. В Фарасе в начале V в. была построена церковь (открыт ее фундамент)¹¹. Но позднее она была снесена, и на ее месте царь-политеист построил свой дворец¹². После Силко и Абурни их царство оставалось языческим до 543 г., когда сирийские миссионеры-монофиситы восстановили здесь христианство.

Таким образом, в VI — первой трети VII в. сформировалось содружество христианских цивилизаций: византийской (романо-византийской), сирийской, армянской, грузинской, кавказско-албанской, коптской, нубийской, гарамантской, христианской аксумской, сокотрийской¹³, а также христианской индийской на западном побережье и крайнем юге Индии и на Шри-Ланке. Распространение христианства среди гэлов или скоттов Ирландии (с V в.), о. Мэн и западной Шотландии, а с VI в. среди пиктов северной Шотландии культурно и духовно объединило их с бриттами-христианами Британии и подняло протоцивилизации Британских островов на уровень кельтской цивилизации.

12 христианских цивилизаций¹⁴ в раннем средневековье, до появления и стремительного распространения ислама — это всемирно-историческое достижение, ставшее основой для дальнейшего распространения христианства и христианских цивилизаций (главным образом византийской и сирийской) на огромных территориях в следующие исторические периоды. В VIII—IX вв. к христианству и романо-византийской цивилизации начали приобщаться германские и славянские народы; одни из них были включены в Западную империю Карла Великого и его преемников, другие сохранили независимость. В то же время восточные сирийцы-несториане проповедовали в странах Центральной Азии и в Китае.

Вместе с тем, несмотря на распространение христианства в поясе расселения иранских, тюркских, угорских народов, среди арабских и берберских племен, наконец, в Китае, особые христианские цивилизации в I тыс. здесь не сложились.

Мощная иранская цивилизация, связанная с зороастризмом, долгое время успешно сопротивлялась христианизации. В державе Сасанидов христианство приняли разделенные народы: сирийцы (восточные), армяне, часть арабов, а также народы Кавказской Албании. Сасаниды пытались остановить распространение христианства, запрещали христианскому духовенству миссионерскую деятельность. Но год от года все больше зороастрийцев, в том числе сасанидские принцы, принимали крещение. Общины сирийцев-христиан расселились вплоть до восточных пределов Сасанидской державы — до Самарканда и дальше на восток. Кроме купцов и караванщиков среди иранских народов поселились западные сирийцы, увезенные в неволю персами после поражения византийцев во время длительных византийско-персидских войн. В некоторых местах (например, в Бендер-Шапуре) пленники-христиане забывали свой язык и начинали говорить на среднеперсидском языке. В 628 г. войны завершились победой византий-

ского императора Ираклия. Византия вернула себе все провинции, захваченные персами, и стала доминировать на западе Азии и на Кавказе. Уже с конца VI в. христианские церкви — несторианская и монофиситские поместные — получили у Сасанидов свободу вероисповедания. Теперь, с победой Византии, христианство должно было ускоренно распространиться по всей Сасанидской державе. Но силы обеих великих держав были истощены войной. Подчиненные им арабские племена (частично уже христианизированные) почувствовали свою силу. В ближайшие годы арабы-мусульмане завоевали всю территорию Сасанидской державы, которая в результате стала не христианской, а мусульманской страной.

В поясе древних цивилизаций Аравийского полуострова и Сирийской пустыни (древней южноаравийской, набатейской, пальмирской цивилизаций) иудаизм и христианство распространялись по караванным и морским путям на протяжении многих веков. В Южной Аравии VI в. антихристианская реакция приняла специфические формы. Большинство населения (арабы, близкородственные им химвяриты, народы Хадрамаута и расположенных дальше на восток областей нынешних Йемена и западной части Омана) исповедовали политеизм; многие приняли христианство: одни в форме несторианства, другие — монофиситства. Кроме того, существовала иудейская община.

В Химвяре первые христиане и христианские миссионеры были выходцами из самых разных народов. Несомненно, среди них были сирийцы, как несториане, так и монофиситы. Приходили сюда и арабы-христиане, и аксумиты. Химвяритское предание, сохраненное ат-Табари, рассказывает, что христианство в Южной Аравии впервые проповедовал Фемиион (вероятно, искаженное греческое слово со значением «пастырь») ¹⁵. Родом он был из приморской Сирии (Финикии), занимался возведением глинобитных построек. У него появился ученик — араб, рассказавший ему о своей родной стране. С торговым караваном Фемиион отправился в Химвяр, где был захвачен и продан в рабство знатному человеку. Будучи рабом, Фемиион успешно проповедовал христианство ¹⁶. Важным центром христианства в доисламской Южной Аравии был город-оазис Наджран (Награн) на северо-западе Химвяритского царства, где, в частности, проживало арабское племя харис ибн ка'б. Наджран был не только земледельческим оазисом и торговым городом, но и религиозным центром паломничеств к его святыне — наджранской Каабе, столь же популярной в доисламский период, как и мекканская Кааба. Источники (все более или менее легендарные) сохранили несколько версий христианизации этого города. Одна из них считает первым проповедником христианства в Наджране местного жителя Хайана, который принял крещение в ал-Хире ¹⁷ — столице арабского Лахмидского царства, расположенного на границе с Двуречьем. Другая версия связывает распространение христианства в Наджране с местным купцом Хайаном, который «в дни Йездигерда» (очевидно, сасанидского шаханшаха Йездигерда I, 399—420) по торговым делам ездил в Константинополь, Персию и ал-Хиру. В ал-Хире он был окрещен и, вернувшись на родину, обратил в христианство сначала свою семью, затем других людей из химвяритов и народов, обитавших на путях между Химвяром и Эфиопией. К роду Хайана-старшего принадлежал Хайан-младший — отец мученицы

Хабсы¹⁸. Еще одну традицию передает «Мученичество Азкира», сохранившееся только в переводе на язык геэз, сообщающее, что в середине — второй половине V в., при царе Химьяра «Сарахеле Данкафе» (Шарахби'иле Йаккуфе), христианин Азкир проповедовал в Зафаре и в Наджране и спорил о вере с иудеями. Наджраном в то время совместно правили два вассальных царя: Зу-Са'лабан и Зу-Кайфан (названия известных арабских племен). Они схватили Азкира и отослали его на суд в Зафар, откуда он был возвращен в Наджран и там казнен¹⁹. Это может говорить о влиянии «иудеев при царском дворе, а не об официальном иудаизме царства и царя»²⁰.

В это время во главе иудейской общины в Химьяре стояли не только купцы-караванщики, но и группа иудео-химьяритов, у которых отцы принадлежали к местной знати, а матери были рабынями — самарянками и еврейками, захваченными в плен и проданными арабами. В самом конце V — начале VI в. Химьяром правил царь-иудеист Марсад'илан Йануф²¹. Из Аксума к нему приезжали послы царя-христианина²². Но вскоре на троне Химьяритского царства в Зафаре оказался царь-христианин Ма'дикариб Йа'фур²³. Судя по местным преданиям, сохранным арабскими историками, он не был членом царского рода и силой захватил престол²⁴. В Химьяритском царстве (в г. Неджран), в Аксуме, на севере Аравии и в Византии его поддерживали христиане.

В начале 517 г. Ма'дикариб был свергнут с престола знатным химьяритом-иудеистом, внуком царя Абукариба Ас'ада и рабыни-еврейки из ассирийского Нисибина²⁵. До обращения в иудаизм его звали Ариб Ас'ар Йасар, после обращения он стал называться Юсуф (Иосиф) Ас'ар Йасар Зу-Нуvas²⁶; сирийская «Книга химьяритов» называет его Масруком. По нормам иудаизма, он, сын еврейки, считался евреем, а в глазах своих подданных оставался химьяритом и членом царского рода. Кроме Юсуфа таким был, вероятно, военачальник Хаггай Айхар, сын кайла (князя) из того же рода Йазан, автор надписи Ru 512²⁷. Кроме этих двух случаев, а также сведений о богатой наджранской христианке Руме (Рухайме), ничего не известно о роли женщин — всегда значительной при обращении элитарных групп в новую веру (так было в Римской, Сасанидской, Китайской, Монгольской империях и т.д.). Со времени царствования Марсад'илана Йануфа иудаизм стал религией части южноаравийского общества, в том числе знати и купцов смешанного происхождения, их слуг и иногда знатных людей коренного происхождения. Это меняло традиционный характер иудаизма, превращало его в прозелитическую религию, вербуящую себе адептов среди населения страны. Вместе с тем, иудейское купечество, давно обосновавшееся на караванных путях Аравийского полуострова, уступало свои позиции купцам-христианам — монофиситам и несторианам. Первым покровительствовали Византия, Аксум, арабские цари Гассаниды, вторым — Сасаниды, хотя «иудейская торговля имела опору в Иране, о чем говорит целый ряд фактов; ей несомненно покровительствовали и Сасаниды в Южной Аравии»²⁸. В начале VI в. «наджранские богачи-христиане сумели сделать зависимыми от себя химьяритских царей, в частности Ма'дикариба Йа'фура... Реакцией на это стало правление Юсуфа Ас'ара»²⁹.

Юсуф Зу-Нуvas, сделав иудаизм государственной религией Химьяритского царства, объявил войну христианству, но традиционное язычество не преследовал, поскольку простые члены земледельческих общин и пастухи в горах и пустынях оставались политеистами. В то время в Южной Аравии, согласно «Мученичеству Арефы», было много иудеев, но большинство их не соблюдало Закон, а многие продолжали почитать идолов ³⁰. Более того, войско Юсуфа включало отряды арабов-бедуинов, не принимавших иудаизма. С ним сотрудничали также несториане. Внешняя политика Химьяритского царства резко переменялась — с проаксумской и провизантийской на проиранскую, антиаксумскую и антивизантийскую. Внутри государства политика Юсуфа была направлена против той части южноаравийской знати, которая получала выгоды от торговли с Эфиопией и Византией и господствовала в окраинных областях с нехимьяритским населением: у арабов Наджрана, темнокожих тихамцев (жителей морских побережий) Ашарана, Мухвана, Фарасана, Адена и у хадрамаутцев, говоривших на языках, отличных от сабейского (сабейско-химьяритского). (В больших городах собственно Химьяра и Сабы: Зафаре и Марибе, где были христианские общины и церкви, христианская химьяритская знать делила влияние с иудео-химьяритской). Вместе с тем, иудео-химьяриты и их союзники-политеисты грабили и убивали византийских, гассанидских и аксумских купцов, оказавшихся в то время в Южной Аравии. Сирийские и греческие авторы в очень сходных выражениях говорят об этом и об ущербе, нанесенном торговым интересам Аксума: Юсуф «убивал ромейских (византийских. — Ю. К.) купцов-христиан, прекратил торговлю и задержал пошлины [Аксумского] царства и других царств», особенно повредил Аксуму ³¹.

Южноаравийские христиане немедленно обратились в Аксум за помощью. Наджранский епископ Фома отправился в Эфиопию, прося аксумитов выступить против Юсуфа ³². Фома прибыл в Адулис по морю, воспользовавшись попутным северо-восточным ветром, но от берегов нынешней Эритреи к берегам Йемена в это время года суда не ходили, так как лавировать под парусами тогда еще не умели. Как писали от имени южноаравийских христиан Симеон Бет-Аршамский и Иоанн Эфесский, «пришло зимнее время, и не смогли кушиты (эфиопы. — Ю. К.) прийти в нашу землю и поставить царя-христианина» ³³.

Кроме того, в связи со смертью аксумского нагаши (царя) Тазены и малолетством его наследника правителям Аксума пришлось снова подчинять своей власти народы агуэзат и хаса ³⁴.

Как только подул юго-западный муссон, в мае-июне 517 г. аксумские воины пересекли Красное море и высадились на побережье Аравии, вероятно, в Мухване, в порте ал-Муха ³⁵. Согласно предположению Ирфана Шахида, в этом походе участвовали и арабы-гассаниды, монофиситы по вероисповеданию ³⁶. Аксумское войско, поддержанное местным христианским населением, вступило в Зафар. Юсуф бежал в горы. Затем аксумиты вернулись в Эфиопию, оставив в Зафаре гарнизон числом примерно в 500—600 воинов, где они отстроили для себя разрушенную церковь ³⁷. Калед Элла-Асбахи кроме этой церкви упомянул о строительстве еще одной — в КН'Л ³⁸; возможно, речь идет о Канэ, как называли греки известный порт Хадрамаута ³⁹.

В Аксуме была воздвигнута стела с надписью, славящей Троицу, Христа и молодого царя, титул которого стал намного страннее, чем у его предшественников. Калед Элла-Асбаха назван «царем Аксума и Химьяра, владельцем Райдана и Сабы и Салхена и Горной страны (Тауда), и Приморской равнины (Тихамы), и владетель Йаманат, и Хадрамаута, и всех арабов своих, и владетель бега и ноба, и владетель Касу и Сыйамо», а также владетелем двух других стран, по-видимому, африканских⁴⁰. Автор надписи старательно вписал в титул царя тогдашний (с конца IV в.) полный титул химьяритских царей. Аравийская часть титула оказалась даже длиннее африканской.

Но Юсуф и его сторонники не смирились с поражением. В горах они собрали значительные силы, прежде всего отряды кайлов рода Йазан, и следующей зимой, когда северо-восточные ветры не давали возможности аксумитам переправить новые отряды в Аравию, начали завоевание непокорных городов и областей, жестоко расправляясь с христианами. Взяв Зафар и перебив находившихся там христиан-аксумитов⁴¹, Юсуф-Масрук разослал во все концы Химьяритского царства иудейских «священников» с грамотами, в которых призывал христиан повиноваться ему и перейти в иудаизм. Отказавшихся убивали⁴², церкви сжигали⁴³. В Наджране казни затянулись на несколько дней⁴⁴. Всего, по сообщению «Мученичества Арефы», было убито 770 человек⁴⁵. Были истреблены знатные городские кланы, исповедовавшие христианство, кроме, вероятно, несториан⁴⁶, вроде Абдаллаха ибн Малика, наджранского «христианина только по имени», о котором говорилось выше. Казни избежали язычники и те, кто согласился принять иудаизм. Кроме того, после освобождения Наджрана эфиопами оказалось, что некоторые христиане все-таки уцелели⁴⁷. «Юноше Абдаллаху» Масрук разрешил похоронить казненных, так как его отец Афу «был мужем из знатных глав, но притом был язычником». Позднее Афу крестился в лахмидской ал-Хире, а его сын Абдаллах составил список наджранских мучеников, которым и воспользовался автор «Книги химьяритов»⁴⁸. Других мальчиков и девочек моложе 15 лет Зу-Нувас обратил в рабство и роздал своей знати⁴⁹.

До сих пор речь шла о действиях иудео-химьяритов и язычников⁵⁰ в ближайшей к Эфиопии и Красному морю западной половине Химьяритского царства. Но Юсуф и его сторонники преследовали христиан и разрушили церкви и в восточных областях и городах: в столице Хадрамаута, в Марибе, столице Сабы и др.⁵¹ Этими гонениями и массовыми казнями Юсуф бросил вызов тогдашнему христианскому миру, Восточной Римской империи и Аксумскому царству.

Многие христиане бежали за пределы Химьяритского царства⁵². Их рассказы о гонениях, истязаниях и казнях, о разрушении церквей находили отклик в христианских кругах. Некоторые из беглецов прибыли в Эфиопию⁵³. Получив известия о захвате власти в Южной Аравии врагом, аксумский царь попытался переправиться с войском в эту страну, но нападение было отбито⁵⁴.

С этого времени, узнав о событиях в Южной Аравии, сирийские монофиситские клирики, особенно епископ Симеон Бет-Аршамский, развернули по всему Христианскому Востоку устную и письменную пропаганду крестового похода против Юсуфа. Они выступали и писа-

ли на сирийском, арабском и греческом языках, стремясь изолировать Юсуфа от северных арабских царей-язычников, от шаханшаха Ирана, от несториан. Симеон Бет-Аршамский был фактическим лидером монофиситов Сасанидской державы и страстным пропагандистом идеи сплочения воедино всех монофиситов до Армении и Кавказской Албании на севере и до Аксума и Хадрамаута на юге. Он владел множеством семитских и индоевропейских языков, много путешествовал, разъясняя монофиситскую доктрину, предлагая христианским государям проекты политических действий. Иоанн Эфесский назвал Симеона Бет-Аршамского «отважным воителем за правую веру»⁵⁵.

Ирфан Шахид доказал, что Симеон Бет-Аршамский является автором «Книги химьяритов»⁵⁶, в равной мере прославляющей и наджранских мучеников, и аксумских «мстителей за тысячи невинных жертв». Как и «Послания» Симеона Бет-Аршамского, «Книга химьяритов» имела несомненное политическое значение. Епископ Бет-Аршамский агитировал против химьяритского царя и за царя Аксума. Может быть, он стремился объединить христианские государства Красноморья не только для борьбы против Масрука, но и для создания монофиситской лиги или коалиции, вождем которой стал бы аксумский царь. Как верно заметил П. Дево, в произведениях Симеона Бет-Аршамского содержится призыв к царю Аксума, трижды повторенный во втором «Послании», вступить за единоверцев, христиан-монофиситов⁵⁷, по словам «Книга химьяритов», гонимых «ромеями, персами и химьяритами», осмеянных арабами-язычниками и несторианами. Вряд ли кто-нибудь другой обладал такой широтой политического кругозора, как этот сирийско-персидский епископ, впервые выдвинувший идею, как выразился Ирфан Шахид, «монофиситского афро-азиатского мира VI в.»⁵⁸

Спасая свои жизни, христиане и даже некоторые язычники бежали из Южной Аравии в Аксум. Их предводителем был член царской династии Химьяра Сумайфа Ашва. В 525 г. эти эмигранты высадились на юге Йемена и заняли неприступную крепость Мавият, а армия аксумитов обосновалась на западном побережье Йемена. Юсуфа оставили почти все подчиненные ему князья, он потерпел поражение и был убит. Царь Аксума Калев Элла-Асбах стал верховным правителем Химьяра. Он оставался в этой стране около семи месяцев, разместил в ней часть своего войска, строил (или восстанавливал) церкви, назначал в них клир из числа духовных лиц, прибывших вместе с ним. Калев стал также крестным отцом Сумайфа Ашва, которого назначил вассальным царем Химьяра, а затем отбыл на родину.

В Химьяре было введено двойное управление — местного вассального царя и начальника аксумских войск. Но вскоре оба они были свергнуты взбунтовавшимися аксумскими воинами, предводитель которых Абраха стал правителем страны. Калев Элла-Асбах послал против него новое войско, но оно присоединилось к мятежникам. Со временем Абраха сумел договориться с преемником Калеба, аксумским царем Элла-Усаной, признав себя его вассалом, и стал основателем эфиопской династии царей Химьяра. При этой династии в Южной Аравии продолжали жить и христиане, и иудеи, и язычники, причем христиан становилось все больше. Политика христианс-

ких царей Химьяра оставалась проаксумской и провизантийской. В русле этой политики Абраха совершил на Мекку «поход слона», упомянутый в 105-й суре Корана (в войско входили боевые слоны), по преданию, в год рождения Мухаммада.

Сасаниды не могли с этим мириться. Дважды — в 577 г. и около 599 г. — Южную Аравию покоряли персидские войска при поддержке сторонников химьяритской династии Йазан. После первого похода персы возвели на трон Сейфа — одного из сыновей Сумайфа Ашва. Но оставшиеся в стране эфиопские воины его убили и посадили на его место Масрука, сына Абрахи. После второго похода Химьяр стал одной из провинций державы Сасанидов. Поселившиеся в стране персы-зороастрийцы брали в жены местных женщин, и со временем их потомки образовали этно-конфессиональную группу, господствовавшую в стране до ее присоединения к исламскому государству пророка Мухаммада.

В VI в. Аксум становился главным цивилизационным центром южного (южнее северного тропика) христианства. В частности, отсюда на Аравийский полуостров проникали слова из языка геэз, относящиеся к церковной культуре, а также некоторые аксумские обычаи, идеи. Носителями этой культурной информации были эфиопские воины в Аравии, эфиопские купцы, а также первые мусульмане, искавшие в Аксуме убежища от преследования их курейшитами и вернувшиеся на Аравийский полуостров после побед Мухаммада. Но в результате Аравия в первой трети VII в. стала не христианской, а мусульманской страной.

В VII — начале VIII в. формально, а с течением времени и фактически, мусульманской стала и Северная Африка (теперь страны Магриба). В этно-культурном отношении она делилась на два пояса: цивилизованный латиноязычный (в Киренаике — грекоязычный) приморский пояс и бербероязычную «глубинку», значительная часть которой занимала горные и степные районы. Оба пояса испытали влияние карфагенской цивилизации (Киренаика — эллинской цивилизации). Под влиянием карфагенян древние берберы создали собственное письмо (в двух вариантах — восточном и западном); карфагенский город Кирта (Цирта) стал столицей Нумидийского царства. Среди берберских крестьян, живших по соседству с римскими крестьянами, начало распространяться христианство. В VI в., пользуясь ослаблением Вандальско-Аланского королевства, а затем Византийской империи, берберы гор и степей вели наступление на плодородные приморские равнины. В нынешнем Марокко появились царства берберских династий с романским и берберским населением, оставившие официальные надписи на латинском языке. Но особая берберская христианская цивилизация в Северной Африке не успела сложиться до того, как арабы покорили весь север Африки и соседний Пиренейский полуостров. Хотя в Магрибе местами еще долго сохранялись общины местных христиан, цивилизация берберов в средние века развилась как часть исламской цивилизации, приняв своеобразные формы у исмаилитов (этнос кутама и др.), хариджитов (многие этносы по всему Магрибу), суфиев-альморавитов и суфиев-альмохадов.

В середине VIII в. арабские войска сражались с китайскими в Центральной Азии, где в результате установилась граница Халифата

с Китайской империей династии Тан. Еще в 636 г. в ее столицу г. Чанъань прибыл несторианский миссионер, сириец Олопён (китайская передача имени Рубен?) «Император Тайцзун (626—649) послал... военачальника Фан Сюань-лина во главе эскорта в западное предместье [Чанъаня], чтобы встретить и сопровождать гостя. Его рукописи были переведены в библиотеке. После того, как в [императорских] частных покоях эти учения были проверены, император признал их справедливыми и истинными и приказал проповедовать их и распространять»⁵⁹. В 781 г. в Синъане была установлена несторианская стела с параллельными текстами императорского указа на сирийском и китайском языках, где упоминались христианские храмы «обеих столиц» (Чанъаня и Лояна) и «все [христианские] храмы, воздвигнутые в различных провинциях»⁶⁰. Тексты стелы говорят о процветании христианских общин в тогдашнем Китае. Автором надписей был несторианский священник Маар-изд Бузид, отец которого, тоже священник, прибыл в Китай из г. Балх (теперь в Афганистане); в стеле упомянут епископ Китая по имени Адам⁶¹.

Связь религий с политикой стала для христианства роковой и при Танской династии, и позднее. В 699 и 713 гг. в некоторых провинциях христиане подверглись гонениям, хотя в то время императоры Сюаньцзун (713—755), Суцзун (756—762) и их преемники покровительствовали христианству. Эту религию исповедовали министры, жены и наложницы императоров. Около середины IX в. в Китае насчитывалось более 260 тыс. христиан. Но император Уцзун (841—846) запретил все иноземные религии: в 843 г. — манихейство, в 845 г. — христианство и буддизм. На христиан обрушились гонения, все церкви (а также манихейские кумирни и буддийские монастыри) были разрушены⁶². Второй период распространения христианства (несторианства, католицизма и даже православия) наступил при монгольской династии и резко оборвался с приходом к власти китайской династии Мин. Понятно, что в этих условиях китайская цивилизация не могла стать христианской.

В I тыс. иноземные завоеватели в Северной Африке, Аравии и в Сиро-Иракском Полумесяце плодородных земель, на Пиренейском полуострове и островах Средиземноморья исповедовали высокоразвитые религии. В Египте и азиатских странах это были персы-зороастрийцы, на юге Аравии до них и после них — христиане-аксумиты, на Пиренейском полуострове, Сардинии и в Северной Африке к западу от Сиртов — христиане-ариане из Европы (вандалы, готы, свевы и аланы). В VII в. все эти страны вошли в Арабский халифат, который к середине VIII в. подчинил себе огромные пространства пояса древних цивилизаций от берегов Атлантики в нынешних Испании, Португалии и Марокко до Индийского океана, долины Инда и границ Китая. Арабы-мусульмане заняли самый центр существовавшей к тому времени зоны цивилизаций. На этой территории начала формироваться исламская цивилизация. Добрая половина раннего христианского мира, большая часть центров иудаизма, все традиционные земли зороастризма, некоторые очаги манихейства, индуизма и буддизма оказались подчинены мусульманам. Постепенно часть адептов этих религий приняла ислам. Исламская цивилизация, усвоив достижения других цивилизаций, быстро вошла в число самых

высокоразвитых в тогдашнем (средневековом) мире. Связи цивилизаций, оставшихся вне ее границ, осуществлялись теперь в основном через территорию исламской цивилизации.

В конце VIII — первой половины XI в. происходило расширение древнего пояса цивилизаций: на севере — в Центральной, Северной и Восточной Европе, на юге — в суданском поясе Африки и на восточном побережье этого материка вместе с прилегающими к нему островами. При этом протоцивилизации Западной Африки южнее суданского пояса получили новый импульс для своего развития в ранние цивилизации. В открытых для торговли с мусульманским миром, Индией и Индонезией странах Африки ислам распространялся вместе с достижениями исламской цивилизации. Исламизировались и некоторые тюркские народы Восточной Европы: волжские булгары с начала X в., тюркские племена Нижнего Поволжья после разгрома Хазарского каганата в 972 г., печенеги в начале XI века. Но в остальной Европе распространялось христианство.

Таким образом, главными событиями всемирной истории цивилизаций I тыс. были три: 1) рождение в IV—VI вв. содружества христианских цивилизаций и их первый расцвет, 2) появление исламской цивилизации в результате арабских завоеваний VII—VIII вв. и широкого синтеза цивилизаций (в том числе христианских) и 3) расширение древнего пояса цивилизаций на север и на юг. Обе мировые религии — христианство и ислам — были еще молоды и находились в процессе становления и бурного развития, тесно связанного с политическими проблемами того времени.

По сравнению с этими событиями гибель Западной Римской империи в V в. выглядит явлением регионального значения. О смене общественно-исторических формаций при гибели Западной Римской империи и рождении Византии всерьез говорить нельзя: в древности и средневековье, а в африканском и азиатском Средиземноморье и в новое время вплоть до XX в. господствовала большая феодальная формация. Уничтожение ростков капитализма в феодально-крестьянской Российской империи возродило феодализм и здесь, правда, ненадолго.

Завоевание полководцами константинопольского императора Юстиниана (527—565) Вандальско-Аланского королевства в Северной Африке и на Сардинии, Остготского королевства в Италии, на Сицилии и на западе Балканского полуострова, а также части Вестготского королевства на юге Пиренейского полуострова на некоторое время восстановило власть Римской империи и единство римской цивилизации. Но продлить их существование надолго было уже невозможно. Тем не менее, вплоть до арабских завоеваний африканские, азиатские (кроме Малой Азии) и пиренейские провинции оставались частью территории византийской (романо-византийской) цивилизации. От нее в результате мусульманских завоеваний (арабских, с XI в. — берберских, туркменских и пр.) оказались изолированы христианские цивилизации Азии и Африки, а с XIII в. — и монгольского Улуса Джучи. Они испытали особенно мощное влияние исламской цивилизации, отчасти цивилизаций Центральной и Восточной Азии. Понятие «Христианский Восток» приобрело новый цивилизационный смысл. Ослабление Византийской империи в середине XI — начале XIII в., разделение Православно-Кафолической Церкви на Православ-

ную и Католическую вместе с объединением католической Западной Европы в одно церковное и политическое целое (под властью римских пап и западных, а также «латинских» императоров), что привело к мощному развитию средневековой западной цивилизации в Европе и захваченных «франками» областей Византии, Сирии и Палестины, отвоеванных у мусульман земель Пиренейского полуострова, Южной Италии, островов Средиземноморья. В то же время византийская цивилизация приходила в упадок. Само развитие средневековой западной цивилизации шло отчасти благодаря усвоению ее народами достижений византийской, христианской сирийской, армянской и особенно исламской цивилизаций. Но это было уже во II тысячелетии.

Примечания

1. I тыс. по Р.Х. и I тыс. н.э. — это одна и та же датировка.
2. ГЕДЕОН. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М. 1997.
3. Не смешивать с Медиоланским эдиктом императора Константина, закреплявшим права христиан в Римской империи.
4. УСПЕНСКИЙ Ф.И. История Византийской империи. Т. I. СПб. 1912, с. 136.
5. ПИГУЛЕВСКАЯ Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. Л. 1941, с. 85—87.
6. KIRWAN L. Prelude to Nubian Christianity. Mélanges offerts à K. Michałowski. Warszawa. 1966, p. 121—128. Другие ученые предлагали датировать эти документы более поздним временем.
7. EMERY W., KIRWAN L. The royal tombs of Ballana and Kustul. Cairo. 1938; WENIG ST. The arts of Ancient Nubia and the Sudan. Catalog. London. 1978, p. 307.
8. GAUTHIER H. Temple de Kalabchah. T. I. Le Caire. 1911.
9. Ibid., p. 181—182.
10. Ibid., p. 185—186.
11. JAKOBELSKI ST. A history of bishopric of Pakhoras. Warszawa. 1972, p. 19 asf.
12. KIRWAN L. Op. cit.
13. Не только письменные, но и разнообразные археологические, антропологические, этнографические, фольклорные, лингвистические материалы на Сокотре открыты и исследованы участниками Российско-йеменской комплексной экспедиции 1974—2010 гг. См.: НАУМКИН В.В. Острова архипелага Сокотра (экспедиция 1974—2010 гг.). М. 2012.
14. Конечно, совпадение этого числа с числом первых апостолов случайно.
15. CONTI-ROSSINI C. Un documrnto sul christianismo nello Jemen ai tempi del re Šarahbil Jakkuf. Roma. 1911.
16. Annales quod scripsit Abu Djafar Mohamed Ibn Djarir at-Tabari. Vol. II. Leide. 1883, p. 923, 925.
17. Chronique de Séert. Histoire nestorienne. T. I. Patrologia orientalis. Paris. 1908, p. 218—219. К этой несторианской версии развития событий восходят и многие сведения сирийской «Книги химьяритов», изданной с английским переводом Акселем Мубергом.
18. The Book of the Himyarites. Lund. 1924, p. 32b.
19. ROBIN CH. Judaisme et christianisme en Arabie du Sud d'après les sources épigraphiques et archéologiques. Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. T. 10. London. 1980, p. 63.
20. ПИОТРОВСКИЙ М.Б. Южная Аравия в раннее средневековье. Становление средневекового общества. М. 1985, с. 159.
21. Его упоминают надписи 499 и 505 годов. Аксумские послы носили традиционные аксумские имена: Шага' и его сыновья Вадефа и Абраха. Их надпись не упомина-

- ет Христа, а Бога называет Всемиловитым и Господом Небес. См.: История Африки в древних и средневековых источниках. Хрестоматия. М. 1990, с. 188.
22. Там же.
  23. Сирийская «Книга химьяритов» называет его Маадикаримом. См.: *The Book of the Himyarites*. Lund. 1924, p. 147—152.
  24. ЛУНДИН А.Г. Южная Аравия в VI в. Палестинский сборник. Вып. 8 (71). М.-Л. 1961; с. 21—22. По мнению М.Б. Пиотровского, Ма'дикариба «можно отнести к ветви 'Абд Кулалитов» (членом рода кайлей-христиан 'Абд Кулал). См.: ПИОТРОВСКИЙ М.Б. Южная Аравия в раннее средневековье. М. 1985, с. 19—20.
  25. SCHRÖTER R. Trostschriften Jacob's von Serug an die himjaritischen Christen. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Bd 31. Leipzig-Wiesbaden. 1877, S. 331.
  26. Все эти имена фигурируют в надписях на сабейском языке; сирийские и арабские источники называют его Юсуфом Зу-Нуvasом, в греческих и эфиопских источниках последний вариант дается с некоторыми искажениями.
  27. «Автор Ry 512 был сыном рабыни; имя возможно позволяет судить об этнической принадлежности его матери. См.: ЛУНДИН А.Г. Ук. соч., с. 123, прим. 125.
  28. ПИГУЛЕВСКАЯ Н.В. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв. М.-Л. 1951, с. 274.
  29. ПИОТРОВСКИЙ М.Б. Ук. соч., с. 21.
  30. *Martyrium sancti Arethae et sociorum in civitate Negran*. In: *Acta sanctorum*. Octobris. T. X. Bruxelles. 1861, с. 721.
  31. Иоанн Антиохийский, Псевдо-Дионисий (по Иоанну Эфесскому), Иоанн Мала-ла, Феофан Византиец. См.: *Chronicon Pseudo-Dyonisianum vulgo dictam*. Vol. II, p. 55; *Joannes Malalae Chronographia*. Bonn. 1831, p. 433. В русском переводе И.С. Чечурова сообщение Иоанна Малалы выглядит так: «Когда купцы вступили в страну америтов (химьяритов. — Ю.К.) для ведения торговли, царь америтов Димн (Зу-Нуvas. — Ю.К.) убил их и захватил все их имущество... Поэтому торговля была прекращена. Однако царь аксумитов заявил царю америтов: «Ты сотворил зло, убив христианских купцов-ромеев и нанес ущерб моему царству». См.: История Африки в древних и средневековых источниках, с. 246.
  32. Этому посольству была посвящена особая глава «Книги химьяритов», от которой сохранилось только заглавие: «Рассказ о том, как епископ Фома прибыл к кушитам (эфиопам) и сообщил им, что химьяриты преследуют христиан». См.: FELL W. *Die Christenverfolgung in Südarabien und die himjaritisch-äthiopischen Kriege nach abessinischer Überlieferung*. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Bd 35. Leipzig-Wiesbaden. 1881, S. 36.
  33. *Chronicon Pseudo-Dyonisianum vulgo dictam*, vol. II, p. 58.
  34. PIRENNE J. (avec la collaboration de GIGAR TEFAYE). Les deux inscriptions du negus Kaleb en Arabie du sud. — *Journal of Ethiopian Studies*. Vol. XV. Addis Ababa, august 1982, p. 105 esc. Русский перевод см.: БАУЭР Г.М. История Африки в древних и средневековых источниках. Хрестоматия. М. 1990, с. 207—208.
  35. ЛУНДИН А.Г. Ук. соч., с. 32.
  36. SHANID I. *The martyrs of Najran: new documents*. Bruxelles. 1971, p. 147—148, 152.
  37. *The Book of the Himyarites*, с. CI, CV; SHANID I. *Op. cit.*, p. 44. «Мученичество Арефы» утверждает, что отряд эфиопов был оставлен и в Наджране (*Martyrium sancti Arethae et sociorum in civitate Negran*, p. 722), но более надежные источники этого не подтверждают.
  38. SCHNEIDER R. *Trois nouvelles inscriptions royales d'Aksoum*, p. 772, 776. Слово КН'Л здесь отсутствует. Его впервые прочел на стеле и истолковал А.Й. Древес.
  39. Предположение А.Й. Древес.
  40. SCHNEIDER R. *Op. cit.*, p. 771, 773.
  41. *The Book of the Himyarites*, p. 7a—7b, 19a. Число 280 указывает «Книга химьяритов», 200 — третье послание Симеона Бет-Аршамского. SHANID I. *Op. cit.*, p. 44. О расправе над аксумским гарнизоном в Зафаре говорят и три надписи его полководца Шарах'ила Йакбула (кайла из рода Йазан). Они сообщают, что его воины «сожгли церковь и убили абиссинцев (ахбашан)» в Зафаре.: Ry 507, 4; ср.: Ry 508, 3. См.: RYCKMANS J. *Inscriptions sud-arabes*, X. — *Le Muséon*. Vol. LXVI. Louvain.

- 1953, p. 267—307; EJUSD. *Inscriptions historiques sabéennes de l'Arabie centrale.* — Ibid., 1953, p. 319—342. Надписи были открыты в двух разных местах северо-восточнее Наджрана и датируются: первая — сентябрем, вторая — июнем 518 года. «Очевидно, в городе существовало значительное христианское население, которое и оказало Юсуфу упорное сопротивление». Св.: ЛУНДИН А.Г. Ук. соч., с. 34.
42. *The Book of the Himyarites*, p. 7b—8a.
43. Ry 507, 4—5; Ry 508, 3—4; Ja 1028, 3—4.
44. Первыми казнили монахов, священников, жен дьяков, затем — мужчин знатных родов («свободных») и, наконец, их жен вместе с детьми — 177 женщин и детей. См.: *The Book of the Himyarites*, p. 26a.
45. *Martyrium sancti Arethae et sociorum in civitate Negran*, p. 728a, 734.
46. Несторианская хроника, рассказывая о химьяритском царе Масруке, сообщает, что он предал смерти «часть христиан». Й.В. Гиришберг считает, что имелись в виду монофиситы, тогда как несториане остались в живых. См.: HIRSCHBERG J.W. *Nestorian sources of North-Arabic traditions on the establishment and persecution of Christianity in Yemen.* *Revista degli studi orientali.* Т. XV. Roma. 1949, p. 332—333.
47. *The Book of the Himyarites*, p. XLIV.
48. *Idid.*, p. 23b.
49. *Martyrium sancti Arethae et sociorum in civitate Negran*, p. 742.
50. Прокопий Кесарийский знал, что до воцарения Эсимифейоса (Сумайфа 'Ашва') одни химьяриты исповедовали иудаизм, а другие — языческую «древнюю веру». См.: ПРОКОПИЙ КЕСАРИЙСКИЙ. *Война с персами. Война с вандалами. Тайная история.* М. 1993, с. 67 (I, 20).
51. Об этом было рассказано в главах 29—32 «Книги химьяритов», от которых сохранились только заголовки. Название города Хаджаран идентично написанному сирийским алфавитом древнеюжноарабскому (и эфиопскому) слову *hajaran* («город»). См.: *The Book of the Himyarites*, p. LVI—LVIII, 5b. О жестоком истреблении христиан в Хадрамауте кратко сообщает и третье послание Симеона Бет-Аршамского. См.: SHANID I. *Op. cit.*, p. 45.
52. Об этом говорилось в главах 38—41 «Книги химьяритов», от которых сохранились только заголовки (от главы 40 не осталось и названия). *Ibid.*, p. CIII.
53. Главы 39 и 41 «Книги химьяритов» озаглавлены: «О том, как свободнорожденный Умайя прибыл в Абиссинию из рвения к Богу и сообщил святому епископу Евпрепию и Калебу, православному царю абиссинцев, обо всем, что Масрук распинатель сделал с христианами... Послание, которое принес православный химьярит Умайя святому епископу Евпрепию и Калебу, царю абиссинцев, от церкви земли химьяритов». *Ibidem*.
54. Как сказано в надписи Шарах'ила Йакбула, после похода на Наджран «на царя [Юсуфа] было совершено нападение морем со стороны эфиопов». Все три надписи Шарах'ила Йакбула говорят, что из Зафара химьяритское войско направилось на побережье Красного моря и здесь разделилось: сам Юсуф двинулся на Аш'аран, область Баб-эль-Мандебского пролива, а Шарах'ил — на Мухван, где находился порт ал-Муха. Воины Шарах'ила взяли этот город. Шарах'ил «убил всех жителей его и сжег церковь». JAMME A. *Sabaeen and Hasaeen inscriptions from Saudi Arabia.* Roma. 1966, p. 42; RODINSON M. *Sur une nouvelle inscription du règne de Dhou Nowas.* 1969, p. 29.
55. Об этом подробнее см.: ЧЕЧУРОВ И.С. Феофан Исповедник — компилятор Прокопия. В кн.: *Византийский временник.* Т. 37. 1976, с. 137.
56. Прежде автором считали Саргиса Русафского. *The Book of the Himyarites*, p. LXV.
57. DEVOS P. *Quelques aspects de la nouvelle lettre récemment découverte, de Siméon de Beth-Arşam sur les martyrs himyarites.* In: *IV Congresso internazionale di studi etiopici.* (Roma, 1972). Т. I. Roma. 1974, p. 109.
58. SHANID I. *Op. cit.*, p. 160, 172.
59. MOULE A.C. *Christians in China before the year 1550.* London. 1930, p. 38; ХЕННИГ Р. *Неведомые земли.* Т. II. М. 1961, с. 104.
60. ХЕННИГ Р. Ук. соч., с. 104.
61. Там же, с. 109.
62. CORDIER H. *Histoire générale de la Chine.* Т. I. Paris. 1920, p. 512.

Джозеф Смит-младший

В.В. Прилуцкий

Аннотация. В работе рассматривается биография Джозефа Смита-младшего, основоположника движения мормонов или Святых последних дней. Деятельность религиозного лидера и его церкви оказала значительное влияние на развитие Соединенных Штатов Америки в новое время. Мормоны осваивали Запад США, г. Солт-Лейк-Сити и множество поселений в Юте, Аризоне и других штатах.

Ключевые слова: Джозеф Смит, мормоны, Церковь Иисуса Христа Святых последних дней, «Книга Мормона», религиозная история США XIX в., колонизация американского Запада.

Abstract. The work deals with the biography of Joseph Smith Jr., the founder of the movement of the Mormons or Latter-day Saints. The activity of the religious leader and his Church had a significant influence on the development of the United States of America in the modern age. The Mormons settled the Western United States, founded Salt Lake City and many communities in Utah, Arizona and other states.

Key words: Joseph Smith, Mormons, the Church of Jesus Christ of Latter-day Saints, «Book of Mormon», a religious history of the United States of the XIX-th century, the colonization of the American West.

Основатель Мормонской церкви Джозеф Смит-младший (1805—1844), является одной из крупных и наиболее противоречивых фигур в истории США XIX в., не получившей должного освещения в отечественной историографии. Он был одним из лидеров движения восстановления (реставрации) истинной церкви Христа. Личность выдающегося американского религиозного реформатора остается до сих пор во многом загадкой даже для церкви, которую он создал, а также предметом дискуссий за ее пределами — в кругах ученых-исследователей. Историки дают полярные оценки деятельности религиозного лидера, вошедшего в историю как «пророк восстановления», «проповедник пограничья», «основатель новой веры», «пророк из народа — противник догматов». Первая половина XIX в. в Америке прошла под

Прилуцкий Виталий Викторович — доктор исторических наук, доцент Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского. E-mail: vitaliyp@yandex.ru.

Prilutskiy Vitaliy V. — doctor of historical sciences, associate professor at the Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky. E-mail: vitaliyp@yandex.ru.

знаком «второго великого пробуждения» — религиозного возрождения, охватившего всю страну и способствовавшего возникновению новых деноминаций. Подъем религиозности был реакцией на секуляризм, материализм, атеизм и рационализм эпохи Просвещения. Одним из его центров стал «выжженный округ» («the Burned-Over District») или «беспокойный район» — западные и некоторые центральные графства штата Нью-Йорк, пограничного с колонизируемой территорией региона. Название «сгоревший округ» связано с представлением о том, что данная местность была настолько христианизирована, что в ней уже не имелось необращенного населения («топлива»), которое еще можно было евангелизировать (то есть «сжечь»). Здесь появились миллериты (адвентисты), развивался спиритизм, действовали различные группы баптистов, пресвитериан и методистов, секты евангелистов, существовали общины шейкеров, коммуны утопистов-социалистов и фурьеристов¹. В западной части штата Нью-Йорк также возникло мощное религиозное движение мормонов.

Джозеф (Иосиф) Смит родился 23 декабря 1805 г. в местечке Шэрон, штат Вермонт, в многодетной семье фермера и торговца Джозефа Смита-старшего (1771—1840) и Люси Мак Смит (1776—1856). Он был пятым ребенком из 11 детей (двое из них умерли в младенчестве). Семья имела английские и шотландские корни и происходила от иммигрантов второй половины XVII века. Джозеф Смит-младший являлся американцем в шестом поколении². Дед будущего пророка по материнской линии Соломон Мак (1732—1820) участвовал в войне за независимость США и был некоторое время в Новой Англии преуспевающим фермером, купцом, судовладельцем, мануфактуристом и торговцем земельными участками. Но большую часть жизни его преследовали финансовые неудачи, и он не смог обеспечить своим детям и внукам высокий уровень жизни. Если родственники Джозефа Смита по отцовской линии преимущественно тяготели к рационализму и скептицизму, то родня матери отличалась набожностью и склонностью к мистицизму. Так, Соломон Мак в старости опубликовал книгу, в которой свидетельствовал, что он «видел небесный свет», «слышал голос Иисуса и другие голоса»³.

Семья Джозефа рано обеднела и вынуждена была постоянно переезжать в поисках заработков. Смиты побывали в Вермонте, Нью-Гэмпшире, Пенсильвании, а в 1816 г. обосновались в г. Пальмира штата Нью-Йорк. Бедные фермеры вынуждены были упорно трудиться на земле, чтобы обеспечивать большое семейство, и Джозеф не имел возможности и средств, чтобы получить полноценное образование. Он овладел только чтением, письмом и основами арифметики. Несмотря на отсутствие систематического образования, Джозеф Смит, несомненно, являлся талантливым человеком, незаурядной личностью. Создатель самобытной американской религии отличался мужеством, стойкостью характера и упорством еще с детства. Эти качества помогли ему в распространении своих идей и организации новой церкви. Известно, что в семилетнем возрасте Джозеф заболел во время эпидемии брюшного тифа, охватившей Новую Англию. Он практически выздоровел, но в его левой ноге развился очаг опасной инфекции. Возникла угроза ампутации. Мальчик мужественно, не прибегая к единственному известному тогда анестетику — бренди, перенес

болезненную операцию по удалению поврежденной части кости и пошел на поправку. Некоторые психоаналитики и сторонники психоистории видят в подобных «детских травмах», тяжелых переживаниях, связанных с болью или потерей близких людей, существенный фактор, повлиявший на особенности личности и поведения будущего пророка мормонов. Во взрослой жизни Смит переживал «ощущение страданий и наказания», а также «уходил» в «мир фантазий» и «нарциссизма»⁴.

В январе 1827 г. Джозеф женился на школьной учительнице Эмме Хейл (1804—1879), которая родила ему 11 детей (но только 5 из них выжили). В 1831 г. чета Смитов усыновила еще двух детей, мать которых умерла при родах. Старший сын Джозеф Смит III (1832—1914) в 1860 г. возглавил «Реорганизованную Церковь» — крупнейшее религиозное объединение мормонов, отколовшееся от основной церкви, носящее теперь название «Содружество Христа». Семья Смитов формально не принадлежала ни к одной протестантской конфессии. Некоторые ее члены временно присоединились к пресвитерианам, другие пытались посещать собрания методистов и баптистов⁵. Смиты отличались склонностью к мистицизму и даже имели чудесные «видения». Члены семейства занимались кладоискательством и поддерживали народные верования в существование «волшебных (магических) камней»⁶.

Атмосфера религиозного брожения наложила отпечаток на период юности Джозефа, который интересовался учениями различных конкурирующих Церквей, но пришел к выводу об отсутствии у них «истинной веры». Он писал в своей «Истории», являющейся частью Священного Писания мормонов: «Во время этого великого волнения мой разум был побуждаем к серьезному размышлению и сильному беспокойству; но... я все же держался в стороне от всех этих групп, хотя и посещал при всяком удобном случае их разные собрания. С течением времени мое мнение склонилось... к секте методистов, и я чувствовал желание присоединиться к ней, но смятение и разногласие среди представителей различных сект были настолько велики, что прийти к какому-либо окончательному решению... было совершенно невозможно»⁷.

Ранней весной 1820 г. у Джозефа было «первое видение»: в лесной чаще перед будущим лидером мормонов явились и разговаривали с ним Бог-отец (Элохим) и Бог-сын (Христос). Они заявили Сми-ту, что он «не должен присоединяться ни к одной из сект», так как все они «неправильны», а «все их верования омерзительны». С тех пор видения регулярно повторялись. Смит признавался, что в период 1820—1823 гг. в «очень нежном возрасте» он «был оставлен на произвол всякого рода искушений и, вращаясь в обществе различных людей», «часто, по молодости, делал глупые ошибки и был подвержен человеческим слабостям, которые... вели к разным искушениям» (употребление табака и алкоголя). «Я был виновен в легкомыслии и иногда вращался в веселом обществе и т.д., чего не должен был делать тот, кто, как я, был призван Богом», что было связано с «врожденным жизнерадостным характером»⁸.

В первой половине 1820-х гг. Джозеф пережил опыт «обращения» и приобрел ощущение того, что Иисус простил ему грехи. Это

вдохновило его и способствовало тому, что он начал делиться посланием Евангелия с другими людьми, в частности, с членами собственной семьи. В то время семья Смитов пережила ряд финансовых неудач, а в 1825 г. потеряла собственную ферму. Джозеф чувствовал себя обездоленным и не видел никаких шансов для семьи восстановить утраченное положение в обществе. Это обстоятельство только усилило в нем религиозную экзальтацию. Склонность к созерцательности и «пылкое воображение» помогали ему. У Смита проявился талант проповедника. Он начал произносить речи по примеру методистских священников, постепенно уверовав в то, что «через него действует Бог». Окружавшие его люди поверили, что у него есть «выдающийся духовный дар», то есть способность к пророчествам, описанная в Ветхом Завете.

21 сентября 1823 г., по словам Джозефа, в его комнате появился божественный вестник — ангел Мороний, рассказавший ему о зарытой на холме «Книге Мормона», написанной на золотых листах и содержавшей историю древних жителей Американского континента. Ангел заявил, что в ней содержится «полнота вечного Евангелия». Вместе с листами были сокрыты два камня в серебряных оправках, составлявшие «Урим и Туммим», необходимые для перевода книги с «измененных египетских» иероглифов на английский язык⁹. Всего Мороний являлся будущему мормонскому пророку не менее 20 раз. В течение жизни помимо Бога-сына, Бога-отца и Морония Джозефу являлись десятки вестников: Иоанн Креститель, двенадцать апостолов, Адам и Ева, Авраам, Моисей, архангел Гавриил-Ной, Святые Ангелы, Мафусаил, Илия, Енох и другие библейские патриархи и святые.

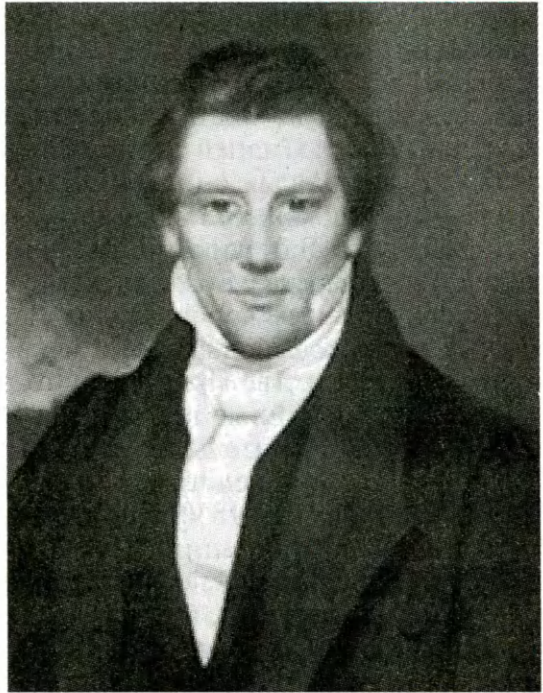
В сентябре 1827 г. ангел Мороний, якобы, позволил взять обнаруженные на холме Кумора под большим камнем недалеко от поселка Манчестер на западе штата Нью-Йорк золотые пластины¹⁰. Джозеф Смит перевел древние письмена и в марте 1830 г. их опубликовал. «Книга Мормона» описывала древние цивилизации — Нефийскую и Ламанийскую, будто бы существовавшие в Америке в доколумбовую эпоху. В ней также рассказывалось об иаредийцах, покинувших Старый Свет и переплывших Атлантический океан «на баржах» во времена возведения Вавилонской башни, приблизительно в 2200 г. до н.э. В 600 г. до н.э. эта цивилизация погибла и ей на смену пришли мулекитяне и нефийцы. Они переселились в Новый Свет (в новую «землю обетованную») из Палестины в период разрушения вавилонянами Храма Соломона в Иерусалиме. Мулекетяне смешались с нефийцами, которые создали развитую цивилизацию с множеством городов, многомиллионным населением и развитой экономикой. Нефийцы длительное время оставались правоверными иудеями по вере и крови. В 34 г. среди них проповедовал Иисус Христос, и они обратились в христианство. Но постепенно в Нефийской цивилизации нарастали негативные и разрушительные тенденции, в течение 200 лет после пришествия Христа она деградировала и погрузилась в язычество. В ней постепенно вырел новый «языческий» этнос — ламанийцы — истребивший к 421 г. всех «правоверных» нефийцев. Именно ламанийцы стали предками современных американских индейцев, которых стремились обратить в свою веру мормоны. Представления о лока-

лизации описанных в «Книге Мормона» событий носят дискуссионный характер. Часть мормонских историков полагает, что речь идет о Северной Америке и древней археологической культуре «строителей курганов». Другие мормоны считают, что события их Священного Писания произошли в Древней Мезоамерике, где иаредийцами были, вероятно, ольмеки, а нефийцами и ламанийцами — цивилизация майя ¹¹.

Ближайшим помощником и писарем Джозефа Смита во время работы над переводом «Книги Мормона» был Оливер Каудери. Согласно вероучению мормонов, Смиуту и Каудери в мае-июне 1829 г. явились небесные вестники:

Иоанн Креститель, апостолы Пётр, Иаков и Иоанн. Они даровали им два вида священства («Аароново» и «Мелхиседеково»), провозгласили их апостолами, вручили им «ключи Царства Божьего», то есть власть на совершение таинств, необходимых для организации церкви. 6 апреля 1830 г. Джозеф Смит на первом собрании небольшой группы сторонников нового учения официально учредил «Церковь Иисуса Христа Святых последних дней». Он стал ее первым президентом и пророком, возвестившим о «восстановлении Евангелия». Все остальные христианские церкви и секты были объявлены им «неистинными», виновными в «великом отступничестве» и погружении в язычество.

Летом-осенью 1830 г. члены новой религиозной общины и лично Джозеф приступили к активной миссионерской деятельности в США, Канаде и Англии. Проповеди мормонского пророка и его последователей вызывали не только положительные отклики, но и сильную негативную реакцию. Уже летом 1830 г. враги Джозефа пытались привлечь его к суду, нападали на новообращенных соседей, причиняли вред их имуществу. Миссионеры проповедовали также на окраинах страны среди американских индейцев, которых считали потомками народов, упомянутых в «Книге Мормона». Первый мормонский пророк в 1831—1838 гг. проделал путь в 14 тыс. миль (около 24 тыс. км). Он «отслужил» во многих штатах Америки и в Канаде 14 краткосрочных миссий ¹². Постепенно сформировалась современная структура Мормонской церкви, во главе которой находятся президент-пророк и два его советника, формирующих Первое или Высшее президентство, Кворум Двенадцати Апостолов, а также Совет Семидесяти. Местные приходы во главе с епископами образуют кол, которым руководят президент, два его помощника и высший совет кола из 12 священнослужителей. Колы объединяются в территорию, во главе

которой находится председательствующий епископат (президент и два советника).

Джозеф Смит уже в начале своей деятельности ориентировал себя и окружающих на достижение значительных результатов. Советник Смита в 1844 г. Сидней Ригдон свидетельствовал: «Я вспоминаю как в 1830 г. встречался со всей Церковью Христа в маленьком старом бревенчатом домике площадью около 20 квадратных футов (36 кв. м) неподалеку от Ватерлоо, штат Нью-Йорк, и мы начинали уверенно говорить о Царстве Божьем, как если бы под нашим началом был весь мир... В своем воображении мы видели Церковь Божью, которая была в тысячу раз больше... тогда как миру ничего еще не было известно о свидетельстве Пророков и о замыслах Бога... Но мы отрицаем, что проводили тайные встречи, на которых вынашивали планы действий против правительства»¹³.

В связи с преследованиями первых мормонов в восточных штатах Джозеф в конце 1830 г. принял решение о переселении на западную границу Соединенных Штатов — в Миссури и Огайо, где предполагалось построить первые поселения и основать храм. В 1831—1838 гг. сначала сотни, а потом и тысячи Святых продали имущество (иногда в ущерб себе) и преодолели огромное по тем временам расстояние (от 400 до почти 1500 км). Они основали несколько поселений в Миссури, где предполагалось возвести храм в ожидании второго пришествия Христа, а также в Огайо. Центром движения стал г. Киртланд в штате Огайо, где мормоны, несмотря на лишения и трудности, построили в 1836 г. свой первый храм. Джозеф постоянно проживал в Киртланде, но часто навещался к своим сторонникам в штат Миссури.

В 1836 г. члены Мормонской церкви решили заняться банковским бизнесом и основать собственный банк. В январе 1837 г. ими было учреждено «Киртландское общество сбережений», в руководство которого вошел Джозеф Смит. Это был акционерный банк, созданный для осуществления кредитных операций и выпустивший облигации, обеспеченные приобретенной Церковью землей. Но в мае 1837 г. Соединенные Штаты поразил затяжной финансовый и экономический кризис, жертвой которого стал и мормонский банк. Часть мормонов, доверившая свои сбережения потерпевшему крах финансовому институту, обвинила Смита в возникших проблемах и возбудила против него судебные дела. Мормонский пророк вынужден был бежать из Огайо в Миссури¹⁴. Всего за время пребывания Смита от Мормонской церкви откололись 9 разных групп и сект (в 1831—1844 гг.).

Местное население в Миссури («старые поселенцы», преимущественно по происхождению южане и рабовладельцы) враждебно отнеслось к новым переселенцам-северянам. Мормонский пророк и его окружение вынуждены были регулярно участвовать в возбуждаемых их врагами многочисленных гражданско-правовых тяжбах и уголовных процессах. Несколько раз Джозефа Смита арестовывали и сажали в тюрьму. В 1832—1834 и 1836 гг. произошли волнения, и мормонов начали изгонять из районов их проживания. В ходе одного из таких массовых беспорядков Джозефа вывалили в смоле и перьях и едва не убили. В 1838 г. конфликт перерос в так называемую «Мормонскую войну в Миссури» между вооруженными отрядами Святых («данита-

ми» или «ангелами разрушения») и милицией (ополчением штата). Состоялось несколько стычек, и даже произошли настоящие сражения, в ходе которых погибли 1 немормон и 21 мормон, включая одного из апостолов. Руководство Миссури потребовало от мормонов в течение нескольких месяцев продать свои земли, выплатить денежные компенсации штату и покинуть территорию¹⁵.

В начале 1839 г. мормоны вынуждены были переселиться на восток — в Иллинойс, где они построили «новый Сион» — крупный населенный пункт Наву. Наву располагался в излучине реки Миссисипи на крайнем западе штата. Вследствие притока обращенных в новую веру иммигрантов из Великобритании и Канады поселение быстро выросло в большой по тем временам город, насчитывавший 12 тыс. человек. Наву конкурировал как со столицей штата, так и с крупнейшим центром Иллинойса — Чикаго¹⁶. Джозеф Смит в Наву занимался фермерским хозяйством и предпринимательством, купив магазин товаров широкого потребления. Он участвовал в организации школьного образования в городе. Сохранились бревенчатая хижина, в которой первоначально жила семья Смитов, и двухэтажный дом, получивший название «Особняк», в который она переехала летом 1843 года.

В ноябре 1839 г. Джозеф Смит встречался в Вашингтоне с сенаторами, конгрессменами и лично с президентом США Мартином Ван Бюреном. Он просил содействия в получении компенсации за ущерб и потери, которые понесли Святые. В результате «гонений» в Миссури ими было утрачено имущество на 2 млн долларов. Смита неприятно удивил ответ президента. Ван Бюрен цинично заявил: «Ваше дело правое, но я ничего не могу сделать для мормонов», поскольку «если помогу вам, то потеряю голоса в Миссури». Несмотря на «полную неудачу» в столице, Джозеф занялся миссионерством. С «большим успехом» он «проповедовал Евангелие» в Вашингтоне, Филадельфии и других городах восточных штатов и вернулся в Наву только в марте 1840 года¹⁷.

В 1840—1846 гг. Святые создали в Наву свой новый храм, возведение которого стало одной из самых масштабных строек в Западной Америке. Бедность мормонов, среди которых было много иммигрантов, и отсутствие финансовых средств затянули строительство. В недостроенном храме начали проводиться религиозные ритуалы и обряды, разработанные Смитом. Мормонский пророк обнародовал откровения о необходимости крещения за умерших предков, а также совершения обрядов «храмового облечения» и «запечатывания» мужей и жен «на всю вечность». В 1843 г. Джозеф выступил за восстановление многоженства, существовавшего у древних евреев в библейские времена. Он делал подобные заявления еще с 1831 г., но Церковь официально признала подобную практику только в 1852 году. Современники и историки более позднего времени видели в мормонской полигамии протест против норм викторианской морали¹⁸.

Исследователи называют имена до 50 полигамных жен Смита, но большинство предполагает, что в период 1841—1843 гг. он заключил в храме «целестиальный (небесный или вечный) брак» с 28—33 женщинами в возрасте от 20 до 40 лет. Многие из них уже состояли в официальном браке или были помолвлены с другими мужчинами.

Они были «запечатаны» с мормонским пророком только для грядущей жизни в загробном мире. Некоторые жены Смита впоследствии стали полигамными супругами другого лидера мормонов — пророка Бригама Янга. Неясно, были ли это только духовные отношения, на чем настаивают сторонники «строгого пуританизма» Джозефа, или же полноценные браки. В настоящее время (2005—2016 гг.) проведен анализ ДНК 9 из 12 предполагаемых детей Смита от полигамных жен, а также их потомков. В 6 случаях был получен отрицательный ответ, а в 3 случаях отцовство оказалось невозможно установить или же дети умерли в младенчестве ¹⁹.

Законодательная ассамблея Иллинойса даровала г. Наву широкую автономию на основании городской хартии. Мэром города был избран Джозеф. Мормоны образовали собственные большие по численности вооруженные формирования — «Легион Наву», формально входивший в ополчение (милицию) штата и возглавлявшийся Джозефом Смитом в звании генерала. Таким образом, мормонский пророк сосредоточил в своих руках не только неограниченные властные религиозно-церковные полномочия над Святыми, но и политическую, а также военную власть на территориальном уровне. Община в Наву де-факто стала «государством в государстве». Кроме того, в январе 1844 г. Джозеф был выдвинут мормонами в качестве кандидата в президенты США. Любопытно, что он был первым в американской истории кандидатом, убитым в ходе президентской кампании. Религиозный деятель являлся предшественником другого известного мормона — Митта Ромни, одного из претендентов от республиканцев на пост президента на выборах 2008 года. Ромни также безуспешно пытался баллотироваться на высшую должность в стране от Республиканской партии в ходе избирательной кампании 2012 года.

Во время президентской кампании 1844 г., когда наблюдалась острая борьба за власть между двумя ведущими партиями страны — демократами и вигами — Смит сформулировал основные положения мормонской политической доктрины, получившей название «теодемократия». По его мнению, власть правительства должна основываться на преданности Богу во всех делах и одновременно на приверженности республиканскому государственному строю, на сочетании библейских теократических принципов и американских политических идеалов середины XIX в., базирующихся на демократии и положениях Конституции США. Признавались два суверена: Бог и народ, создававшие новое государственное устройство — «Царство Божие», которое будет существовать в «последние дни» перед вторым пришествием Христа. При этом предполагалось свести до минимума или исключить принуждение и насилие государства по отношению к личности. Власть должна действовать на основе «праведности». Более поздние руководители Святых усилили религиозную составляющую «теодемократии», хотя формально мормонские общины к «чистой теократии» так и не перешли ²⁰. В реальной практике церковь мормонов эволюционировала от организации, основанной на американских демократических принципах, в направлении сильно централизованной и авторитарной структуры ²¹.

Главной причиной выдвижения Смита в президенты мормоны считали привлечение внимания общественности к нарушениям их

конституционных прав (религиозных и гражданских), связанных с «преследованиями», «несправедливостью» и необходимостью компенсации за утерянную собственность в Миссури ²². Мормоны, как правило, поддерживали партию джексоновских демократов, но в их президентской программе 1844 г. ощущалось также сильное вигское влияние, поскольку в ней нашли отражение интересы северных штатов. Смит придерживался антирабовладельческих взглядов, но отвергал радикальный аболиционизм. В предвыборной платформе Джозефа можно выделить следующие пункты: 1) постепенная отмена рабства (выкуп рабов у хозяев за счет средств, получаемых от продажи государственных земель); 2) сокращение числа членов Конгресса, по меньшей мере, на две трети и уменьшение расходов на их содержание; 3) возрождение Национального банка; 4) аннексия Техаса, Калифорнии и Орегона «с согласия местных индейцев»; 5) тюремная реформа (проведение амнистии и «совершенствование» системы исполнения наказаний вплоть до ликвидации тюрем); 6) наделение федерального правительства полномочиями по защите меньшинств от «власти толпы», из-за которой страдали мормоны (президент должен был получить право на использование армии для подавления беспорядков в штатах, не спрашивая согласия губернатора) ²³.

В 1844 г. мормонские миссионеры в разных регионах страны вели помимо религиозной пропаганды еще и предвыборную агитацию. Политические устремления Святых последних дней порождали подозрения в существовании «мормонского заговора» не только против Соединенных Штатов, но и всего мира. Современников настораживали успехи в распространении новой религии в США, Великобритании, Канаде и в странах Северной Европы. Враги и «отступники» обвиняли мормонов в том, что они, якобы, задумали создать «тайную политическую империю», стремились организовать восстания индейцев-«ламанийцев», захватить власть в стране и даже мечтали о мировом господстве. Этим целям должен был служить секретный «Совет Пятидесяти», образованный вокруг Джозефа из его ближайших сподвижников. Предположения о политическом заговоре носят дискуссионный характер. Отдельные высказывания Джозефа и планы по распространению мормонизма во всем мире, в том числе в России, косвенно свидетельствуют об огромных амбициях, в том числе и политических, лидера мормонов и его окружения. Так, в мае 1844 г. мормонский пророк заявил, что он является «единственным человеком с дней Адама, которому удалось сохранить всю Церковь в целости», «ни один человек не проделал такой работы» и даже «ни Павлу, ни Иоанну, ни Петру, ни Иисусу это не удавалось» ²⁴.

В начале лета 1844 г. произошли роковые для Святых события. Отколовшаяся от Церкви группа мормонов во главе с Уильямом Ло выступила против Смита. Она организовала типографию и начала выпускать оппозиционную газету «*Nauvoo Expositor*», в которой разоблачала деятельность пророка, пытавшегося «объединить церковь и государство», а также его «ложные» и «еретические» учения о множестве богов и полигамии ²⁵. По приказу мормонского лидера, в городе было введено военное положение. Бойцы из «Легиона Наву» разгромили антимормонскую типографию и разбили печатный станок. Возникла угроза войны между немормонами и мормонским ополчени-

ем. Губернатор штата, настроенный негативно по отношению к Святым, решил использовать милицию для предотвращения дальнейших беспорядков и кровопролития. Джозеф бежал в Айову, но получил гарантии от властей и до суда по обвинению в государственной измене (из-за неправомерного введения военного положения и разгрома типографии) был заключен в тюрьму в г. Картидж (Карфаген). С ним оказались его брат Хайрам, являвшийся «патриархом Церкви», а также ближайшие друзья и сторонники. «Легион Наву» в случае волнений мог быть использован для защиты Смита, но его командование не проявило активности и не предприняло мер по спасению своего командующего.

Вечером 27 июня 1844 г. на тюрьму напала вооруженная толпа примерно из 200 противников мормонов. В завязавшейся перестрелке (Смит был вооружен пистолетом и сумел ранить 2 или 3 нападавших) мормонский пророк и его брат были убиты. Тело Джозефа было захоронено в тайном месте недалеко от его дома, чтобы избежать надругательств над ним. Несколько раз место погребения менялось и в результате было утеряно. Только в 1928 г., спустя более 80 лет после трагических событий, тело было вновь обнаружено и торжественно погребено на новом месте в Наву. Могилы Джозефа, Хайрама и Эммы стали одной из исторических достопримечательностей города. Смерть Смита привела к расколу в рядах Церкви, который был относительно быстро преодолен. Большинство мормонов признали лидерство нового пророка Б. Янга и последовали за ним в Юту — в то время спорную пограничную территорию между Мексикой и Соединенными Штатами, где они надеялись обрести убежище и спастись от гонений.

Джозеф Смит по-прежнему остается наиболее спорной фигурой в истории Соединенных Штатов XIX века. Оценки личности Джозефа и его исторической роли носят противоположный характер. Мормоны и близкие к ним историки идеализируют своего первого пророка, полагая, что он «зложил фундамент самой великой работы и самого великого устройства из всех, когда-либо установленных на Земле». Они полагают, что его «миссия имела духовную природу» и «исходила непосредственно от Бога»²⁶. Джозеф Смит являлся «председательствующим старейшиной, переводчиком, носителем откровений и провидцем», который «сделал для спасения человечества больше, чем какой-либо другой человек, кроме Иисуса Христа»²⁷.

В период жизни Смита, а также после его гибели в США вышло множество критических статей и антимормонских книг, в которых разоблачалось новое религиозное учение. Современники сравнивали руководителя мормонов с Мухаммедом и обвиняли в «фанатизме» и желании «создать обширную империю в Западном полушарии». Критики мормонизма указывали, как правило, на «необразованность» или «полуграмотность» Джозефа Смита. Они утверждали, что авторами «Книги Мормона» и его откровений от имени Бога в действительности были советник лидера Святых Сидней Ригдон и люди из ближайшего окружения. «Антимормоны» создали негативный образ Джозефа, полагая, что он отличался крайне властолюбивым характером, «непомерными амбициями», аморальностью, провозгласил множество несбывшихся пророчеств и являлся инициатором учреждения в США полигамии²⁸.

В действительности историческая роль Джозефа Смита огромна. Можно согласиться с мнением известного американского историка Роберта Ремини, который в 2002 г. писал: «Пророк Джозеф Смит, безусловно, является самым крупным реформатором и новатором в американской религиозной истории»²⁹. Исследователи, как правило, сравнивают Смита с его известными современниками: проповедником, писателем и философом-трансценденталистом Ральфом Уолдо Эмерсоном (1803—1882), а также негритянским «пророком» Натом Тернером (1800—1831), предводителем восстания рабов в Вирджинии в 1831 году. Значительное влияние мормоны оказали на процесс колонизации территорий Запада, особенно на освоение Юты. Мормонизм вырос из англосаксонского протестантизма, но одновременно противопоставил себя ему, выступив антагонистом. Мормонизм стремился к возрождению забытой и отрицаемой христианством нового времени библейской традиции, связанной с пророками, апостолами и пророчествами, откровениями и чудесными знаменами, явлениями божественных личностей и ангелов. Многоженство также воспринималось как попытка восстановления практики древних семитов времен Ветхого Завета.

Известность в стране Джозеф Смит получил в 24 года после публикации «Книги Мормона», которая широко обсуждалась в прессе и среди публицистов. Он являлся харизматичным лидером, обладал даром убеждения и организаторским талантом. «Носитель откровений» занимался также финансово-экономической деятельностью и политикой. Джозеф Смит заложил основы будущего экономически процветавшего мормонского квазигосударственного образования Дезерет на территории штата Юта, существовавшего в 1840—1850-е годы. Он был создателем новой религии, быстро распространяющейся во многих странах мира и объединяющей в настоящее время более 15 млн последователей (почти $\frac{2}{3}$ из них проживают за пределами США).

Примечания

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МД-978.2018.6. Проект: «Социальный протест, протестные движения, религиозные, расовые и этнические конфликты в США: история и современные тенденции».

1. CROSS W.R. The Burned-over District: The Social and Intellectual History of Enthusiastic Religion in Western New York, 1800—1850. Ithaca. 2015 (1-st edition — 1950), p. 3—13. См. также: WELLMAN J. Grass Roots Reform in the Burned-over District of Upstate New York: Religion, Abolitionism, and Democracy. N.Y. 2000.
2. Biographical Sketches of Joseph Smith, the Prophet, and His Progenitors for Many Generations by Lucy Smith, Mother of the Prophet. Liverpool-London. 1853, p. 38—44.
3. BUSHMAN R.L. Joseph Smith and the Beginnings of Mormonism. Urbana. 1984, p. 11—19.
4. См.: MORAIN W.D. The Sword of Laban: Joseph Smith, Jr. and the Dissociated Mind. Washington. D.C. 1998; BROWN S.M. In Heaven as It Is on Earth: Joseph Smith and the Early Mormon Conquest of Death. Oxford-N.Y. 2012.
5. BUSHMAN R.L. Op. cit., p. 53—54.
6. MORAIN W.D. Op. cit., p. 9—11.
7. СМИТ ДЖ. История 1:7-8.
8. Там же, 1:13-20, 1:28.

9. REMINI R.V. Joseph Smith. N.Y. 2002, p. 40—45.
10. СМИТ ДЖ. Ук. соч. 1:59.
11. HILLS L.E. New Light on American Archaeology: God's Plan for the Americas. Independence, 1924; CHASE R.S. Book of Mormon Study Guide. Washington. UT. 2010, p. 65—66. Также см.: ЕРШОВА Г.Г. Древняя Америка: полет во времени и пространстве. Мезоамерика. М. 2002, с. 17, 114—118.
12. CROWTHER D.S. The life of Joseph Smith 1805—1844: an atlas, chronological outline and documentation harmony. Bountiful (Utah). 1989, p. 16—25.
13. Conference Minutes, April 6, 1844. — Times and Seasons. 1844, May 1, p. 522—523.
14. PARTRIDGE S.H. The Failure of the Kirtland Safety Society. — BYU Studies Quarterly. 1972, Summer, Vol. 12, № 4, p. 437—454.
15. LESUEUR S.C. The 1838 Mormon War in Missouri. Columbia-London. 1990.
16. Любопытна дальнейшая судьба Наву. В 1846 г. мормоны вынуждены были переселиться в Юту и полностью покинуть город, который в 1849 г. перешел во владение утопической коммунистической колонии «Икария» во главе с философом Этьеном Кабе. Коммуна «икарийцев» состояла из более 300 французских рабочих-переселенцев и просуществовала до 1856—1857 годов. Впоследствии в Наву поселились немцы, исповедовавшие католицизм, потомки которых составляют сейчас большинство населения города, насчитывающего немногим более 1 тыс. человек. Мормонский храм был сильно поврежден пожаром в 1848 году. Мормоны (в основном пожилые пары) начали возвращаться и селиться в Наву только в 1956 году. В 2000—2002 гг. был восстановлен с точностью до деталей старый мормонский храм. В настоящее время Наву — сельскохозяйственный и историко-культурный центр.
17. CANNON G.Q. Life of Joseph Smith: The Prophet. Salt Lake City. 1888, p. 301—306.
18. BROWN S.M. Op. cit., p. 243.
19. GROOTE M. de. DNA solves a Joseph Smith Mystery. — Deseret News. 2011, July 9; PEREGO U.A. Joseph Smith apparently was not Josephine Lyon's father, Mormon History Association speaker says. — Deseret News, 2016, June 13.
20. MASON P.Q. God and the People: Theodemocracy in Nineteenth-Century Mormonism. — Journal of Church and State. 2011, Summer, Vol. 53, № 3, p. 349—375.
21. HAMMOND J.J. The creation of Mormonism: Joseph Smith, Jr. in the 1820s. Bloomington (IN). 2011, p. 279—280.
22. History of the Church (History of Joseph Smith, the Prophet). Vol. 6. Salt Lake City. 1902—1932, p. 210—211.
23. General Smith's Views of the Power and Policy of the Government of the United States, by Joseph Smith. Nauvoo, Illinois. 1844. URL:<http://www.latterdayconservative.com/joseph-smith/general-smiths-views-of-the-power-and-policy-of-the-government>.
24. History of the Church, vol. 6, p. 408—409.
25. Nauvoo Expositor. 1844, June 7, p. 1—2.
26. WIDSTOE J.A. Joseph Smith as Scientist: A Contribution to Mormon Philosophy. Salt Lake City. 1908, p. 1—2, 5—9; MARSH W.J. Joseph Smith-Prophet of the Restoration. Springville (Utah). 2005, p. 15—16, 25.
27. Руководство к Священным Писаниям. Книга Мормона. Еще одно свидетельство об Иисусе Христе. Солт-Лейк-Сити. 2011, с. 169—170.
28. ДВОРКИН А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Нижний Новгород. 2002, с. 68—74, 80—82, 84—85. — URL:<http://www.odinblag.ru/wp-content/uploads/Sektovedenie.pdf>.
29. Joseph Smith, Jr.: Reappraisals after Two Centuries. Oxford-N.Y. 2009, p. 3.

Судьбы военнопленных калмыков в 1940—1950-е гг.

К.Н. Максимов

Аннотация. Тема советских военнопленных является одной из сложных и дискуссионных страниц истории Великой Отечественной войны. Несмотря на издание в 2009 г. новейшего справочного труда коллективом авторов Управления Министерства обороны РФ (по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества), полемика вокруг проблемы людских потерь не утихает. Историография этого вопроса пополняется новыми трудами как отечественных, так и зарубежных авторов. Однако в них исследователи рассматривают с разных позиций и анализируют общие людские потери в годы войны. В данной публикации на основе выявленных документальных источников в контексте общей проблемы безвозвратных потерь личного состава Красной армии исследуется актуальная тема в истории одного из народов СССР — судьба военнослужащих калмыков, попавших не по своей воле в фашистский плен. Многие из них вынесли тяготы и лишения ада фашистских концлагерей, остались верными присяге, вернулись живыми, прошли на родине через спецлагеря и спецпоселения и в конечном итоге были восстановлены в статусе участников Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, фашизм, концлагеря, военнопленные, Красная армия, безвозвратные потери, Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, НКВД СССР, проверочно-фильтрационные лагеря, калмыки.

Abstract. The subject of the Soviet prisoners of war is one of the most difficult and controversial pages of the Great Patriotic War. Discussion on the problem of casualties does not cease. The matter is replenished with new works by both domestic and foreign authors. However, researchers examine and analyze the general human losses during the war from different positions. This article is based on the documentary sources examines an actual subject on the history of one of the people of the Soviet Union — Kalmyks. Data is given in the context of the irrevocable losses of the Red Army during Great Patriotic War. Many of Kalmyk servicemen endured hardships and deprivations of the Nazi concentration camps, remained faithful to the oath, returned to their homeland they fell into special camps and settlements. They were restored to the status of a participant of the Great Patriotic War over time.

Key words: the Great Patriotic War, fascism, concentration camps, prisoners, Red Army, casualties, NKVD, verification-filtration camp, kalmyks.

Максимов Константин Николаевич — доктор исторических наук, профессор Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова. E-mail: tsagadam@mail.ru.

Maksimov Konstantin N. — doctor of historical sciences, professor of the Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov. E-mail: tsagadam@mail.ru.

В XX в. в масштабах жизни одного поколения разразились две войны планетарного масштаба. В орбиту первой мировой войны 1914—1918 гг. было втянуто 33 государства с населением до 1,5 млрд чел., а во вторую мировую — 62 государства с населением до 1,7 млрд человек. В первой мировой войне под ружье были призваны до 70 млн мужчин, а во второй — 110 миллионов. Общие людские потери в обеих войнах составили около 65 млн чел., из них только во второй мировой войне погибло 55 млн чел., в том числе граждан Советского Союза — 26,6 млн, Германии — 16,75 млн, Польши — 6 млн, Югославии — 1,7 млн, Франции — 600 тыс., США — 322 тыс., Англии — 303 тыс. (без учета колоний) и т.д. В годы второй мировой войны из 18 млн граждан Европы, оказавшихся более чем в 22 тыс. немецких концентрационных и государственных лагерях для военнопленных, фашисты уничтожили 11 млн человек. Особенно густая сеть лагерей была в Бранденбургской, Саксонской, Баварской провинциях, Рейнской и Вестфальской областях и других промышленных центрах Германии, а также на территориях оккупированных стран Европы ¹.

В период первой мировой войны боевые потери армии России составили 7917 тыс. чел. (51,5% всей численности призванных и 5% населения страны — без Польши и Финляндии), в их числе 1650 тыс. убитых и умерших от ран, 3850 тыс. раненных, 2417 тыс. пленных ².

В Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. общие безвозвратные потери Красной армии и Военно-Морского флота, по данным новейшего справочного издания Г.Ф. Кривошеева, составили: по списочному учету состава — 11 285 057 чел., с пограничными и внутренними войсками — 11 444 157 (36,8% общего числа призванных и 5,6% населения страны), в их числе 6 885 117 убитых, умерших от ран и болезней, 4 455 620 пропавших без вести и попавших в плен ³. Причем правильнее будет указать — «пропавшие без вести и погибшие в плену».

Авторы новейшего справочного издания масштабы потерь личного состава Красной армии в годы войны определили расчетным способом с помощью коэффициента пропорциональности (в процентах). По их данным, количество погибших военнослужащих калмыков составило 4 тыс. человек ⁴. Между тем калмыки, служившие в основном в стрелковых соединениях и частях, воевали и погибли в самые трудные в военно-стратегическом отношении периоды Великой Отечественной войны (с 22 июня 1941 г. по 18 ноября 1942 г. и с 19 ноября 1942 г. по 31 декабря 1943 г.). Затем, по приказу Генерального штаба Красной армии от 8 января 1944 г., основная масса калмыков рядового и сержантского состава была снята с фронта и отправлена в исправительно-трудовые лагеря НКВД СССР, а офицеры — на спецпоселение к семьям в Сибирь.

Только на Южном, Юго-Западном и Северо-Кавказском фронтах (20.05.42 г. — 3.09.42 г.), где в основном воевали калмыки, с 25 июня 1941 по 28 июля 1942 г. безвозвратные потери составили 1 555 094 чел. (33,4% всех безвозвратных потерь Красной армии и Военно-Морского флота за это же время), в том числе пропавшие без вести и попавшие в плен — 1 217 748 чел. (40% всех пропавших без вести и попавших в плен за это время), из них 90 961 офицер, 163 835 сержантов, 962 952 солдата. Общие потери Красной армии и Военно-морского флота в

1941 г. и в первой половине 1942 г. составили 4 655 886 чел. (41,3% всех безвозвратных потерь за войну с Германией), из них 3 045 592 чел. пропали без вести и попали в плен (68,36% всех пропавших без вести и попавших в плен) ⁵.

В 1941—1943 гг. были призваны и сражались на фронтах Великой Отечественной войны 43 210 уроженцев Калмыкии, в том числе 21 129 калмыков (всего калмыков, с учетом других краев и областей СССР, было 25 747 человек). К концу 1944 г. потери среди калмыков составили 14 284 чел., из них погибли 6142 (43,1%), умерли в госпиталях от ран — 1483 (10,3%), попали в плен и пропали без вести — 6659 чел. (46,6%), санитарные потери составили 2965 чел., сняли с фронта и отправили в лагеря НКВД СССР 5934 чел., из них умерли до 1,5 тыс. человек. В 1945 г. продолжали воевать 2236 калмыков, в том числе 453 офицера, 387 сержантов и 1396 рядовых ⁶.

Таким образом, безвозвратные потери в 1941—1945 гг. военнослужащих калмыков составили 15 784 человек. С учетом выживших в фашистских концлагерях и вернувшихся на родину (4327 чел.) безвозвратные потери среди калмыков к маю 1945 г. составили 11 547 чел. (44,5% всей численности призванных на фронт и 8,5% всей численности калмыцкого населения СССР). Число безвозвратных потерь среди калмыков в годы войны, в отличие от количества, указанного в новейшем справочнике (4 тыс.), составило 6142 человека.

В указанном справочном издании установлено, что из плена после войны вернулись 1 836 562 советских военнослужащих. Действительно, в число 5 448 592 советских граждан, репатриированных в 1944—1949 гг., входило указанное количество военнопленных. По данным Управления уполномоченного правительства СССР по делам репатриации, цифра пленных военнослужащих составляла 2 016 480 человек ⁷. Это число советских военнопленных, выживших в фашистских лагерях и взятых на учет после освобождения из фашистских лагерей, почти на 400 тыс. меньше по сравнению с данными, приведенными в сборнике материалов Нюрнбергского процесса, где указано, что «из 5 млн 700 тыс. советских военнопленных 3 млн 300 тыс. (58%) погибли». Цифры из материалов Нюрнбергского процесса близки к данным К. Штрайта (5 734 528 чел. к 1 февраля 1945 г., из них уничтожены в лагерях 3 300 000 чел.), который исходил из подсчета всех попавших в плен советских граждан ⁸.

В справке Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации от 25 февраля 1945 г., на основании сведений германской военной сводки, указывалось, что в июне 1942 г. в немецких концентрационных лагерях для военнопленных находилось 4 млн советских военнослужащих, а по данным К. Штрайта — 4 716 903 человека. В письме имперского министра по делам оккупированных восточных территорий А. Розенберга начальнику штаба верховного командования вермахта (ОКВ) В. Кейтелю от 28 февраля 1942 г. отмечалось, что в лагерях Германии находилось 3,6 млн советских военнопленных, а Мансфельд, руководитель V главного управления имперского Министерства труда, 19 февраля 1942 г. докладывал о 3,9 млн русских (в их числе могли быть и гражданские лица), но в живых осталось всего 1,1 млн (28,2%). Только в ноябре 1941 — январе 1942 г. умерло 500 тыс. русских ⁹.

В новейшем справочнике Кривошеева указывается, что находившихся в фашистских лагерях и привлеченных в качестве рабочей силы на различных объектах на 1 февраля 1942 г. числилось 1 168 267 человек. Таким образом, эти данные (1 168 267 чел.) и сведения Мансфельда почти совпадают. Во вступительной речи на Нюрнбергском процессе главный обвинитель от СССР Р.А. Руденко, приводя неопровержимые документальные свидетельства, отмечал, что «много советских военнопленных было расстреляно и повешено, а также погибло от голода и инфекционных заболеваний, от холода и пыток, которые методически применялись немцами по заранее задуманному плану, ставившему целью массовое истребление советских людей»¹⁰.

Свидетель — француз Ф. Буа — показывал на процессе, что в ноябре 1941 г. в лагере Маутхаузен из 7000 советских военнопленных в живых осталось всего 30 человек. Это подтвердилось и показаниями самих немцев. Офицер абвера В. Лянгхельд на допросе откровенно признался: «зверства, которые мы чинили над военнопленными, были направлены на истребление их, как лишних людей». Английский профессор Николаус Вахсман писал, что «массовая гибель советских солдат в конце 1941 г. не ограничивалась концлагерями на оккупированных восточных территориях. Можно утверждать, что и в Заксенхаузене почти 30% советских военнопленных погибли в течение первого месяца за колючей проволокой (не считая “комиссаров”, расстрелянных в затылок в бараке смерти). А в Гросс-Розене к 25 января 1942 года в живых оставалось всего 89 человек из доставленных туда 2500 советских военнопленных»¹¹.

Данные, указанные в новейшем справочнике (общее количество советских военнопленных 4 млн 599 тыс. чел. и число погибших и умерших в нацистских лагерях более 2 млн 500 тыс. чел., или 54,4% численности всех военнопленных) более реальны¹².

Фашисты истребляли советских военнопленных не только в концлагерях, но и при пленении раненых и больных советских военнослужащих, а также в госпиталях. Так, 29 августа 1942 г. фашисты подразделения 14-й танковой дивизии (командир — генерал-майор Гейм), ворвавшись в село Садовое Сарпинского улуса Калмыцкой АССР, расстреляли 15 раненных бойцов 110-й кавдивизии и двух девушек-бойцов поста воздушного наблюдения, оповещения и связи, столько же раненых из этой дивизии, находившихся в местных лечебных учреждениях, сожгли¹³.

Советские военнослужащие, оказавшиеся в плену, в результате проводимой нацистами политики геноцида путем беспощадной эксплуатации на тяжелых работах, лишения питания и медицинской помощи, практически были обречены на мучительную смерть, а их семьи в СССР подвергались дискриминации, причислялись к изгоям советского общества.

С первых же дней войны военнослужащие Красной армии, попавшие в плен и пропавшие без вести, считались предателями, изменниками родины. В соответствии с приказом № 00246/00833/пр/59 «сс», принятым 28 июня 1941 г. НКГБ, НКВД и Прокурором СССР, не только они, но и члены их семей подлежали привлечению к ответственности. А по приказу № 270 Ставки Верховного Главнокомандования от 16 августа 1941 г., принятому в соответствии с по-

становлением ГКО от 16 июля 1941 г., семьи военнослужащих, попавших в плен, независимо от причин и обстоятельств лишались государственного пособия и пенсии: «1. Командиров и политработников или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать в плен — уничтожить их... сдающихся в плен врагу — считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту... 2. Семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишить государственного пособия и помощи»¹⁴.

В первой половине 1943 г. в Калмыцкой АССР государственные пособия и пенсии получали 12 986 семей военнослужащих всех национальностей и 847 инвалидов Великой Отечественной войны (1-й группы — 48 чел., 2-й группы — 492 и 3-й группы — 307 человек). Однако почти такое же количество семей военнослужащих Калмыцкой АССР, пропавших без вести и попавших в плен, было лишено всякой материальной поддержки и помощи¹⁵.

Совнарком СССР с целью проверки и возвращения перемещенных советских граждан в годы войны 24 октября 1944 г. принял постановление о создании органов репатриации во главе с Управлением уполномоченного СНК СССР по делам репатриации. К этому времени в спецлагерях НКВД СССР уже содержалось 101 950 чел., в том числе окруженцев — 51 601 чел. (офицеров — 5657, сержантов и рядовых — 45 944 чел.), плененных полицейских, старост и др. — 50 359 человек. В ближайшее время ожидалось прибытие с фронтов спецконтингента в количестве еще 92 667 человек¹⁶.

Уполномоченным по делам репатриации был назначен генерал-полковник начальник Главного управления кадров Вооруженных Сил СССР Ф.И. Голиков. Еще в сентябре 1944 г. приказами НКВД СССР № 00100 и № 001155 был образован Отдел проверочно-фильтрационных лагерей (ОПФЛ) НКВД СССР с обширной сетью лагерей. К этому времени уже действовали 22 специальных лагеря НКВД, созданных постановлением ГКО от 27 декабря 1941 г. за № 1069 «сс» с целью проверки военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и окружении противника. К концу 1944 г. было взято на учет и проверено 1 126 235 чел., военнопленных и гражданских лиц, освобожденных из спецлагерей, созданных на территории СССР, находившейся во временной оккупации. Из числа проверенных 259 945 военнослужащих, в том числе 51 262 офицера, были направлены в Красную армию¹⁷.

В ПФЛ с контингентами военнопленных и военнообязанных работали сотрудники контрразведки СМЕРШ, с гражданскими лицами — проверочные комиссии НКВД, НКГБ, СМЕРШ. Проверочно-фильтрационные комиссии наладили эффективную агентурную работу среди репатрируемых граждан. К этой секретной работе привлекались желавшие добровольно сотрудничать, а также завербованные на основе компрометирующих материалов, по принципу землячества и т.п. Проверочно-фильтрационным комиссиям удалось завербовать в лагерях 1391 агента и осведомителя. С их помощью были выявлены участники национальных легионов — 759 чел., полицейские и другие пособники оккупантов — 2297, лица, добровольно вступившие в немецкую армию, — 4425 человек¹⁸.

В октябре 1944 г. на территории СССР приступили к работе комиссии в 43 специальных и 26 проверочно-фильтрационных лагерях.

По директиве ГКО и указаниям НКВД СССР все без исключения военнослужащие, находившиеся свыше трех часов в окружении противника или в плену, подлежали проверке в лагерях в особых отделах. ПФЛ были огорожены колючей проволокой, проверяемые содержались как заключенные: низкие нормы питания, тяжелые условия работы. Охрану лагерей нес личный состав кадровой дивизии НКВД СССР¹⁹.

На 1 января 1945 г. в спецлагерях, по данным отдела спецлагерей НКВД СССР, числилось 527 242 чел., из них 443 747 военнослужащих Красной армии, попавших в плен и окружение противника, в том числе 55 547 офицеров; гражданских лиц призывного возраста, находившихся на оккупированной территории, — 31 664; бывших полицейских, старост и других пособников оккупационных властей — 51 831 человек. К этому времени органы контрразведки СМЕРШа проверили 401 400 чел., из них были арестованы 1924 агента противника, переданы в военные комиссариаты для направления в Красную армию — 259 945 человек. В соответствии с приказом наркома обороны СССР от 1 августа 1943 г., были сформированы 28 штурмовых батальонов. По решению ГКО, на промышленные предприятия было направлено 51 783 чел., в конвойные войска НКВД СССР — 5000, на охрану лагерей ГУЛАГа — 4000 человек²⁰.

По состоянию на 10 января 1945 г. на учете службы Управления уполномоченного уже находилось 1 328 760 чел. (бывших военнопленных — 507 737 и гражданского населения — 812 023, из них 268 914 женщин, 269 603 ребенка), подлежащих репатриации. Из взятых на учет в том же месяце были репатрированы на родину 1 079 500 чел. (военнопленных — 346 691, гражданских лиц — 732 809, из них женщин — 252 411, детей — 254 047). Прибывшие домой репатрианты были направлены: в распоряжение НКВД СССР — 107 508 чел., в Главуправформ Красной армии — 268 794, по месту жительства — 703 198 человек²¹.

Вслед за репатриантами, отправленными в СССР, 18 января 1945 г. последовала директива начальника тыла Красной армии А.В. Хрулёва и Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации Ф.И. Голикова военным советам фронтов и военных округов. В соответствии с ней, бывшие военнопленные и гражданские лица, освобожденные советскими войсками, подлежали направлению: военнослужащие Красной армии (рядовой и сержантский состав), находившиеся в плену, — в армейские специальные проверочные пункты, после чего в установленном порядке — в армейские и фронтовые запасные части; офицерский состав — в спецлагеря НКВД СССР; служившие в немецкой армии и строевых немецких формированиях, власовцы, полицейские и другие лица, вызывавшие подозрения, — в спецлагеря НКВД СССР; гражданское население — во фронтовые специальные проверочные пункты и пограничные проверочно-фильтрационные пункты НКВД; мужчины призывного возраста после проверки — в запасные части фронтовых военных округов, остальные — к месту жительства (с запретом направления в Москву, Ленинград, Киев); жители приграничных областей — в проверочно-фильтрационные пункты НКВД; дети-сироты — в детские учреждения наркомпросов и наркомздравов союзных республик²².

Что касается советских военнопленных, по национальности относившихся к депортированным народам, то зам. наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышёв, в соответствии с инструкцией НКВД СССР № 275 от 29 декабря 1944 г., 7 февраля 1945 г. направил письменное указание начальнику отдела спецлагерей НКВД СССР Н.И. Шитикову: «Освобождаемых из спецлагерей калмыков, карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей, крымских татар, армян, болгар, курдов, хемшидов, проживавших ранее в пограничных районах Грузинской ССР, направлять: а) калмыков — в распоряжение УНКВД по Новосибирской области (г. Новосибирск); б) карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей — в распоряжение НКВД Казахской ССР (г. Алма-Ата); в) крымских татар, месхетинских турок, курдов, хемшидов — в распоряжение НКВД Узбекской ССР (г. Ташкент); г) болгар, греков, крымских армян — в распоряжение УНКВД по Свердловской области (г. Свердловск)»²³.

В конце мая 1945 г. 21 проверочно-фильтрационная комиссия НКВД СССР и отдел «Ф» Управления войск НКВД СССР начали проверку и фильтрацию репатрируемых граждан СССР, находившихся в 38 лагерях и сборно-пересыльных пунктах на территории Центральной группы советских войск (Австрия, Чехословакия и Венгрия). В 1945 г. в Германии работали 74 сборных и проверочно-фильтрационных лагеря.

К окончанию Великой Отечественной войны, по сводке № 21 от 10 мая 1945 г. Управления уполномоченного по делам репатриации, были выявлены и взяты на учет 2 222 613 чел. (гражданских лиц — 1 431 199, военнопленных — 791 414, в том числе 3779 калмыков, из них офицеров — 123, политсостава — 21, сержантов — 537, рядового состава — 3098), подлежавших возвращению домой. Из взятых на учет 1 682 605 чел. были репатрированы в СССР. В распоряжение НКВД СССР поступили 143 936 чел., Главуправформа Красной армии — 497 019, по месту жительства доставлены 1 041 650 человек²⁴.

К окончанию второй мировой войны, по данным Управления уполномоченного по делам репатриации по состоянию на 20 сентября 1945 г., были выявлены и взяты на учет уже 5 465 129 чел. (3 465 249 гражданских лиц и 1 999 880 бывших военнопленных, находившихся в фашистском плену, в том числе 4285 калмыков, из них офицеров — 116, политсостава — 19, сержантов — 522, рядового состава — 3628 человек). В отдельных списках военнопленных, репатрированных на родину, указаны фамилии калмыков: Амгинов Шакар Шаропович, год рождения 1 октября 1919 г., красноармеец; Кувшинов, старший лейтенант; Гуцаев Борис, 1902 г. рождения, красноармеец; Наранов Пётр Васильевич, 1908 г. рождения, красноармеец; Дашнеев Дондок, 1924 г. рождения, красноармеец²⁵.

Из учтенных лиц 5 223 545 чел. (3 351 416 гражданских лиц, 1 872 129 бывших военнопленных) к концу сентября 1945 г. были репатрированы в СССР. Из числа освобожденных в запасные части Красной армии были направлены 1 621 198 бывших военнопленных и лиц призывного возраста, ранее не служивших в армии, а 326 289 чел., в том числе 264 199 бывших военнопленных и 62 090 гражданских лиц, отправились в спецлагеря НКВД. К этому времени в английской оккупационной зоне были выявлены и взяты на учет

1 125 992 советских гражданина, в американской оккупационной зоне — 1 076 525. Из двух оккупационных зон на родину репатриировали 2 076 351 чел., еще 126 208 чел. подлежали возвращению ²⁶.

Со времени начала работы (октября 1944 г.) органов Управления уполномоченного по делам репатриации и по май 1947 г., по неполным данным, было установлено, что число захваченных и угнанных фашистами советских граждан составило 6 817 515 человек. Однако к середине мая 1947 г. органами репатриации были взяты на учет 5 812 423 человека. Управление уполномоченного пришло к выводу, что около 1 млн советских граждан умерло в фашистском рабстве, более 300 тыс. оставалось в зонах союзного контроля Германии и Австрии, до 100 тыс. чел. — в разных государствах. В Мюнхене (в американской зоне), в списках сведений, подписанных 29 июля 1946 г. и.о. заместителя Уполномоченного по делам репатриации генерал-майора Басилова, значились 11 фамилий калмыков (из села Батыр-Мала Калмыцкой АССР: Эрендженов Мотке, 1887 г. рождения; Кошнинов Мукобен, 1888 г. р.; Хамуров Шивильдян, 1896 г. р.; Укуркижев Дорджи, 1890 г. р.; Мурзаев Можи, 1892 г. р.; Хонинов Гарма, 1887 г. р.; Бадмаев Церен, 1927 г. р., из села Алтын-Булук; Нармаев Алексей, 1899 г. р.; Доранов Василий, 1897 г. р., из Элисты; Адунов Кензе, 1892 г. рождения) ²⁷.

Было установлено количество похороненных на территориях многих государств — 945 184 советских граждан, в том числе Германии — 541 050, Австрии — 41 825, Чехословакии — 97 325, Венгрии — 74 842, Польши — 65 669, Румынии — 60 190, Франции — 25 221, Финляндии — 18 218, Норвегии — 14 902, Голландии — 410, Англии — 125, Бельгии — 121, Швейцарии — 43, Люксембурга — 42, Нормандских островах — 5000 человек ²⁸.

По данным НКВД СССР, на 1 декабря 1945 г. проходили фильтрацию: на 4 шахтах Ростовской области (ПФЛ № 048) — 2251 чел. (в их числе 2 сержанта и 7 рядовых калмыков), шахтах Московской области (ПФЛ № 174) — 8602, шахтах Молотовской области (ПФЛ № 0302) — 16 692 (в их числе 1 офицер, 1 сержант и 9 рядовых калмыков), на Северо-Уральских бокситовых рудниках (ПФЛ № 0305) — 2296 (в их числе значились военнопленные калмыки Андреев Улан Тимофеевич, 1911 г. рождения, Муджиков Б(Н)арма Номруевич, 1914 г. р., Бурганов Ганя Бурганович, 1917 г. р., Найминов Агон Манджиевич, 1915 г. р.), на шахтах Тульской области (№ 0308) — 6179 (в их числе 3 рядовых калмыка), в системе «Беломорстроя» (ПФЛ № 0313) — 10 361 (в их числе 2 рядовых калмыка), в том числе служивших у немцев — 6392 чел., на шахтах Томской области (ПФЛ № 0314) — 4315, шахтах Прокопьевска, Киселёвска, Осинички, Сталинска (ПФЛ № 0315) — 17 688 чел. (в их числе 11 рядовых калмыков), в том числе служивших у немцев: старостами — 169 чел., полицейскими — 76, легионеров — 330 и т.д., всего 7408 человек. В ПФЛ № 240 с февраля 1944 г. по август 1945 г. фильтрацию прошли 90 сержантов и 610 рядовых калмыков. В ПФЛ № 0317 Главка энергостроительства Наркомата электростанций на строительстве 8-й ГРЭС работали 2175 чел., проходивших фильтрацию; в ПФЛ № 0325 Орехово-Зуевского торфотреста Наркомата электростанций на добыче и перевозке торфа были заняты 2877 чел. из спецконтингента НКВД СССР ²⁹.

С октября 1944 по май 1947 г. органы репатриации успели вывезти на родину 5 423 630 чел. (3 588 834 гражданских лица, в том числе 1 355 627 мужчин, 1 540 215 женщин, 692 992 ребенка; 1 834 796 бывших военнопленных, среди них 4327 калмыков, из них 145 офицеров, 537 сержантов, 3645 рядовых). Историк О.В. Шеин ошибочно указывает весьма заниженное количество военнопленных калмыков — «до 1500 советских солдат и офицеров калмыцкой национальности, оказавшихся в немецком плену»³⁰, при этом ни на какие источники автор не ссылается.

Из числа репатриированных в СССР 3 374 330 чел. были отправлены по месту жительства, 1 664 406 направлены в армию, из них 625 100 — в рабочие батальоны, в распоряжение МВД СССР были переданы 351 460 чел., оставлены в войсковых частях групп войск в Германии в качестве вольнонаемных 16 974 чел., временно задержаны в группах войск для использования на хозяйственных работах 12 274 чел., умерло в проверочно-фильтрационных лагерях 4186 чел., в том числе 9 офицеров и 14 сержантов калмыков, число рядовых неизвестно. Эмигрировало в другие страны около 200 тыс. советских граждан³¹.

Цифра 4186 умерших в проверочно-фильтрационных лагерях, видимо, относилась к 1947 году. По данным Управления уполномоченного по делам репатриации, в течение только 1945 г. из 404 504 чел. через ПФЛ прошли 278 699 чел., из них отправлены: в народное хозяйство — 140 600, запасные дивизии — 9637, рабочие батальоны — 40 036, к месту жительства — 21 471, арестовано — 8728, в спецлагеря — 30 447; умерло — 8210, бежало — 1032 человека³².

Среди 1 579 366 бывших военнопленных, входивших в списочный состав по учету в Красной армии и прошедших фильтрацию, было: младших лейтенантов — 39 375 чел., лейтенантов — 51 787, старших лейтенантов — 21 007, капитанов — 9002, майоров — 2356, подполковников — 455, полковников — 314, без званий — 1741, сержантского состава — 196 534 (в том числе 537 калмыков), рядовых — 1 256 795 чел. (в том числе 3645 калмыков). По времени службы в Красной армии бывшие военнопленные подразделялись: 1917—1920 гг. — 1133 чел., 1921—1925 — 1232, 1926—1930 — 7988, 1931—1935 — 18 194, 1936—1940 — 370 828, 1941—1945 гг. — 1 179 991 чел.; по партийной принадлежности: членов и кандидатов в члены ВКП (б) — 88 085 чел., членов ВЛКСМ — 194 723, беспартийных — 1 296 558 чел.; по возрасту: до 16 лет — 16 чел., 17—21 — 133 327, 22—25 — 345 765, 26—30 — 372 575, 31—35 — 330 342, 36—40 — 204 841, 41—45 — 132 757, 46—50 — 43 310, старше 50 лет — 15 833 человека.

По годам нахождения в фашистских концлагерях распределяли следующим образом: 1941 г. — 757 190 чел., 1942— 523 081, 1943 — 192 965, 1944 — 83 075, 1945 г. — 23 055 человек. Таким образом, из 1 579 366 советских военнопленных, освобожденных из фашистских концлагерей и к маю 1947 г. репатриированных в СССР, в 1941—1942 гг. в плен попали 12 809 271 чел. (81% от всех военнопленных). По национальному составу среди репатриированных бывших военнопленных были: русские — 743 786 чел., украинцы — 463 370, белорусы — 135 999, татары — 32 358, узбеки — 29 763, грузины — 25 692, казахи — 24 676, азербайджанцы — 22 078, армяне — 20 807, молдаване — 5124, евреи — 4778, башкиры — 4724, киргизы — 4364, тад-

жики — 4300, калмыки — 4105, латыши — 3482, туркмены — 3380, литовцы — 3049, эстонцы — 2765, карелы — 2203 чел. и т.д. Число калмыков — 4105 — по всей вероятности, не учитывало тех военнопленных, которые были переданы в воинские части, а также умерших в период прохождения проверки. В отчетах 1946 г. отдела учета и регистрации Управления уполномоченного по делам репатриации, отмечалось, что некоторая часть калмыков находилась в воинских частях ³³.

По данным Управления уполномоченного по делам репатриации от 1 января 1949 г., в фашистском плену в годы войны, как отмечено выше, находилось 6 817 515 советских граждан. Из них в 1944—1949 гг. были взяты на учет 5 844 273 чел., а репатрировано на родину 5 448 592, в том числе 895 470 чел., освобожденных на оккупированной территории СССР, то есть до начала деятельности Управления по делам репатриации. В числе репатриированных числилось 1 960 338 бывших советских военнопленных (43% всех советских военнослужащих, попавших в плен), из них в распоряжение Министерства вооруженных сил было направлено 1 323 261 чел., Министерства внутренних дел — 339 тыс., к месту жительства — 298 077 человек.

Управление уполномоченного по делам репатриации, по сведениям на июль 1949 г., с 1944 по июль 1949 г. отправило на родину: бывших советских военнопленных и гражданских лиц — 4 553 122 чел., в том числе 1 689 786 украинцев, 1 660 778 русских, 536 508 белорусов, 43 796 татар, 33 380 грузин, 31 250 узбеков, 27 161 казаха, 6442 калмыка, 6381 киргиза, 5967 башкир, 4792 таджика, 4025 туркменов и т.д. В это общее количество репатриированных граждан за 1944—1949 гг. не были включены 895 470 чел., освобожденных на оккупированной территории СССР до начала организации органов Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации ³⁴.

По данным Управления уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации, на 1 августа 1949 г. в западных зонах Германии, Австрии, других иностранных государств находились еще 459 233 невозвращенных советских гражданина, из них 125 603 украинца, 111 404 латыша, 73 863 литовца, 58 807 эстонцев, 26 770 русских, 7308 белорусов, 11 калмыков, 55 467 представителей прочих национальностей. Н. Вахсман пишет, что среди сопротивлявшихся репатриации были тысячи украинцев и прибалтов, не желавших возвращаться под власть советского режим ³⁵. В это количество входили не только гражданские лица, но и военнослужащие, в основном служившие на стороне противника.

По данным отдела спецпоселений МВД СССР, в начале 1949 г. среди 75 327 спецпоселенцев калмыков, находившихся в Сибири, числилось 9219 участников Великой Отечественной войны, в том числе 382 офицера, 1118 сержантов, 4632 рядовых, 1556 инвалидов войны, 1531 бывший военнопленный. Указанное число офицеров вызывает большие сомнения. В начале января 1944 г. на всех фронтах воевали 545 офицеров калмыков и еще 45 офицеров находилось на лечении, из них на 1 июля 1944 г., после снятия некоторого количества с фронта, продолжали воевать 335 офицеров. 221 калмык учился в военных учебных заведениях. По распоряжению Генштаба Красной армии от 8 января 1944 г., в первой половине того же года с фронта

были сняты и отправлены к семьям на спецпоселение около 150 офицеров, в том числе больные и раненые. В 1945 г. продолжали воевать и участвовали в завершении войны 418 офицеров калмыков и 43 офицера калмыка, по данным Генштаба Красной армии, находились в резерве ³⁶.

Надо полагать, что 2796 бывших военнопленных калмыков наравне с изменниками родины (старостами, полициями, легионерами, власовцами — всего 31 440 чел.), согласно приказу НКВД СССР № 0075 «О передаче проверочно-фильтрационных лагерей ГУЛАГу НКВД и расформировании ОПФЛ НКВД СССР» от 22 января 1946 г., постановлениям СНК СССР от 21 декабря 1945 г. и Совета Министров СССР от 29 марта 1946 г., принятым в соответствии с постановлением ГКО № 9871 «с» от 18 августа 1945 г. «О направлении на работу в промышленность военнослужащих Красной армии, освобожденных из немецкого плена, и репатриантов призывного возраста», были направлены на поселение в северные районы страны на положении спецпереселенцев сроком на 6 лет ³⁷.

По этому приказу № 0075, 29 проверочно-фильтрационных лагерей НКВД со всеми их работниками, охраной, хозяйством, помещениями, транспортом и имуществом передавались в состав лагерей ГУЛАГа НКВД СССР. Количество лагерей таким образом увеличилось с 11 до 40, а находившихся в них заключенных — со 106 974 до 227 266 чел., в том числе бывших военнопленных стало 1.17 874 чел., изменников родины (власовцы, легионеры, полицейские и др.) — 109 392. Все они были привлечены к работе на предприятиях министерств угольной промышленности и черной металлургии, расположенных на Урале и в Сибири ³⁸.

Это подтверждает судьба бывшего военнопленного калмыка, узника фашистского концлагеря Берген-Бельзен сержанта Бориса Соколова, командира отделения разведки, попавшего в плен раненым в ходе сражений на Курской дуге. Он в числе узников-евреев и советских военнопленных 15 апреля 1945 г. был освобожден из этого лагеря, являвшегося крупнейшей зоной смерти всей концлагерной системы фашистов, британскими войсками. В отчетах Управления уполномоченного по делам репатриации отмечалось, что в Берген-Бельзене в марте 1945 г. из 45 500 заключенных погибли 18 116 чел., за 6 дней апреля — 3913 чел., а после освобождения, к концу мая — еще 13 000 больных и истощенных. После проверки в фильтрационном лагере Соколов, согласно указанной директиве ГКО от 18 августа 1945 г., был отправлен на уральскую шахту «Вторая капитальная» НКВД СССР, где работали такие же, как и он, советские военнопленные, сведенные в рабочие батальоны. Вместо шестилетних каторжных работ, отбыв 8 лет за пребывание в плену не по собственной воле, где ничем себя не запятнал, он был препровожден на спецпоселение в Сибирь. До восстановления в правах участника Великой Отечественной войны он так и не дожил, хотя воевал с июня 1941 г и с боями дошел до Курска. Соколов умер в 1986 году. Более 40 лет он был, так же как и все советские военнопленные, ограничен в гражданских правах по категории «бывший в плену» ³⁹.

Согласно постановлению Совета Министров СССР № 3857-1763 «сс» от 7 октября 1951 г. и указу Президиума Верховного Совета СССР от

9 октября 1951 г., власовцы по отбытии 6-летнего срока подлежали освобождению из спецпоселений, за исключением бывших военнопленных немцев (советских), калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, греков и крымских татар. Они, как и народы, депортированные по национальному признаку, обрекались на вечное спецпоселение. Однако вскоре Совет Министров СССР внес в это решение изменения. 5 марта 1952 г. (№ 1206-394 «сс») он постановил: работающих на строительстве и на предприятиях МВД, а также на расположенных в Сахалинской области предприятиях Министерства угольной промышленности и Министерства нефтяной промышленности спецпоселенцев из числа бывших военнослужащих Советской армии, попавших во время войны в плен и служивших в немецкой армии, в специальных немецких формированиях, власовцев и полицейских — закрепить после отбытия установленного для них срока поселения за указанными предприятиями и стройками по месту их работы в качестве вольнонаемных рабочих и служащих сроком на три года, распространив на них предусмотренные льготы и преимущества. Правительство разрешило этим лицам вызывать к себе членов их семей. Однако самовольно ушедшие с указанных предприятий подлежали привлечению к судебной ответственности в соответствии с указами Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Великой Отечественной войны».

Порядок отправки на спецпоселение указанных лиц определялся указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1952 г. «О направлении на спецпоселение отбывших наказание осужденных, члены семей которых находятся на спецпоселении». По этому указу отбывшие наказание ингуши, чеченцы, карачаевцы, калмыки, балкарцы и другие, члены семей которых были выселены по специальным постановлениям правительства СССР на вечное поселение, должны были направляться этапом под надзор МГБ СССР по месту жительства их семей. На них распространялись положения указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года ⁴⁰.

Согласно указу Президиума Верховного совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», власовцы были освобождены из спецпоселений, а военнопленные калмыки отправлены на спецпоселение к соплеменникам продолжать отбывать срок уже по национальному признаку.

Калмыки — участники войны и лица, награжденные орденами и медалями СССР, члены семей погибших в ходе боевых действий — получили освобождение из-под административного надзора органов МВД лишь по постановлению Совета Министров СССР № 1963-10520 «сс», принятому 24 ноября 1955 г., а бывшие военнопленные калмыки, не считавшиеся участниками Великой Отечественной войны, — лишь в первой половине 1956 года.

Исследователи справедливо отмечают, что меры, предусмотренные постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 29 июня 1956 г. «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и их семей», практи-

чески оказались формальными и остались на бумаге. В постановлении осуждалась практика огульного политического недоверия, применения репрессивных мер, а также лишения льгот и пособий бывших военнопленных и членов их семей. Кроме того начался пересмотр дел бывших военнопленных. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС в течение 1956—1961 гг. рассмотрел 24 038 заявлений коммунистов, исключенных из партии в связи с пребыванием в плену, и восстановил 16 223 человека ⁴¹.

В полном объеме права бывших советских военнопленных и репатриированных гражданских лиц были восстановлены лишь с принятием 24 января 1995 г. указа Президента Российской Федерации «О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период». На них было распространено в полном объеме положение федерального закона «О ветеранах» от 16 декабря 1994 года. Однако многие бывшие военнопленные, приравненные в правах к участникам Великой Отечественной войны, так и не дожили до восстановления государством их честного имени, хотя, как участники боевых действий, пережившие горечь поражений, особенно в первые годы войны, перенесшие тяготы и лишения нацистских лагерей, они заслужили достойную память.

Примечания

1. ПРОЭКТОР Д.М. Мировые войны и судьбы человечества. М. 1986, с. 121; Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. Народ и война. М. 1999, с. 292—293; Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М. 2009, с. 45; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 9526, оп. 6, д. 84, л. 210; д. 933, л. 6.
2. ГОЛОВИН Н.Н. Россия в Первой мировой войне. М. 2014, с. 178, 189; АСТАШОВ А.Б. Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: военный опыт и современность. М. 2014, с. 25; Россия накануне Первой мировой войны (Статистико-документальный справочник). М. 2008, с. 11.
3. Великая Отечественная без грифа секретности..., с. 51, 54.
4. Там же, с. 52.
5. Там же, с. 60, 197—199, 217.
6. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ), ф. 13А, оп. 3029, д. 276, л. 2—5, 8, 10—12, 35.
7. Великая Отечественная без грифа секретности..., с. 40, 51, 54; ГА РФ, ф. 9526, оп. 6, д. 607, л. 100; д. 933, л. 3.
8. Нюрнбергский процесс. Сб. материалов в 8 томах. Т. 4. М. 1990, с. 75; ШТРАЙТ К. «Они нам не товарищи...»: Вермахт и советские военнопленные в 1941—1945 гг. М. 2009, с. 258.
9. ГА РФ, ф. 9526, оп. 6, д. 284, л. 210; ШТРАЙТ К. Ук. соч., с. 257; Нюрнбергский процесс, т. 4, с. 214, 660.
10. Великая Отечественная без грифа секретности..., с. 322; Нюрнбергский процесс. Т. 1. М. 1983, с. 603.
11. Нюрнбергский процесс. Т. 5. М. 1991, с. 562; СМЫСЛОВ О.С. Плен. Жизнь и смерть в немецких лагерях. М. 2009, с. 136; ВАХСМАН Н. История нацистских концлагерей. М. 2017, с. 276.
12. Великая Отечественная без грифа секретности..., с. 376.
13. ГА РФ, ф. Р-7021, оп. 8, д. 27, л. 1об.

14. Россия в XX веке. Война 1941—1945 годов: современные подходы. М. 1994, с. 83.
15. Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК), ф. Р-131, оп. 10, д. 12, л. 54.
16. ГА РФ, ф. Р-9408, оп. 1, д. 29, л. 21—22.
17. Там же, д. 20, л. 30.
18. Там же, д. 19, л. 2, 5—6, 8.
19. БАРАНОВ В.И. Смерш: Будни фронтового контрразведчика. М. 2008, с. 100—103.
20. ГА РФ, ф. Р-9408, оп. 1, д. 20, л. 30—31.
21. Там же, д. 19, л. 1—2; ф. 9526, оп. 6, д. 39, л. 1.
22. Там же, ф. 9526, оп. 4а, д. 7, л. 31; Великая Отечественная война. 1941—1945: Военно-исторические очерки, кн. 4, с. 194.
23. ГА РФ, ф. Р-9408, оп. 1, д. 20, л. 14.
24. Там же, ф. 9526, оп. 6, д. 39, л. 38, 65.
25. Там же, д. 144, л. 28, 67, 258; д. 147, л. 131; оп. 1, д. 231, л. 96, 106, 108, 112, 133.
26. Там же, оп. 6, д. 284, л. 43, 53; д. 90, л. 102, 112; оп. 1, д. 83, л. 298; д. 63, л. 58—59; ф. Р-9408, оп. 1, д. 10, л. 105—106.
27. Там же, ф. Р-9408, оп. 1, д. 17, л. 34, 40, 48, 49, 51, 52, 56, 57, 59; д. 18, л. 57; ф. 9526, оп. 6, д. 124, 125.
28. Там же, ф. 9526, оп. 6, д. 932, л. 125—126.
29. Там же, д. 414, л. 1; д. 256, л. 81, 85; ф. Р-9408, оп. 1, д. 17, л. 59, 63, 66.
30. Там же, ф. 9526, оп. 6, д. 414, л. 65; ШЕИН О.В. Неизвестный фронт Великой Отечественной: кровавая баня в калмыцких степях. М. 2009, с. 117.
31. ГА РФ, ф. 9526, оп. 6, д. 284, л. 236; Великая Отечественная без грифа секретности..., с. 324.
32. ГА РФ, ф. Р-9408, оп. 1, д. 23, л. 45.
33. Там же, ф. 9526, оп. 6, д. 299, л. 276; д. 414, л. 65—66.
34. Там же, д. 607, л. 5—7, 100.
35. Там же, л. 101; ВАХСМАН Н. Ук. соч., с. 570.
36. ГА РФ, ф. 9526, оп. 6, д. 285, л. 166; ф. Р-9479, оп. 1, д. 489, л. 5; ЦАМО РФ, ф. 13А, оп. 3029, д. 227, л. 13, 14—14об.; д. 229, л. 5—7; д. 276, л. 5—5об., 10—10об., 31, 35, 39—40.
37. ГА РФ, ф. Р-9479, оп. 1, д. 836, л. 213.
38. Там же, ф. Р-9408, оп. 1, д. 5, л. 1, 51, 54; ф. Р-9479, оп. 1, д. 372, л. 106—107, 126.
39. Там же, ф. 9526, оп. 6, д. 933, л. 7—8, 60; ВАХСМАН Н. Ук. соч., с. 534, 566; Известия Калмыкии. 2007, 29 марта.
40. ГА РФ, ф. Р-9479, оп. 1, д. 372, л. 83—85.
41. Реабилитация: Политические процессы 30—50-х годов. М. 1991, с. 91.

Нацистские концентрационные лагеря на оккупированной советской территории и «акция 1005»

С.В. Аристов

Аннотация. В работе впервые в отечественной и европейской исторической науке представлена попытка анализа той роли, которую играли нацистские концентрационные лагеря, расположенные на оккупированных территориях Советского Союза, в осуществлении секретной операции нацистов по ликвидации своих преступлений, получившей кодовое название «акция 1005». Публикация основывается на широкой источниковой базе отечественных и зарубежных архивов. Автор дает характеристику процессу реализации «акции 1005» в оккупированных советских областях, участие в нем узников и администрации концентрационных лагерей. Отдельное внимание уделяется проблеме определения общего количества погибших в нацистских концлагерях в СССР.

Ключевые слова: концентрационный лагерь, оккупация, нацизм, Третий рейх, Великая Отечественная война.

Abstract. In the work, for the first time in Russian and European historical science, is made an attempt to analyze the role played by the Nazi concentration camps in the occupied territories of the Soviet Union in the realisation of the Nazi secret operation to eliminate its crimes — «Aktion 1005». This publication is based on a wide source base of Russian and foreign archives. The author characterizes the process of realizing the «Aktion 1005» in the occupied Soviet areas, participation in it of prisoners and administration of concentration camps. Special attention is paid to the problem of the total number of deaths in Nazi concentration camps in the USSR.

Key words: Concentration camp, Occupation, Nazism, Third Reich, The Great Patriotic War.

С 1942 г. информация о массовых убийствах на оккупированных территориях Советского Союза начала становиться достоянием мировой общественности. Советское правительство было первым, кто заявил о масштабах нацистских преступлений. 6 января 1942 г. министр иностранных дел СССР Вячеслав Молотов распространил по дипломатическим каналам стран-союзниц ноту, в которой приводились подобные факты. 27 апреля 1942 г. он вновь привел доказательства массо-

---

Аристов Станислав Васильевич — кандидат исторических наук, доцент НИУ «МЭИ». E-mail: aristov_stanislav@hotmail.com.

Aristov Stanislav V. — PhD (History), associate professor of the Moscow Power Engineering Institute. E-mail: aristov_stanislav@hotmail.com.

вых расстрелов, в том числе упомянул об убийстве 14 тыс. евреев в Харькове ¹. После этого, к концу 1942 г., свидетельства нацистских преступлений в концентрационных лагерях начали появляться в американской и английской прессе ².

Учитывая тот факт, что летом того же года нацисты перешли к новой фазе реализации холокоста в Аушвице, Бельжеце, Собиборе и Трешлинке, перед руководством Третьего рейха возникла проблема скорейшей ликвидации следов своих преступлений и сокрытия улики. С этой целью была разработана секретная программа, получившая название «акция 1005». В ходе ее реализации предполагалось уничтожить останки людей, расстрелянных айнзацгруппами в 1941—1942 гг., а также в ходе «операции Рейнгардт». Тела убитых должны были быть эксгумированы и сожжены. Руководителем этой операции был назначен бывший глава зондеркоманды 4а айнзацгруппы «Ц» штандартенфюрер СС Пауль Блобель, напрямую подчинявшийся руководителю гестапо Генриху Мюллеру.

Сразу после своего назначения Блобель приступил к организации уничтожения останков жертв в Аушвице, а также Бельжеце и Собиборе. К ноябрю 1942 г. было эксгумировано 107 тыс. тел в Аушвице, к марту 1943 г. — 500 тыс. тел в Собиборе и Бельжеце ³.

Параллельно с проведением операции в Польше осенью 1942 г. Блобель посетил Киев, считая необходимым начать эксгумацию в этом районе. Данная поездка не была случайной. Блобель в качестве руководителя зондеркоманды 4а принимал участие в массовых убийствах на Украине, в том числе и в Бабьем Яру, поэтому был как никто осведомлен о масштабах совершенных преступлений. Однако после совещания с главой ЗиПо/СД Томасом было принято решение отложить эту операцию в силу сложных погодных условий — наступила зима.

Однако весной 1943 г. Пауль Блобель вновь посетил оккупированную территорию Советского Союза. В этот раз он приехал во Львов, где обсудил детали секретной операции с командующим СС и полиции Галиции Фрицем Катцманом. В результате Яновский концентрационный лагерь стал первым местом на территории СССР, где начала осуществляться «акция 1005» ⁴.

15 июня 1943 г. нацисты отобрали 75 заключенных-евреев, разместив их за территорией лагеря. Через несколько дней к ним добавились еще несколько десятков человек. В итоге численность зондеркоманды составила 129 заключенных ⁵. Узники должны были работать под охраной 8—10 эсэсовцев и 70 полицейских Шупо ⁶. Командовал операцией унтерштурмфюрер СС Шэллок. Помимо эсэсовцев работу зондеркоманды координировал бригадир-еврей, который, по свидетельствам выживших членов команды, издевался над ними ⁷.

Заключенные уничтожали доказательства нацистских преступлений в двух местах массовых расстрелов — Песках, неподалеку от концлагеря, а также в лесу — поблизости от Лычаковской улицы ⁸. Узники разбивались на специальные группы, число которых доходило до девяти ⁹. Они вскрывали могилы, извлекали из них трупы, укладывали тела на заготовленные дрова, обливали бензином и поджигали. Останки перемалывались в специальной машине, которая была обнаружена на территории лагеря после его освобождения ¹⁰. Пепел просе-

ивали, чтобы найти золотые коронки, обручальные кольца и иные ценные вещи ¹¹. За один день уничтожалось до 2 тыс. трупов ¹². Только в Песках членами зондеркоманды было ликвидировано не менее 40—50 тыс. тел ¹³, а в Лисиничском лесу — не менее 3 500 жертв массовых расстрелов 1941—1942 годов ¹⁴.

Параллельно с ликвидацией останков жертв прошлых лет происходили ежедневные расстрелы, в том числе и узников самого Яновского концлагеря, тела которых сразу же уничтожались ¹⁵. По свидетельству бывшего члена зондеркоманды, в это время было убито не менее 5 тыс. чел. около Яновского концлагеря и в районе Песков, а также 3 тыс. — в Лисиничском лесу ¹⁶. Всего же в этом районе, по данным членов зондеркоманды, было уничтожено приблизительно 200 тыс. человек ¹⁷. Эта же цифра использовалась в дальнейшем в материалах ЧГК, где она относилась только к Яновскому концлагерю. Современные западные исследователи оценивают количество жертв этого лагеря в 35—50 тыс. человек ¹⁸.

Опыт организации «акции 1005» во львовском концлагере в дальнейшем использовался в других оккупированных районах Советского Союза. В Яновском лагере даже были организованы курсы для эсэсовцев по подготовке и проведению кремаций. Руководил ими Шэллок ¹⁹, координировавший ранее уничтожение трупов в Яновском лагере.

В августе 1943 г. нацисты приступили к ликвидации следов массовых расстрелов в Бабьем Яру. В июле в Киев вновь прибыл Пауль Блобель, который договорился с шефом ЗиПо/СД на Украине Томасом о создании двух зондеркоманд для реализации «акции 1005» ²⁰. 16 августа 1943 г. из узников Сырецкого лагеря было отобрано около 100 чел., преимущественно евреев, которые под руководством эсэсовца Топайде ²¹, 10 представителей СД и 30 немецких полицейских составили зондеркоманду 1005 А ²². Члены зондеркоманды, закованные в кандалы, были размещены на территории Бабьего Яра, в отдельных землянках, которые тщательно охранялись и, начиная с 18 августа, приступили к работе. Территория, на которой проводилась «акция 1005», объявлялась запретной зоной, по всему ее периметру были выставлены специальные щиты, маскировавшие ликвидацию следов немецких преступлений.

Сам процесс уничтожения тел погибших в целом был унифицирован и повторял осуществлявшийся ранее в Яновском лагере ²³. Сохранившиеся свидетельства участников данной акции весьма схоже описывают технологию ликвидации останков убитых в Бабьем Яру. Одним из подобных описаний является свидетельство Леонида Кивовича Островского, данное им во время допроса в ноябре 1943 г.: «Всех нас, находящихся в Бабьем Яру заковали в цепи, расстояние между цепями было 50—60 см, позволявшее передвигаться и рыть землю. В тот же день нас заставили рыть землю в Яру. После того, как земля была отрыта, глубиной 0,5—3 метра, под ней оказались трупы советских людей. Затем с еврейского кладбища были привезены каменные глыбы, из которых мы составляли прямоугольные площадки, примерно 30—40 метров. На эти каменные площадки ложились по несколько рельс, на которые налагались металлические сетки, на сетки клали слой дров, на который укладывали вырытые в

Бабьем Яру трупы. Трупы укладывались головами наружу в два ряда, затем они покрывались слоем дров, и производилась поливка нефтью. С такой последовательностью трупы накладывались 2—2,5 метра, а затем поджигались. После того, как все трупы сжигались, закладывалась новая печь, на которую опять накладывали трупы. Для того чтобы происходило полное сжигание трупов, нас заставляли специальными металлическими баграми переворачивать трупы. Останки несгоревших костей часть из нас специальными трамбовками разбивали на мелкие части, затем просеивали через металлические сита, в которых немцы собирали остатки золотых зубов и другие предметы, как кольца и проч. Пепел нас заставляли рассеивать по яру с тем, чтобы никаких следов от трупов не оставалось»²⁴. Процесс уничтожения останков узников был засвидетельствован и в показаниях немецкого полицейского Герхарда Адамца, охранявшего заключенных зондеркоманды²⁵.

Приведенное выше свидетельство демонстрирует, что физическое убийство политических и идеологических врагов было недостаточно для нацистов. Необходимой составляющей становилось уничтожение памяти о них, поэтому сначала оппонентов дискредитировали, а затем направляли их в концлагерь по заведомо ложным обвинениям, которые соотносились с личностью противника. Священникам, например, приписывались преступления против нравственности, политических противников обвиняли в государственной измене, евреев же могли обвинять во всем, вплоть до самого факта их существования. Таким образом, помещенные в лагеря люди теряли право на героическую смерть, а значит и на возможность преодоления будущего забвения своего существования. В дальнейшем останки уничтоженных жертв нацистов ликвидировались вне традиционно принятого обряда — им не полагалось ни индивидуальных могил, ни кладбищ.

Однако и память о тех, кто умер или погиб без участия нацистов, но относился к врагам Третьего рейха, также должна была быть попрана и уничтожена. Примеры использования надгробий с еврейского и христианского кладбищ для сжигания тел в Бабьем Яру являлись ярким подтверждением этому. Нацисты предавали подобному кошунству еще и символическое значение. Заставляя самих евреев, русских, украинцев работать в зондеркомандах, разрушать памятники и могилы своих предков, нацисты как бы делали их соучастниками собственных преступлений, унижали, заставляя тем самым страдать в еще большей мере, на сей раз не физически, а морально.

Вопрос количества уничтоженных трупов является принципиальным для понимания общего числа погибших и погребенных в Бабьем Яру и около него. Представляющиеся многим исследователям противоречивыми свидетельства непосредственных участников «акции 1005» на самом деле предлагают вполне однозначную картину. Сразу же после освобождения Киева выжившие члены зондеркоманды «1005» были допрошены советскими следственными органами. Трое из них, С. Берлянт, И. Бродский, В. Давыдов, указали число сожженных — 70 тыс. человек. Д. Будник и В. Кукля говорили о 80 тыс. и 90—95 тыс. соответственно²⁶. Й. Долинер доводил это число до 100 тыс., а Я. Стеюк наоборот уменьшал до 45 тыс. человек.

Причина различия в трактовках объясняется тем фактом, что каждый из свидетелей — членов зондеркоманды — осуществлял подсчет

сожженных трупов лишь в тех местах, где присутствовал сам. Так, Стеюк отмечал, что «на его глазах» было сожжено 45 тыс. человек. Однако сколько трупов было уничтожено в противотанковом рву, он не знал ²⁷. В отличие от него, остальные свидетели были и в Бабьем Яру, и в районе рва, где, по их данным, как раз было захоронено около 25 тыс. человек ²⁸. В результате получается число, приведенное Берлянтом, Бродским и Давыдовым — 70 тыс. человек.

Однако оно включает лишь эксгумированные трупы, то есть убитых в Бабьем Яру к лету 1943 года. При этом, все трое однозначно свидетельствовали, что параллельно с проведением кремацией в Бабий Яр доставляли тела людей, отравленных газом. В результате, за 44 дня работы команды узников в Яру было уничтожено еще как минимум 10—20 тыс. чел., что и позволило Буднику и Кукле назвать 80—90 тыс. погибших. Долинер, по всей вероятности, лишь округлил эти данные, увеличив их до 100 тысяч. Именно это количество и было использовано ЧГК при составлении акта о злодеяниях нацистов в Киеве ²⁹. При этом, из этого числа, очевидно ошибочно, было еще раз выделено 25 тыс. чел., то есть погибших в противотанковом рву. В результате, именно 100 тыс. и 125 тыс. устоялись в общественном сознании и свидетельствах очевидцев к 1960-м — 1980-м годам.

По данным Чрезвычайной Государственной комиссии, на территории Сырецкого концлагеря было обнаружено 650 трупов заключенных, при этом часть захоронений так и не были вскрыты. По мнению немецкого исследователя Корда Пагенштехера, в Сырецком лагере могло погибнуть как минимум 5 тыс. человек ³⁰. Однако точное число, с учетом тех, кто был отправлен на расстрел в Бабий Яр, вряд ли когда-нибудь будет установлено, в связи с отсутствием документов, тщательно уничтожавшихся нацистами при отступлении.

Осенью 1943 г. ликвидация следов преступлений нацистов началась в концлагере совхоза «Красный» в Симферополе. Технология, отработанная в Яновском и Сырецком концлагерях, применялась и в Крыму. Об этом свидетельствуют вещественные доказательства, обнаруженные Чрезвычайной государственной комиссией в районе Дубки — рельсы и груды закопченных камней ³¹. Подтверждают этот факт также свидетельства очевидцев, в том числе показания бывшего шофера концлагеря Леонгарда Легека. Он на машине лично доставил рельсы, четыре бочки бензина, одну бочку смолы и листовое железо к месту сожжения не менее 300 тел ³². Кроме того, уничтожение трупов совершалось также в абрикосовом саду рядом с лагерем ³³.

После освобождения концентрационного лагеря «Красный» были обнаружены останки убитых. Это могло означать либо поспешность в проведении операции, либо отсутствие некоторых звеньев в продуманной и четко организованной «технологии» сокрытия преступлений. В соответствии с показаниями Командующего войсками вермахта в Крыму Эрвина Энекке, нацисты лишь осенью 1943 г. должны были получить аппарат по дроблению костей трупов ³⁴. Вероятно, отсутствие подобного «инструмента» приводило к тому, что останки людей не были уничтожены полностью. В ходе расследования ЧГК на территории Дубков было обнаружено 20 ям с находившимися в них останками расстрелянных людей. Чрезвычайная государственная комиссия обозначила общее число жертв как 8 тыс. человек ³⁵.

Однако это были не единственные места захоронения. В рамках расследования по уголовному делу татарских коллаборационистов, уже через 25 лет после окончания войны, в 1970—1971 гг., были обнаружены и другие могилы. Проведенная эксгумация подтвердила наличие еще 2 тыс. 955 трупов. В итоге было уточнено: не менее 11 тыс. чел. было убито в концлагере совхоза «Красный».

Информации о реализации «акции 1005» в концлагере Моглино в Псковской области крайне мало. Тем не менее, имеются сведения о том, что в районе деревни Андрохново, куда свозились на расстрел в том числе и узники Моглинского концлагеря, ЧГК было обнаружено 18 мест расстрелов и сожжения трупов, где было уничтожено не менее 2 500 советских граждан³⁶. Более того, один из коллаборационистов, допрошенный советскими следственными органами в 1948 г., показал, что осенью 1943 г. в этом районе работала команда, откапывавшая и сжигавшая трупы расстрелянных³⁷. Всего же в Моглинском концлагере, его окрестностях и у деревни Андрохново было убито не менее 3 тыс. человек³⁸.

Осенью 1943 г. «акция 1005» началась и на территории Белоруссии, распространившись на концентрационные лагеря — Малый Тростенец и Колдычево. В Малом Тростенце уничтожение останков жертв в урочище Благовщина осуществлялось уже 27 октября 1943 г., то есть через неделю после убийства последних узников Минского гетто. Зондеркоманда получила название «1005-Центр», а ее руководителем был назначен заместитель Блобеля Артур Гардер³⁹. В состав команды вошли 30 полицейских четвертого взвода 9-ой полицейской танковой роты под командованием Отто Голдаппа, а также около 40 «фольксдойче» вспомогательной роты СД, преимущественно венгры и румыны⁴⁰. Работу по непосредственному извлечению останков жертв и их уничтожению должны были выполнять заключенные Тростенца. Первоначально для этой цели было отобрано около 100 молодых евреев, однако перед самой операцией они были убиты, так как Гардер считал, что с ними могут возникнуть проблемы в ходе проведения эксгумации. На их место были доставлены русские узники, которых разместили в специальном подземном бункере⁴¹.

Урочище Благовщина, где проводилась операция, охранялось по всему периметру. Для членов зондеркоманды в Тростенце были изготовлены металлические крюки для вытягивания трупов из ям и носилки для их переноски. Узники получали бензопилы для заготовки дров, горючие материалы для поджигания костра, молотилки для перемалывания несгоревших костей и проволочное сито для отсева ценных предметов из пепла. Так как вся проводимая операция была строго секретна, то переписка с прямым упоминанием о ней была запрещена. Сообщения разрешалось отправлять в Берлин только под кодовым названием «Прогноз погоды», где под «высотой облаков» подразумевалось количество уничтоженных тел, а под «количеством осадков» — число применяемой и ликвидированной рабочей силы⁴². 15 или 16 декабря 1943 г. эксгумация в Благовщине была закончена, а узники зондеркоманды уничтожены⁴³.

С осени 1943 до июня 1944 г. в располагавшемся поблизости от Тростенца урочище Шашовка функционировала импровизированная печь, представлявшая собой яму с лежащими поверх нее рельсами и

железной решеткой. В этой печи уничтожались тела людей, расстрелянных или задохнувшихся в газовых камерах незадолго до этого ⁴⁴.

Нацисты — члены зондеркоманды «1005» — приняли участие в организации уничтожения последних узников в Малом Тростенце в конце июня 1944 года. В эти дни было расстреляно и сожжено в лагерьном сарае не менее 6500 человек. После этого члены зондеркоманды «1005-Центр» участвовали в проведении эксгумаций в районе Слонима, польского города Ломжа. В Лодзи они ликвидировали гетто и провели депортацию последних его жителей в Аушвиц. В октябре 1944 г. члены бывшей зондеркоманды «1005-Центр» прибыли в Зальцбург, где присоединились к айнзацгруппе «Ильтис» под командованием Пауля Блобеля для борьбы с партизанами на австро-югославской границе ⁴⁵.

По подсчетам Чрезвычайной государственной комиссии, в районе Тростенца с 1941 по 1944 г. погибло 206 500 чел.: в урочище Благовщина — 150 тыс., в урочище Шашовка — 50 тыс., в лагерьном сарае — 6 500 человек ⁴⁶. Однако очевидно, что значительная часть погибших не являлась узниками концлагеря. При этом немецкий исследователь Кристиан Герлах отмечал, что документально подтверждено убийство в районе Тростенца 40 тыс. чел. ⁴⁷, и что с учетом «неизвестного количества» жертв облав, антипартизанских акций, расстрелов узников тюрем, это число составляло не более 60 тыс. человек ⁴⁸.

Учитывая тот факт, что в отличие от Сырецкого или Яновского концлагерей, никому из узников — членов зондеркоманды Малого Тростенца — не удалось выжить, установить точное число жертв концлагеря и мест уничтожения вокруг него не представляется возможным. Вполне вероятно, что обозначенное немецким исследователем количество жертв в 60 тыс. соответствует только числу погибших узников концлагеря. Тем не менее, для опровержения представленного в материалах ЧГК количества жертв нет никаких документальных оснований.

Проведение «акции 1005» в Колдычевском концлагере, по всей видимости, для нацистов сложилось неудачно. В ноябре 1942 г. около концлагеря в урочище Лозы была построена кремационная печь, в которой сожгли около 600 трупов из Барановичской и Столбцовской тюрем. Однако оказалось, что печь была неисправна и поэтому ее взорвали. Повторное строительство подобных печей весной 1944 г. сорвалось из-за ударов Красной армии, когда были ликвидированы не только печи, но и строившие их печники ⁴⁹. В результате нацистам не удалось уничтожить следы своих преступлений. Они лишь попытались замаскировать могилы-рвы, посадив вокруг них кустарники и деревья ⁵⁰.

Как следствие, после освобождения концлагеря было обнаружено 14 массовых захоронений. Общее количество жертв во втором концлагере на белорусской территории и в его окрестностях было оценено ЧГК в 22 тыс. человек ⁵¹. Подобное число погибших признается как вполне «реалистичное», в том числе и европейскими исследователями ⁵².

Осуществление «акции 1005» в Прибалтике началась в сентябре 1943 г. с уничтожения могил в литовском местечке Понары под Вильнюсом. Из 100 тыс. расстрелянных там людей были эксгумированы и

сожжены тела 56—68 тысяч⁵³. В конце сентября 1943 г. зондеркоманда «1005» разместились поблизости от IX форта, где во время оккупации проходили массовые расстрелы, в том числе узников гетто и концлагеря Каунаса. С начала ноября и до конца декабря 1943 г. командой из 73 заключенных под руководством оберштурмфюрера Радифа и унтерштурмфюрера Велиса было уничтожено 12 тыс. трупов⁵⁴. Дальнейшая деятельность команды в этом районе была остановлена наступлением советских войск.

Однако определить, какое количество из общего числа погибших составили узники Каунасского концлагеря, не представляется возможным, так как отсутствуют не только официальные нацистские документы, что было нормой для всех концлагерей на территории СССР, но и захоронение погибших проводилось в местах общих расстрелов. В связи с этим подсчитывалось общее число жертв Каунасского гетто, которое составило приблизительно 38 тыс. человек⁵⁵.

Нацистские функционеры зондеркоманды «1005 Б» после завершения своей деятельности на Украине в апреле 1944 г. прибыли в Ригу и разместились поблизости от концлагеря Саласпилс. Деятельность этой команды в районе столицы Латвии описана в показаниях одного из ее членов — обервахмистра Герхарда Адамца. Он отмечал, что операция в районе Саласпилса осуществлялась с апреля по начало июня 1944 года. В 6—8 могилах было обнаружено и уничтожено около 20 тыс. трупов. Осуществляла подобную «работу» по эксгумации тел бригада, состоявшая из евреев-заключенных (50—60 чел.), которых затем расстреляли, а их тела сожгли⁵⁶.

В дальнейшем зондеркоманда «1005 Б» переместилась на окраину Риги в район Бикерниекского леса, где сначала она должна была вскрыть 6—7 могил, в которых находились останки 10—12 тыс. человек. Последняя эксгумация (7—8 могил), участие в которой принимал Адамец, происходила все в том же Бикерниекском лесу в августе-сентябре 1944 года. Были уничтожены тела еще как минимум 10—20 тыс. человек⁵⁷. При этом, необходимо отметить, что хотя Адамец не принимал участия во вскрытии всех могил Бикерниекского леса, его показания подтверждают уничтожение свыше 30 тыс. человек. «Операция 1005» в этом районе реализовывалась заключенными Кайзервальда⁵⁸. Отобранные узники-евреи (50—60 чел.) были убиты после окончания акции⁵⁹. Кроме Бикерниекского леса узники Кайзервальда осуществляли эксгумацию трупов и в Румбульском лесу⁶⁰.

Относительно числа жертв концлагеря Кайзервальд источники не содержат информации, позволяющей хотя бы приблизительно обозначить их количество⁶¹. Что же касается концлагеря Саласпилс, то в данном случае имеющиеся данные и их интерпретация существенно разнятся. Некоторые латвийские исследователи значительно занижают число жертв, говоря лишь о 2 тыс. заключенных⁶². Советские источники увеличивали число погибших до 101 тыс. человек⁶³.

Первая точка зрения не выдерживает критики, поскольку она построена на нескольких воспоминаниях бывших узников и безосновательно отвергает материалы эксгумаций, вскрытий могил, значительного количества независимых друг от друга свидетельских показаний. Даже если оставить в стороне данные ЧГК, которые латвийские авторы считают «пропагандой», другие источники однозначно

свидетельствуют о массовой гибели узников, когда только жертвы среди еврейских заключенных и только в течении нескольких месяцев конца 1941 — начала 1942 г. составляли от 1500 до 2000 человек ⁶⁴. По другим данным, с весны 1942 по апрель 1944 г. было ликвидировано около 30 тыс. человек ⁶⁵.

Более того, установлено, что в ходе «акции 1005» были уничтожены останки около 20 тыс. чел., подавляющее большинство из которых, скорее всего перед гибелью, оказывались в Саласпилсе. В этот период массовых убийств люди, поступавшие в концлагерь, расстреливались ускоренными темпами, а их трупы сразу же уничтожались. Хотя многие захоронения прошлых лет нацистского террора остались нетронутыми ⁶⁶.

Вторая точка зрения о количестве погибших — 101 тыс. чел. — возникла в материалах ЧГК как объединение числа жертв в Саласпилсе — 53 700 и 47 400 — а также 350 погибших военнопленных Шталага, располагавшегося неподалеку от концлагеря ⁶⁷. Комиссия не скрывала подобных расчетов, делая акцент, в первую очередь, на страданиях людей и общем количестве жертв, а не на ведомственном подчинении лагерей.

В итоге, обозначенное в документах Комиссии число жертв Саласпилса в 53 700 чел., можно считать наиболее правдоподобным не только потому, что нет никаких оснований не доверять судебно-медицинской экспертизе останков, обнаруженных поблизости от лагеря, а также свидетельским показаниям бывших узников, но и в силу колоссальных масштабов нацистского террора в последние месяцы оккупации и существования концлагеря.

В Эстонии реализация «акции 1005» также привела к уничтожению останков тысяч жертв нацистов. Одним из мест, в котором данная операция реализовывалась перед самой эвакуацией, параллельно с расстрелами, был концлагерь Клоога. 19 сентября 1944 г. эсэсовцами был отобран 301 узник — наиболее физически крепкие мужчины — якобы для подготовки эвакуации. Заключенным дали задание готовить дрова и раскладывать костры на близлежащей лесной поляне. В помощь узникам доставили около 700 эстонцев, арестованных за уклонение от мобилизации в немецкую армию. За несколько часов было построено четыре костра площадью 6 x 6,5 м на расстоянии четырех метров друг от друга. После того, как костры были готовы, немцы приступили к массовому расстрелу заключенных. Первыми были убиты рабочие бригады, готовившие костры. Эсэсовцы укладывали их лицом на землю и убивали выстрелами в затылок. Затем на их тела укладывали бревна, а сверху вновь людей и вновь расстреливали. В дальнейшем из лагеря конвоировали небольшие группы заключенных — по 30—50 чел. — и уничтожали тем же способом ⁶⁸.

Советские войска освободили Клоогу после того, как массовые убийства уже произошли. Однако нацисты не успели ликвидировать свидетельства своих преступлений, и солдаты Красной армии обнаружили приготовленные для сожжения трупы убитых узников, а также останки погибших. Это стало еще одним неопровержимым доказательством нацистских преступлений, которое использовалось в ходе послевоенных судебных разбирательств. По разным данным, в этом филиале Вайвары было убито 2—3 тыс. человек. Источниковая база

не позволяет точно ответить на вопрос, каково общее количество жертв в Вайваре и во всех его филиалах.

«Акция 1005» была проведена как минимум в 40 пунктах на территории СССР, в результате чего было эксгумировано и уничтожено не менее 1,5 млн тел. Специальные команды узников, в подавляющем большинстве случаев состоявшие из евреев, во всех концентрационных лагерях, располагавшихся в оккупированных советских областях, должны были под контролем нацистов осуществить эксгумацию и сожжение тел ранее убитых, а также ликвидировать жертв нацистских расстрелов, произошедших в последние недели и месяцы оккупации.

Большинство членов этих зондеркоманд было уничтожено, однако некоторым удалось совершить побег и выжить. Таким образом они не только продемонстрировали волю к спасению, к борьбе с бесчеловечным режимом, но и стали важнейшими свидетелями масштабов нацистских преступлений, чьи воспоминания способствуют сохранению памяти о произошедшем и, как следствие, являются важнейшим документом в борьбе с ревизионистскими и неонацистскими идеями.

Общее количество жертв, погибших в концлагерях на оккупированных территориях Советского Союза, составило не менее 200 тыс. человек. Эти данные весьма приблизительны и показывают лишь нижний порядок числа жертв, который может измениться, если появятся новые источники по данной проблеме.

Примечания

Данная работа выполнена при поддержке Гранта Президента РФ для молодых ученых МК-928.2017.6.

1. Сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. М. 1943, с. 9—45.
2. SPECTOR S. Aktion 1005 — Effacing the Murder of Millions. — *Holocaust and Genocide Studies*. 1990, № 2, p. 158.
3. *Ibid.*, p. 161.
4. *Ibidem*.
5. Имеются свидетельства, определяющие количество узников зондеркоманды в 122 человека. См.: *Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen in Ludwigsburg (ZSL). AR-Z 294/59, Bd. 8, S. 1670* или *126 человек*. См.: *ZSL. AR-Z 294/59, Bd. 25, S. 5604*.
6. *Ibid.*, *AR-Z 294/59, Bd. 8, S. 1671*.
7. *Ibid.*, S. 1622.
8. *Ibid.*, S. 1614.
9. *Ibid.*, *Bd. 25, S. 5582*.
10. *Mémorial de la Shoah (Paris), XCVII_155*.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 7021, оп. 67, д. 75, л. 55; WELLS L. *The Janowska Road*. New York. 1963, p. 131—225.
12. SPECTOR S. *Op. cit.*, p. 162.
13. *ZSL. AR-Z 294/59, Bd. 25, S. 5532, 5605*.
14. *Ibid.*, S. 5536.
15. *Ibid.*, *Bd. 8, S. 1624—1625*.
16. *Ibid.*, *Bd. 25, S. 5536*.
17. *Ibid.*, S. 5538.
18. *The Holocaust in the East: local perpetrators and Soviet responses*. Pittsburgh. 2014, p. 255; SANDKÜHLER T. *Endlösung in Galizien. Der Judenmord in Ostpolen und die*

- Rettungsinitiativen von Berthold Beitz 1941—1944. Bonn. 1996, S. 191; POHL D. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941—1944: Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens. München. 1997, S. 338.
19. ГА РФ, ф. 7021, оп. 67, д. 76, л. 5.
  20. SPECTOR S. *Op. cit.*, p. 162.
  21. По замечанию В. Нахмановича, правильная фамилия эсэсовца Э. Тонхайде. См.: НАХМАНОВИЧ В. Расстрелы и захоронения в районе Бабьего Яра во время немецкой оккупации города Киева 1941—1943. Проблемы хронологии и топографии. URL: <http://www.kby.kiev.ua/book1/articles/art25.html>.
  22. В целом численность команды варьировалась от 100 до 321 человека.
  23. ГА РФ, ф. 7021, оп. 67, д. 75, л. 55; WELLS L. *The Janowska Road*. New York. 1963, p. 131—225.
  24. Галузевий державний архів Служби безпеки України (ГДА СБУ), ф. 7, оп. 8, д. 1, л. 35.
  25. ZSL. AR-Z 22/60, Handakten, S. 8.
  26. БЕРКГОФ К. Бабин Яр: місце наймасштабнішого розстрілу євреїв нацистами в Радянському Союзі. В кн.: Бабин Яр: масове убивство і пам'ять про нього. Київ. 2012, с. 17. См. также: ГДА СБУ, ф. 7, оп. 8, д. 1, л. 36, 46, 103.
  27. ГА РФ, ф. 7021, оп. 65, д. 6, л. 31.
  28. Там же, оп. 116, д. 36, л. 40.
  29. Там же.
  30. *Der Ort des Terrors. Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager*. Bd. 9. München. 2005, S. 92.
  31. ГА РФ, ф. 7021, оп. 9, д. 47, л. 26.
  32. United States Holocaust Memorial Museum (USHMM), RG-31.018M, reel 58, 11721 Case Gorlis (Vins-Poliakova, Bogdanova) Maria Iakivna etc. vol.1, p. 211.
  33. USHMM, RG-31.018M, reel 69, 20416 Case Asanov S., Menzatov N., Menametov E. vol. 17, p. 31.
  34. *Нацистские лагеря смерти. Очевидцы свидетельствуют*. Т. 2. Симферополь. 2010, с. 338.
  35. ZSL. AR-Z 219/59, Bd. 7, S. 1803.
  36. АЛЕКСЕЕВ Ю.В. Моглинский лагерь: история одной «маленькой фабрики смерти» (1941—1944). М. 2011, с. 19.
  37. Там же, с. 26.
  38. Там же, с. 88.
  39. Гардер командовал зондеркомандой до начала ноября 1943 года. Его сменил Фридрих Зекель — координатор «операции 1005» в Белоруссии и Центральной России, руководивший командой до декабря 1943 года. Последним начальником зондеркоманды являлся Макс Кранер (до октября 1944 г.).
  40. ХОФМАН Й. «Операция 1005» — уничтожение немцами следов массовых преступлений в Малом Тростенце. В кн.: *Лагерь смерти «Тростенец» в европейской памяти*. Материалы международной конференции 21—24 марта 2013 г. Минск. 2013, с. 21.
  41. КОЛЬ П. Тростянец — лагерь смерти под Минском. В кн.: *Лагерь смерці Трасцянец 1941—1944 гг.: пам'яті ахвяр нацизму ў Беларусі*. Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, 10 лістап. 2004 года. Минск. 2005, с. 24.
  42. Там же, с. 25.
  43. ХОФМАН Й. Ук. соч., с. 24.
  44. *Лагерь смерти Тростенец. Документы и материалы*. Минск. 2003, с. 103.
  45. ХОФМАН Й. Ук. соч., с. 25.
  46. *Лагерь смерти Тростенец*, с. 8.
  47. Герлах основывается, в том числе, и на показаниях одного из организаторов массовых убийств в районе Малого Тростенца — Адольфа Рюбе, который отмечал, что в урочище Благовщина было расстреляно от 40 до 50 тыс. человек.
  48. GERLACH C. *Kalkulierte Morde: die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944*. Hamburg. 1999, S. 770.
  49. Выписка из Акта, 1.01.1945. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ), ф. 845, оп. 1, д. 237, л. 254.

50. ШЕРМАН Б.П. И ужаснулась земля: Барановичское гетто. Колдычевский лагерь смерти. Барановичи. 1997, с. 65—66.
51. Там же, с. 69.
52. GERLACH C. Kalkulierte Morde: die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944. Hamburg.1999, S. 771.
53. SPECTOR S. Op. cit., p. 167.
54. Ibid., p. 167.
55. Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933—1945. Volume II. Bloomington. 2012, p. 1067.
56. ZSL, AR-Z 22/60, Handakten, S. 17.
57. Ibid., s. 19.
58. Der Ort des Terrors. Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager. Bd. 8. München. 2008, S. 50.
59. ZSL, AR-Z 22/60, Handakten, S. 18.
60. Encyclopedia of Camps and Ghettos 1933—1945. Vol. 1. Bloomington. 2009, p. 1232.
61. Der Ort des Terrors. Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager, Bd. 8, S. 55.
62. KANGERIS K., NEIBURGS U., VĪKSNE R. Aiz šiem vartiem vāid zeme. Salaspils noietne: 1941—1944. Rīga. 2016.
63. ГА РФ, ф. 7021, оп. 93, д. 21, л.16.
64. Yad Vashem Archive (YV), о. 2, file 908, p. 3; file 924, p. 4.
65. YV, о. 2, file 803, p. 3.
66. ANGRICK A. Operation 1005: The Nazi Oblivion Project. In: Materials of the IV and V conferences 2015—2016 is dedicated to the memory of Professor Eli Wisel. Riga. 2016, p. 52.
67. Приговоренные нацизмом. Сборник документальных свидетельств о злодеяниях немецких нацистов и их пособников в годы германской оккупации Латвии в 1941—1945 гг. Рига. 2011, с. 45.
68. ГА РФ, ф. 7021, оп. 97, д. 17а, л. 3—11; USHMM, Photograph 50 609, 59 485.

Первые эфиопские студенты в Российской империи

Д.А. Дегтерёв, Ныгусие Кассе В. Микаэль

Аннотация. В феврале 2018 г. исполнилось 120 лет установления дипломатических отношений между Россией и Эфиопией. Как известно, Эфиопская империя являлась одной из первых стран Африки, с которой Российская империя установила дипломатические отношения. В 1917 г. после Великой Октябрьской революции официальные контакты между двумя странами приостановились и возобновились лишь в 1943 году. Таким образом, Эфиопия стала не только первой страной континента, с которой Россия установила официальные дипломатические связи, но и окном в Африку, так как до 60-х гг. XX в. и борцы за свободу, и студенты, получившие стипендию для обучения в вузах СССР, вынуждены были ехать в Советский Союз через Эфиопию, ибо колониальные власти не допускали их приезда в страну советов. Публикация посвящена истории подготовки в России специалистов для Эфиопии в период с конца XIX до начала XX века.

Ключевые слова: Менелик II, Николай II, МИД России, Красный Крест, генерал Шведов, доктор Родзевич, Текле Хаварият, С.Ю. Витте, военно-фельдшерская школа, Ремесленное училище цесаревича Николая, кадетский корпус, большевики.

Abstract. In February 2018 was 120 years of the establishment of diplomatic relations between Russia and Ethiopia. As you know, the Ethiopian Empire was one of the first countries in Africa with which the Russian Empire established diplomatic relations. In 1917, after the Great October Revolution, official relations between the Ethiopian Empire and the USSR were suspended and resumed only in 1943. Thus, Ethiopia became not only the first country in Africa with which Russia established official diplomatic ties, but also a window to Africa. Before the 60s of XX century, the freedom fighters of Africa and students who received a scholarship to study in the universities of the USSR were forced to travel through Ethiopia, because the colonial authorities did not allow their arrival in the country of the Soviets. The publication is devoted to the history of training national personnel for Ethiopia in Russia in the last period of the XIX and the beginning of the 20th century.

Key words: Menelik II, Nicholas II, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Red Cross, General Shvedov, Dr. Rodzevich, Tekle Havariat, S.Y. Witte, the military paramedic school, the artisan school of the Tsarevich Nicholas, the cadet corps, the Bolsheviks.

Дегтерёв Денис Андреевич — кандидат экономических наук, заведующий кафедрой Российского университета дружбы народов. E-mail: priem@rudn.ru; *Ныгусие Кассе В. Микаэль* — доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов. E-mail: ethmil@mail.ru.

Degterev Denis A. — PhD (Economics), head of the department of the Peoples Friendship University of Russia (PFUR). E-mail: priem@rudn.ru; *Nigusie Kassaye W. Michael* — doctor of historical sciences, professor of the PFUR. E-mail: ethmil@mail.ru.

«Мы, Лев-Победитель из племени Иуды, Менелик II, Помазанник Божий, Император Эфиопии, шлем настоящее письмо Великому и Высокопочитаемому Другу Нашему и Брату Государю Императору России Николаю II.

Привет Вам!

Друг Наш!

Прежде всего приносим Нашу благодарность за то, что два года тому назад, явив расположение к Нам, Вашему Величеству угодно было почтить Нас присылкой такого симпатичного посланца и такого приятного советника, как генерал Власов, а также и медицинского персонала, который, обладая любезным характером, даже превыше искусства своего, служил солдатам и народу Нашему и в походе, и в столице Нашей. Более же всего Ваше Величество преисполнили радостью не Нас одних, но и весь эфиопский народ, послав новых докторов на смену отъезжающим, дабы не оставить Эфиопии без их помощи.

Друг Наш!

Говорим чистосердечно, что для Эфиопии нет других помощников, кроме Бога и России: мы — братья по вере и истинные, неизменные друзья. Вашему Величеству более Нас известно все, и Мы надеемся, что Ваше Величество не предадите Нас в руки врагов наших. От Нас далеко всякое сомнение в том, что до Нашей смерти расположение Вашего Величества и Правительства Вашего останется к Нам неизменным.

Последнее слово Наше таково:

О нуждах Эфиопии Мы откровенно сообщили другу Нашему представителю Вашего Величества генералу Власову, от которого Ваше Величество узнаете все: пусть он расскажет. Засим, если бы на смену генералу Власову, как только он приедет в Россию, был послан представителем Вашего Величества человек пожилой, как и он, Мы были бы очень рады.

Молим Всемогущего Бога, да даст Он Государству Вашему мир и покой, Вашему же Величеству — здоровье и долголетие.

Писано в городе Аддис-Абеба 9 февраля 1900 г.»¹

Это письмо императора Эфиопии Менелика II русскому царю Николаю II свидетельствует о том, что отношения между двумя, на первый взгляд, совершенно разными странами, носили не просто официальный, но дружественно-доверительный характер.

К концу XIX в. после раздела Африки европейскими державами Эфиопия оставалась единственным независимым государством, и взгляды таких стран, как Англия, Франция и Италия устремились к ней.

Российская империя, которая не имела колоний в Африке, также стала проявлять интерес к Эфиопии. С целью изучения этой страны туда направлялись различные экспедиции: в 1848 г. русского путешественника, писателя, дипломата и востоковеда Е.П. Ковалевского в северо-западную Эфиопию; в 1886 г. и в 1888—1889 гг. группы казаков во главе с Н.И. Ашиновым²; в 1891 г. поручика В.Ф. Машкова; в 1895 г. А.В. Елисеева. Все это подготовило почву для установления дипломатических отношений между Россией и Эфиопией³.

В 1889 г. вместе с миссией Машкова в Россию для получения образования приехал молодой эфиоп — Хайле Мариям Вонде из г. Харера.

Он пробыл в России несколько лет, выучил русский язык, вернулся на родину, и когда первая русская дипломатическая миссия П.М. Власова в 1898 г. прибыла в Эфиопию, служил в ней переводчиком ⁴.

В 1895 г. еще два эфиопа отбыли на учебу в Россию в сопровождении миссии фитаурари (воинское звание в Эфиопии) Дамтеу, направлявшейся к царю Николаю II. Один из них, Башах, по возвращении на родину был переводчиком в русской миссии в Аддис-Абебе.

В 1896 г. Российское общество Красного Креста направило в Эфиопию санитарный отряд для оказания помощи больным и раненым эфиопам, сражавшимся в битве при Адуа, а также итальянским офицерам и солдатам, попавшим к ним в плен. Безусловно, деятельность санитарного отряда играла большую роль в формировании положительного имиджа России в Эфиопии и способствовала установлению официальных дипломатических связей между двумя странами. Об этом свидетельствует письмо эфиопского руководителя русскому царю.

«Славному и Высокому, Великому Другу Нашему Николаю, кесарю всего народа Московского. Царю Царей, Царю Польскому, Великому Князю Финляндскому. Мир Вам да будет. О Преславный Друг Наш.

Прибывшие из царства Вашего в царство Наше врачи общества Красного Креста ⁵ порадовали Нас прекрасным исполнением своего дела. Слух о них прошел по всему царству Нашему. Но жившие в отдаленнейших концах царства Нашего раненые воины Наши не могли прибыть [в лазарет] своевременно и остались [без врачебной помощи]. Ныне отсутствие врача ставит Нас в затруднение, и Мы были бы рады, если бы по соизволению Вашего Императорского Величества врач прибыл к Нам.

Усердно просим Ваше Императорское Величество дать министрам Вашим относительно сего повеление. И если это будет для Нас сделано, то не только Мы, но и весь народ в царстве Нашем будет благословлять имя Вашего Императорского Величества.

Усердно молим Господа, да подаст Он Вашему Величеству многия лета и здравие, народу же и царству Вашему мир и спокойствие.

Аддис Абеба [23 июля 1897 г.]» ⁶.

Менелик II понимал, что Эфиопии нужны образованные люди, чтобы обеспечить ее безопасность, модернизировать страну и сделать ее независимой. Первый важный шаг — открытие современной школы при дворе — был предпринят самим императором. Однако было ясно, что без иностранной помощи отсталая Эфиопия не в состоянии самостоятельно развивать образование. Поэтому император принял решение отправить молодых людей за границу. Но, поскольку у правительства не было средств, оно нуждалось в иностранной помощи. И император обратился к русскому царю с просьбой помочь в подготовке кадров для Эфиопии. В письме, адресованном Николаю II, Менелик II сообщал о том, что вместе с русским санитарным отрядом направляет в Санкт-Петербург пять молодых людей для получения образования по лечебному делу ⁷.

Русский санитарный отряд в составе пяти человек под руководством доктора Б.А. Родзевича, закончив свою деятельность в Эфиопии, выступил в январе из Аддис-Абебы, взяв курс на Россию. К

отряду, по просьбе императора Менелика II, были добавлены пять эфиопов: Гено Арадо, 20 лет; Данье Черынет, 20 лет; Сему Ныгус Вольде Микаэль, 19 лет; Гызау Вольде Мескель, 18 лет; Кыбрет Мару, 17 лет ⁸.

К тому времени ни договора, ни официальных дипломатических отношений между двумя странами еще не было. По прибытии в Санкт-Петербург у молодых людей и их опекуна генерала Н.К. Шведова возникли финансовые затруднения. Средств, которые были выделены правительством Эфиопии, хватило лишь на дорогу.

Сначала абитуриенты остановились на квартире у Шведова по адресу: ул. Лиговская, д. 67. Пока решался вопрос об их определении в учебные заведения, они находились на полном попечении генерала. Молодые люди говорили только по-амхарски и не знали ни одного европейского языка. Поэтому генерал прикрепил к ним переводчика, в обязанности которого входило не только обучение их русскому, но и посещение с ними церкви, так как они были православными, а также проведение ознакомительных экскурсий по Санкт-Петербургу.

Все молодые люди имели только традиционное эфиопское, то есть церковное, образование и поэтому не могли сразу поступить в кадетские корпуса. Первое время преподаватели занимались с ними по индивидуальному плану. Это вызывало определенные трудности — тогда еще не было учебников для преподавания эфиопам русского языка, отсутствовала и методика преподавания русского как иностранного ⁹.

Несмотря на это, в России существовали специалисты, занимавшиеся эфиопистикой. С введением в 1829 г. Б.А. Дорном (1805—1887) курса древнеэфиопского языка геэза в Харьковском университете началась подготовка специалистов по африканским языкам. В дальнейшем с Петербургским университетом, профессором которого был академик Дорн, было связано развитие эфиопской филологии. Традиции эфиопистики продолжали такие выдающиеся ученые мирового уровня, профессора университета, как академики Б.А. Тураев (1868—1920) и И.Ю. Крачковский (1883—1951). С изучения эфиопского языка начинал свою творческую деятельность известный гебраист и семитолог П.К. Кокорцов (1861—1941) ¹⁰.

После предварительной проверки знаний, наклонностей и т.п. было решено распределить молодых эфиопов по двум направлениям: медицина и ремесленное дело. Гызау, Кыбрет и Данье были приписаны к военно-фельдшерской школе, а Гено и Сему Ныгус — к Ремесленному училищу цесаревича Николая (дом призрения и ремесленного образования бедных детей) в Санкт-Петербурге, который находился под высочайшим покровительством Его Императорского Величества.

Трудности возникли, когда решался вопрос о зачислении Гено и Сему Ныгуса в училище. Согласно уставу, в первый класс ремесленного училища поступали мальчики в возрасте от 12 до 15 лет, причем, выдержавшие установленный вступительный экзамен ¹¹.

Было решено заниматься с эфиопами специально, притом интенсивно, для чего нужны были дополнительные средства. Потребовалось специальное разрешение Николая II, который официально являлся их попечителем.

В письме от 6 апреля 1898 г. министр финансов Сергей Витте просил Его Императорское Величество одобрить выделение из государственного казначейства сумм, необходимых на содержание этих двух учеников, согласно принятым нормативам (по 250 руб. в год на каждого или 500 руб. в год на обоих, а также 1200 руб. в год на вознаграждение особого лица, под руководством которого они станут заниматься)¹². Это были средства на экстренные и непредусмотренные надобности ввиду полного незнания «абитуриентами» русского языка и несоответствия уровня развития учеников программе обучения в училище.

Остальные трое были зачислены для обучения в Петербургскую военно-фельдшерскую школу. Они были приняты на казенное содержание.

Как и сегодня, в конце XIX в. одним из определяющих факторов в образовательном процессе являлась проблема адаптации иностранных студентов к новым социокультурным условиям. Поэтому для некоторых молодых эфиопов петербургская студенческая жизнь стала серьезным жизненным испытанием. Об этом свидетельствует письмо директора Ремесленного училища им. цесаревича Николая от 22 мая 1899 г.: «... из числа привезенных начальником бывшего санитарного отряда в Абиссинии генерал-майором Шведовым и помещенных с Высочайшего соизволения, последовавшего 6-го июня 1897 г. в ремесленное училище цесаревича Николая на казенный счет двух абиссинцев, Ато Гено в течение более полугода хворает и, несмотря на все принимаемые меры, здоровье его не улучшается... Исследовавшие больного доктор медицины Родзевич и врач училища Аксюков в своем заключении полагают, что душевное настроение Гено напоминает собою установленную патологическую форму тоски по родине (Nostalgia), которое продолжается, несмотря на все меры, полгода без улучшения, если физическое состояние больного не улучшится, дальнейшее пребывание Гено в училище и в России вообще не только бесполезно, но может вызвать в будущем лишь ухудшение в состоянии его здоровья». Поэтому врач рекомендовал скорейшее возвращение на родину в Эфиопию¹³.

Тогдашний статс-секретарь С.Ю. Витте после ознакомления с докладом о состоянии здоровья эфиопского ученика дал согласие на отчисление Гено из училища. Однако отправить больного на родину было не так просто. Внешнее ведомство, в обязанности которого входило сделать это, не располагало специальными средствами для оплаты его путешествия. Кроме того, нужен был сопровождающий. Поэтому Первый Департамент I отделения МИД России выступил с предложением, чтобы училище решило проблему в частном порядке. Одним из вариантов было — отправить Гено на родину в сопровождении поручика лейб-гвардии Измайловского полка К.Н. Арнольди¹⁴, следовавшего в Эфиопию.

Ремесленное училище должно было обратиться к офицеру с просьбой о попечительстве над Гено и выделить сумму на путевые издержки. Необходимые средства для отправки Гено училище заняло у санкт-петербургского купца Усова. Предполагалось, что император Менелик II вернет эти деньги через Российскую миссию в Аддис-Абебе. Впоследствии купцу Усову вернуло деньги российское казначейство.

По возвращении на родину Гено стал переводчиком при госпитале российского общества Красного Креста. Позже он занял пост ыльфун ашкер (слуга в управлении делами двора), а также нештатным чином Министерства иностранных дел России и был прикреплен к российской миссии в качестве переводчика.

Что касается успеваемости оставшихся в России учеников, то, несмотря на «выдающееся их прилежание» и настойчивость, а равно принятые меры к облегчению им занятий в школе, они с большим трудом достигли необходимых познаний в медицине. Трудности русского языка были главным тому препятствием. Для того, чтобы выпускники набрались опыта, было решено по окончании курса зачислить их на год на фельдшерские вакансии в Одесском военном округе с прикомандированием к Одесскому военному госпиталю. Они поочередно обязаны были практиковаться во всех отделениях госпиталя, один — по внутренним болезням, другой — по болезням наружным, включая сифилис и глазные болезни ¹⁵.

Занятия должны были проводиться под общим руководством консультантов госпиталя по особым программам, утвержденным медицинским совещанием (ученым советом) госпиталя. К одесскому окружному военно-медицинскому инспектору обратились с настоятельной просьбой принять все меры, чтобы фельдшеры-эфиопы вышли из госпиталя подготовленными к профессиональной деятельности.

26 июня 1901 г. МИД России дал поручение поверенному в делах Абиссинии господину Орлову сообщить правительству Эфиопии, что двое абиссинцев, окончивших курс в Санкт-Петербургской военно-фельдшерской школе, прикомандированы на один год для усовершенствования в профессии к Одесскому военному госпиталю. Представитель России не замедлил довести информацию до сведения императора Менелика II. Однако тот не дал своего согласия — формально по причине того, что Менелик II и императрица Тайту опасались, что продолжительное пребывание в России губительно повлияет на здоровье их подданных. Соответственно было решено отправить выпускников на родину.

Что же касается ученика ремесленного училища Сему Ныгуса, то для получения документа об окончании Ремесленного училища им. цесаревича Николая он должен был выдержать экзамен. 28 мая 1901 г. комиссия под председательством директора ремесленного училища В.М. Арбузова, при участии генерала Шведова, а также инспектора ремесленного училища Г.Ю. Гессе и преподавателя М.П. Хаустова, провела письменное и устное испытание ученика. Ему было предложено написать диктант и письмо товарищу. Как первая, так и вторая работа были исполнены Сему Ныгусом вполне удовлетворительно, особенно вторая — почти без орфографических ошибок и довольно правильным русским языком, как говорилось в заключении комиссии ¹⁶.

Генерал Шведов обратил особое внимание на то, что воспитанник Сему Ныгус приобрел навыки в постановке знаков препинания, а Арбузов отметил, что воспитанник достаточно тверд в употреблении буквы «Ъ» (твердый знак) ¹⁷.

По арифметике Сему Ныгусу предложено было решить задачу в четыре действия с числами любой величины. Комиссия была удовлетворена — он приобрел навыки в решении несложных задач. На уст-

ном испытании по русскому языку Сему Ныгус проявил понимание русской речи, передав содержание прочитанной незнакомой ему статьи. Правда, в чтении, по замечанию Шведова, он выглядел слабее, чем в письменном русском. В беседе по географии выяснилось, что воспитанник имеет представление о частях света и океанах, знаком с картой Европы. Гессе констатировал, что в целом Сему Ныгус усвоил знания, соответствующие курсу начальной школы, притом главное его внимание было обращено на изучение столярного и слесарного ремесел¹⁸.

Воспитанник трудился на разных станках — токарном, сверлильном, строгальном и других, ознакомился с их устройством и функциями. В заключение комиссия оценила работы Сему Ныгуса, исполненные им за время пребывания в училище. Что касается столярного ремесла, то ему было поручено сколотить комод и шкафчик, что соответствовало требованиям, предъявляемым к лицам, претендующим на звание цехового подмастерья. Отчитываясь за слесарные навыки, полученные им в училище, Сему Ныгус смастерил замок. В итоге было признано, что его успехи, как в учебных предметах, так и в ремеслах, вполне удовлетворительны.

Учителя и администрация Ремесленного училища им. цесаревича Николая понимали, что при возвращении на родину Сему Ныгус столкнется с проблемами самореализации, ведь Эфиопия начала XX в. была страной, не имевшей мастерских, равно как и госпиталей. Поэтому столярные и слесарные инструменты ему подарили.

Кроме того Сему Ныгусу были выданы изготовленные им за годы учебы работы: разные изделия из проволоки, 2 отвертки, 2 грабштихеля, нутромер, крумциркуль, угольник, застежка, петля, задвижка, ящичный замок, наддверная доска, параллельные поворотные тиски.

Эфиопская казна не располагала суммой, необходимой для возвращения выпускников на родину, поэтому правительство России покрыло все расходы. МИД Российской империи отдал приказ канцелярии выдать заграничные паспорта абиссинским подданным, а Министерство финансов выделило Данье и Гызау путевое пособие — каждому по 200 руб., а Сему Ныгусу — 300 рублей.

О судьбах первых эфиопских выпускников российских учебных заведений известно мало. Гено, хотя и не закончил обучение, стал чиновником, а позже приехал в Россию в качестве посланника Менелика II. Гызау в должности санитаря работал в госпитале Менелика II в Аддис-Абебе. О судьбе Сему Ныгуса сведений нет.

В 1901 г. в I кадетский корпус с высочайшего соизволения, по ходатайству Ее императорского высочества принцессы Евгении Максимилиановне Ольденбургской¹⁹, был определен эфиопский юноша Александр Териз. В 1904 г. после окончания курса обучения он пожелал продолжить военное образование в Николаевском училище. Ввиду того, что кадеты — иностранные подданные — переводились в военное училище по предварительному представлению, свидетельствовавшему о согласии на то иностранных правительств, Главное управление военно-учебных заведений просило эфиопское правительство уведомить, нет ли с его стороны препятствий к продолжению образования кадета Териз в военном училище²⁰. К сожалению, в переписках о зачислении Териз в Николаевскую школу нет сведений о том, чем закончилось дело.

Император Менелик II в 1897 г. послал в Санкт-Петербург двух мальчиков для получения музыкального образования. По причине отсутствия музыкальных военных школ в России было решено направить их в кадетский корпус, где наряду с общеобразовательными существовал предмет, изучавший основы музыки. Оба мальчика до 1902 г. находились в 84-м пехотном Ширванском полку, который дислоцировался в районе слободы Хасав-Юрт ²¹. Об их успехах и об их судьбах после возвращения на родину ничего не известно.

Больше всего сведений существует о Текле Хаварияте, так как он оставил после себя автобиографию, в которой подробно описал годы пребывания в России и службу в Эфиопии ²².

Молодой Текле Хаварият Текле Мариям по просьбе раса Меконнына (губернатора провинции Харера, отца будущего императора Эфиопии Хайле Селассие I) путешествовал под покровительством полковника Н.С. Леонтьева — русского офицера и одного из военных советников эфиопского руководства во время войны 1896 года.

У Текле Хаварията (П.С. Молчанова, как его звали в России) судьба сложилась благополучно. Его опекуном стал полковник Сергей Дмитриевич Молчанов, потомок князя Волконского — одного из лидеров восстания декабристов 1825 года. Сергей Дмитриевич очень серьезно отнесся к своим новым обязанностям и, прежде чем найти подходящую военную школу для 13-летнего мальчика, поручил его начальное образование своей матери — Елене Волконской (1834—1916), проживавшей в Воронках, где двое из пяти ее внуков обучались с наставниками. Текле Хаварият считал ее своей бабушкой ²³.

Волконские наняли юному эфиопу трех учителей: русского языка, в обязанности которого входили обучение грамматике, письму, а также мировой истории и географии; арифметики и рисования. Тетя (сестра Молчанова) учила Текле Хаварията музыке ²⁴. Как положено высшему российскому сословию Текле Хаварият также занимался охотой и верховой ездой. Его знакомили со скотоводством и пчеловодством. Кроме того, он обучался ремесленному делу, а также фотоискусству.

Текле Хаварият поступил в четвертый класс I кадетского корпуса в 1902 году ²⁵. Там он показал хорошие способности к обучению. В аттестационном списке, где фамилии учеников выстраивались в зависимости от успеваемости, его имя шло под шестым номером, что очень неплохо для эфиопа, обучавшегося не на родном языке. По физике, географии и законоведению у него был высший балл. Самый низкий балл — 6 по 12-бальной шкале — он получил по русской грамматике, которую сдавал при поступлении в корпус. Этот балл и был занесен в его аттестационный лист. По письменным работам по русскому языку у Текле Хаварията было 8 баллов, а по русской словесности — 10, что хорошо для иностранца. Высокие отметки (11 баллов) у эфиопского юноши были по таким предметам, как геометрия, начала аналитической геометрии и космография ²⁶.

По окончании кадетского корпуса молодой эфиоп поступил в первое высшее артиллерийское учебное заведение России — Михайловское училище в Санкт-Петербурге — и стал юнкером ²⁷. Как известно в социальном отношении состав юнкеров был почти исключительно дворянским и Текле Хаварият был зачислен туда благодаря тому, что его официальным опекуном был С.Д. Молчанов.

В училище преподавались такие предметы как математика гимназического курса, аналитическая геометрия, история, география, статистика, русский, французский и немецкий языки, закон Божий; в старшем классе также — полевая фортификация, материальная и техническая часть русской артиллерии, черчение артиллерийское и ситуационное²⁸.

По окончании училища в 1906 г. Текле Хаварият, желая изучить службу русской полевой артиллерии и приобрести опыт, необходимый для дальнейшей службы на родине, подал ходатайство о производстве его по окончании 2-летнего курса обучения в училище в офицеры без обязательства переходить в русское подданство, но с принятием присяги на верность Его Императорскому Величеству. Согласно правилам, Текле Хаварият должен был предоставить удостоверение о согласии своего правительства на поступление на русскую военную службу. Менелик II в своем письме от 26 июня 1906 г. писал: «... разрешаю Текле Хаварияту, который учится в стране Мескоб (так называли в Эфиопии Россию — *Д.Д., Н.К.В.М.*), чтобы закончил учебу»²⁹. Русский перевод письма Менелика звучит иначе. «Теперь ему разрешаю послужить на русской военной службе»³⁰. Сам Текле Хаварият сообщал о том, что Менелик II не ответил на его просьбу³¹. Так или иначе, Текле Хаварияту не было дано разрешение на продолжение учебы в Михайловском училище.

«За то, что он закончил учебу, бабушка подарила ему швейцарские золотые часы с цепочкой». По окончании учебы Текле Хаварият отправился на экскурсию по европейским странам. Конечно, его поездку финансировала бабушка, стремившаяся приобщить своего эфиопского внука к европейской «цивилизации»: «... Теперь после окончания учебы тебе необходимо посещать западную Европу. Даже будучи хорошо образованным, если не увидишь западную Европу, не поймешь ее цивилизацию. Твое знание о Европе будет неполным. Запад считает нас русских лицемерными, нерасторопными. Да для этого у них может быть имеются причины. Очевидно, что они приобщились к цивилизации раньше нас. Да они цивилизовали свои мозги, языки, руки и образ жизни. Но душа у них зверская и жестокая. Они уже забыли свою веру (христианскую. — *Д.Д., Н.К.В.М.*)... они уже изменники бога и стали рабами материи... готовы поменять все на деньги... их знание приведет к разрухе... запад бежит впереди всех, чтобы стать убийцей себе и другим народам. Но мы русские не торопимся... вера, любовь и правда для нас выше всех...»³² «... для своей родины ты будешь закваской. Поэтому старайся получить знание настоящее. Ты должен трудиться безуданно. А то Европа сотрет вас с лица земли. Они уже уничтожили многие народы мира и вас не оставят в покое. В Африке кроме вас нет христианского народа. Ваша история старше, чем история Европы, но чтобы не исчезнуть, кроме как образовываться у вас нет другого выбора»³³.

Бабушка была права. Спустя некоторое время — в 30-е гг. XX в. — началась вторая «цивилизационная» миссия фашисткой Италии в христианской Эфиопии.

После завершения поездки по странам Европы Текле Хаварият отправился на родину, а спустя еще некоторое время — во Францию и Англию для изучения языков, вернувшись в 1912 году. В Эфиопии

он пострадал за свои реформистские идеи, тем не менее, долго занимал высокие ответственные посты в правительстве (в частности, министра финансов), а в годы второй итало-эфиопской войны (1935—1936) был представителем Эфиопии в Лиге Наций.

Текле Хаварият любил Россию и свою российскую семью. Он поддерживал контакты с ними даже после российской революции. Одна его тетья — Елена Рахманова — нашла убежище в Эфиопии и осталась жить с семьей Текле Хавариата.

С приходом большевиков к власти в России дипломатические отношения между Россией и Эфиопией были приостановлены. Официальная Аддис-Абеба симпатизировала сторонникам царского режима, а потому, когда весть о расстреле императора Николая II и его семьи достигла Эфиопии, в церкви св. Георга в Аддис-Абебе была устроена специальная поминальная служба, на которой присутствовали также патриарх эфиопской христианской церкви, сановники и дипломаты иностранных государств, включая временного поверенного в делах России П.К. Виноградова, который к тому времени еще не покинул столицу. Официальные отношения между двумя государствами были заморожены вплоть до 1943 года. Студентов из Эфиопии в Россию больше не посылали, лишь в 1960-е г. эта практика возобновилась.

И тем не менее Россия оказалась одним из первых европейских государств, начавших подготовку специалистов не только для Эфиопии, но и для других стран Африки.

Примечания

Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

1. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. Политархив, д. 151, л. 18—22 (подлинник на амхар., пер. на рус. яз.), с. 373—374 (в книге: Российско-эфиопские отношения в XIX — начале XX в. М. 1998).
2. МАЛЫГИНА Н.В. Первые попытки проникновения России в Эфиопию. [Http://Ricolor.Org/Rz/Afrika/Efp/Efr/2/](http://Ricolor.Org/Rz/Afrika/Efp/Efr/2/).
3. В конце 1897 г. в Эфиопию была направлена сроком на 9 месяцев чрезвычайная дипломатическая миссия во главе с П.М. Власовым, которому и вменено было в обязанность изучить и подготовить почву для учреждения в этой стране постоянного представительства России. Миссия Власова пробыла в Аддис-Абебе 2 года и успешно справилась с поставленной перед ней задачей. Прежде всего удалось установить дружественные отношения с императором Менеликом.
4. Архив внешней политики России (АВП Р), ф. 143, оп. 38, д. 3, л. 2—4.
5. 26 июня 1896 г. отряд российского Красного Креста из 43 чел. прибыл в столицу Эфиопии Аддис-Абебу. Русские проработали здесь 2,5 месяца, оказав помощь почти 5 тыс. больных и раненых, в том числе итальянцам. Отряд возглавлял генерал Н.Н. Шведов.
6. АВП РИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 2027, л. 5—6 (в книге: Российско-эфиопские отношения в XIX — начале XX в.), с. 255.
7. АВП Р, ф. Турецкий стол (новый) 1897—1902 гг., оп. 502/2, д. 4895, л. 11.
8. Там же, л. 13—13об.
9. Ашинов издал в Петербурге «Абиссинскую азбуку и начальный абиссинско-русский словарь». [Http://gatchinapalace.ru/special/publications/collection/abissinskie.php](http://gatchinapalace.ru/special/publications/collection/abissinskie.php).
10. [Http://Www.Orient.Spbu.Ru/Ru/O-Fakultete/Kafedry-F/Item/71-Kafedra-Afrikaniستيki.Html](http://Www.Orient.Spbu.Ru/Ru/O-Fakultete/Kafedry-F/Item/71-Kafedra-Afrikaniستيki.Html); Российско-эфиопские отношения в XIX — начале XX в.
11. Там же, л. 21—21об.

12. Там же, л. 17—18.
13. Там же, л. 29.
14. К.Н. Арнольди, автор книги «Военные очерки Абиссинии», побывал в Эфиопии с различными поручениями в 1897, 1898, 1902 годах.
15. АВП Р, ф. Турецкий стол (новый) 1897—1902 г., оп. 502/2, д. 4895, л. 39—40.
16. Там же, л. 55—57.
17. Там же.
18. Там же.
19. Евгения Максимилиановна Ольденбургская (1845—1925) — внучка императора Николая I, покровительница комитета сестер Красного Креста, на основе которого возникла община Святой Евгении, названная в честь ее покровительницы, и председатель Императорского общества поощрения художеств. Оставила яркий след в истории российского меценатства и благотворительности и сама увлекалась рисованием.
20. АВП Р, ф. Турецкий стол, оп. № 502/2, 1904 г., д. 4898, л. 7.
21. Там же, оп. № 502/6, 1898 г., д. 4896, л. 6, 20, 22.
22. ФИТАУРАРИ ТЕКЛЕ ХАВАРИЯТ ТЕКЛЕ МАРИЯМ. Автобиография. Аддис-Абеба. 2005.
23. Там же, с. 77—117.
24. Там же, с. 94.
25. Там же, с. 111.
26. См.: ПИСКУНОВА А.П. Абиссинец на учебе в России. Из жизни видного государственного деятеля Эфиопии Текле Хауариата. — Восточный архив. Институт Востоковедения РАН. № 17. 2008 г. <https://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1044856>.
27. Автобиография, с. 128.
28. Там же, с. 128—130.
28. АВП Р, ф. Турецкий стол, оп. № 502/2, 1906 г., д. 99, л. 1, л. 4.
29. Там же, л. 4.
30. Автобиография, с. 138.
31. Там же, с. 139—140.
32. Там же, с. 130.

Роль образования в зарождении национального движения в Гяндже на рубеже XIX—XX вв.

П.О. Керимзаде

Аннотация. Образование и просвещение сыграли важную роль в становлении и формировании национального движения в городе Гяндже. На рубеже XIX—XX вв. в условиях ускорившихся социокультурных изменений резко расширилась сеть начальных, средних, средних специальных учебных заведений, возросло число учащихся, открылись библиотеки, читальни, печатались газеты и журналы, в том числе на азербайджанском языке. В борьбу против отсталости, невежества, суеверий, за формирование нового мировоззрения в 90-х гг. XIX столетия включилась целая плеяда общественных деятелей, получивших высшее образование в России и Европе. Это был период образовательного взлета, охватившего все стороны общественной жизни. Его инициаторами стали лидеры просветительства — люди, имевшие достаточно глубокие знания и желание работать во благо своего народа.

Ключевые слова: Азербайджан, Гянджа, образование, национальное движение, благотворительность.

Abstract. The education and enlightenment played an important role in the formation of the national movement in Ganja. At the end of the 19th and early 20th centuries, the network of primary, secondary and secondary specialized schools were expanding, the number of students, libraries, reading pools, newspapers and magazines began to be published. The public figures who have got education in Russia and in Europe were beginning to struggle against ignorance and illiteracy for the formation of a new sense of thinking generation. At this time, the rise of education in all spheres of public life occur in Azerbaijan. The main leading force of this movement were the enlightener leaders. The fundamental purpose of these well educated people was to welfare of the nation.

Key words: Azerbaijan, Ganja, education, national movement, charity.

Как известно, ни одно национальное движение не зарождается спонтанно. Необходим длительный процесс развития просветительства, национального образования, культуры. В Азербайджане активная деятельность целой плеяды подвижников-просветителей в духовно-культурной сфере способствовала постепенному изменению общественного сознания и быта. Складывалось нечто новое, ставившее неведомо-

---

Керимзаде Парвин О. — доктор философии по истории, доцент Государственного университета г. Гянджи. Республика Азербайджан. E-mail: parvinkerimzade@mail.ru.

Kerimzade Parvin O. — doctor of philosophy on history, associate professor at the State University of Ganja. Republic Azerbaijan. E-mail: parvinkerimzade@mail.ru.

мые до той поры задачи философского, общественно-политического, социального, художественно-эстетического плана. Для последующих поколений азербайджанской интеллигенции идейное наследие Зардаби, Ахундова и др. стало прочным фундаментом духовно-политического развития. Большая часть азербайджанских просветителей работала на ниве образования, внедряя в умы молодого поколения основы национального самосознания и прогрессивных идей своего времени.

До середины XIX в. в Азербайджане местное население в основном получало духовное образование в мектебах и медресе. В 1830-х гг. стали функционировать уездные училища. В 1833 г. подобное учебное заведение открылось и в Гяндже¹. Уже в 1845 г. в нем занимались 84 человека. Родной язык здесь преподавал видный представитель местной интеллигенции Шейх Ибрагим (1816—1865).

В стенах училища появились учителя, отличавшиеся по складу ума и взглядам на образование. Они занимались сбором местного фольклора, народных преданий, этнографических сведений и публиковали свои исследования в тифлиских газетах. Тем самым они в определенной степени несли идеи просветительства в народ. Однако уездные училища способны были дать лишь самые элементарные знания, поэтому их выпускники не могли поступить в гимназии, а затем успешно работать в государственных учреждениях. К тому же дети мусульман составляли в них менее 40%.

С 1847 г. правительство приступило к открытию так называемых мусульманских училищ среднего класса в разных городах Азербайджана, в том числе и в Гяндже. Инициатором этого явился наместник Кавказа М.С. Воронцов, воплощавший таким образом в жизнь идею «приобщения окраины к общерусской гражданственности»². Азербайджанская исследовательница Н.А. Таирзаде указала причины, подвигнувшие власть к созданию подобных школ: «Учитывая громадное влияние мусульманского духовенства на темную... массу, царские власти стремились изыскать пути воздействия на духовенство с тем, чтобы обеспечить его лояльность, и затем использовать для осуществления своей политики в Закавказье»³. Суть вопроса заключалась в том, что местное мусульманское духовенство получало высшее образование, как правило, в Иране и Османской империи. И русские власти опасались, что обучившиеся за границей духовные (и не только) лица в последующем могли занять враждебную позицию по отношению к Российской империи. Другой побудительной причиной в деле учреждения училищ служило стремление воспитать туземных чиновников, лояльных русскому государству. В Гяндже открытие училища состоялось 10 апреля 1849 года. В нем обучалось 22 ученика⁴. В мусульманских училищах помимо русского, арабского, персидского языков преподавались также логика, риторика, метафизика. Кроме того, в список обязательных предметов был введен и шариат. Впоследствии дети «почтенных мусульман» стали обучаться также в начальных и средних учебных заведениях Петербурга и Москвы, что способствовало приобщению азербайджанской, так называемой дворянской, молодежи к русской и европейской культуре. Вскоре, в связи с ростом уездных училищ, в них увеличилось и количество мусульманских учащихся. К концу 1861 г. высшие власти Кавказа пришли к мнению о нецелесообразности дальнейшего существова-

ния мусульманских училищ под предлогом, что «ныне предубеждение мусульман против русских учебных заведений исчезло, и они с охотою отдают детей в уездные училища»⁵.

Трудно переоценить просветительское значение государственных школ. Они были единственными учебными заведениями, распространявшими среди местного населения русский язык и светское образование. Мировоззренческий переворот, который имел колоссальные последствия для просвещенного азербайджанского сообщества (а через него, как нам кажется, и для всего азербайджанского народа), уходит своими корнями в 30—50-е гг. XIX века. Именно тогда началось складывание интеллектуальной прослойки: в русских школах формировались интеллигенты (по-азербайджански — зиялы, то есть несущие свет), явившиеся первыми в череде просветителей-подвижников.

В рамках так называемых либеральных преобразований 1860-х гг. были проведены и реформы в области народного образования. На основании принятых положений было составлено «Положение об учебной части на Кавказе и Закавказье», утвержденное 15 мая 1867 года. Оно еще раз приравнивало местные школы к «внутренним школам империи», усилило внимание к русскому языку и освободило русских детей от изучения местных языков. Таким образом, «Положение» можно оценить как новую веху в русификаторской политике царизма.

В связи с образованием в 1868 г. Елизаветпольской губернии 1 июля 1870 г. на базе уездного училища была учреждена прогимназия в Гяндже (Елизаветполе). В 1881 г. ее преобразовали в полную восьмиклассную гимназию. В 1901 г. в гимназии из 321 обучавшегося 45 были азербайджанцами, 87 — русскими, 48 — грузинами, а остальные — армянами и представителями других народностей⁶.

В 1874 г. в Гяндже была учреждена благотворительная школа «Хейрийе», где преподавание предметов велось на азербайджанском языке. В учебном плане основное место занимали светские дисциплины. В школе преподавали главным образом учителя с прогрессивными взглядами. Школа была закрыта в 1912 г. из-за противодействий реакционных кругов города.

Местная интеллигенция критиковала мектебы и медресе, считая их угрозой для тех социокультурных преобразований, которые происходили в мусульманском обществе. Действительно в мектебах не учитывали (или, по своим объективным характеристикам, не были в состоянии учесть) требования нового времени. В этих заведениях не могло произойти становление личности нового типа. Тем не менее, мектебы и медресе продолжали существовать в Азербайджане вплоть до 1917 года. В частности, в конце XIX — начале XX в. в Елизаветпольской губернии в 268 мектебах обучались 4384 учащихся, в том числе 145 девочек. Медресе численно уступали мектебам и находились, как правило, в городах — Баку, Гяндже, Нахчыване, Шемахе, Шуше.

Власти относились к мектебам и медресе настороженно, хотя и не вмешивались в их деятельность. В последней трети XIX в. правительство стремилось усилить свой надзор над упомянутыми учебными заведениями. В 1870 г. были приняты Закон и Положение относительно религиозных учреждений, мектебов и медресе. Министр

просвещения Д. Толстой с целью уменьшения политического и религиозно-идеологического влияния Османской империи и отчасти Ирана, особым приказом вводил изучение русского языка и арифметики на русском языке. При этом содержание преподавателей производилось не за счет казны, а возлагалось на население. В ноябре 1873 г. правительство приняло новое Положение, согласно которому мектебы и медресе выходили из формального подчинения дирекции народных училищ, а во вновь открытых мектебах и медресе еще раз узаконивалось введение русского языка. С принятием в 1874 г. нового закона надзор за этими учебными заведениями возлагался на инспектора народных училищ. Согласно изданному в 1893 г. закону, мектебы и медресе передавались в распоряжение непосредственно губернаторов. Однако подобное подчинение носило номинальный характер. Как отмечалось в одном из документов того времени, у губернаторов не хватало ни времени, ни возможностей контролировать деятельность огромного количества мусульманских школ. «А мектебы открывались всяким лицом, считающим себя знатоком Корана, без соответствующего разрешения правительства, существовали и также закрывались»⁷.

Как своеобразную альтернативу этим школам уже в 70-х гг. XIX в. ряд азербайджанских просветителей начал создавать школы «усул-и-джадид» с преподаванием предметов новыми методами. В них вводились новаторские способы преподавания, синтезировавшие в себе как основы традиционных знаний, так и введение новых светских предметов. Несмотря на то, что сторонники подобных школ — джадиды — требовали реорганизации религиозных школ, открытия культурно-просветительских учреждений, издания газет на родном языке, они не выходили за рамки традиционных исламских ценностей, выступая за их реформацию⁸. Суть нового метода заключалась во введении разговорного способа обучения грамоте вместо буквослагательного, что ускоряло процесс обучения. Кроме того, учащиеся делились на классы согласно возрасту и знаниям, классные комнаты были оборудованы необходимой мебелью и наглядным учебным материалом. Обучались в этих школах не только мальчики, но и девочки, а учредителями часто становились светские лица.

Поистине первопроходцем-основателем подобных учебных заведений в Азербайджане стал Сейид Азим Ширвани (1835—1888). Первую свою школу он открыл в 1869 г., то есть задолго до татарских просветителей И. Гаспринского и др. Помимо религиозных дисциплин здесь преподавали русский, азербайджанский, персидский языки, историю, географию и арифметику. В 1870-х гг. новаторские школы появились в Ленкорани, Шуше, Сальянах, Ордубаде, Нахчыване.

В Елизаветполе подобная школа была открыта в 1896 г., а к началу XX в. в ней уже обучалось 290 учащихся, причем 50 детей из бедных семей были освобождены от оплаты. Царские власти весьма настороженно отнеслись к появлению этих школ, хотя и понимали их прогрессивность и привлекательность для мусульманского населения. В частности, в переписке Департамента полиции с канцелярией заместителя на Кавказе и уездными начальниками по надзору за деятельностью лиц, занимающихся организацией мусульманских школ с преподаванием грамоты по новой системе за 1900 г., отмечалось их

новаторство и популярность: «Первоначально эти новые веяния проявились в совершенно невинной области нового метода обучения грамоте и вызваны были появлением изданного в 1884 году Крымским мурзаком Исмаилом Гаспринским учебника татарской грамоты, составленным по европейской звуковой системе, значительно облегчающим усвоение татарскими детьми грамоты»⁹. Однако в то же время Департамент полиции недвусмысленно намекал, что недавние восстания в Средней Азии заставляют с осторожностью подходить к этому движению. В связи с этим была выражена просьба расследовать, не противоречит ли деятельность подобных школ интересам русского государства и нет ли у них связи с младотурецким движением и пантюркизмом.

Еще большую обеспокоенность вызвала у властей активизация введения образования по новым методикам в Гяндже в 1901 году. В полицейской переписке впервые всплыло имя известного общественного и религиозного деятеля, будущего кавказского Шейх-уль-Ислама Ахунда Мохаммеда Пишнамазаде. Именно с ним директор канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе связывал в письме Елизаветпольскому губернатору Н.Я. Лутцау проникновение новаторских веяний и создание движения, «основанного на началах общего подъема культурного развития с целью объединения всех мусульман»¹⁰. В донесении отмечалось также, что действия Пишнамазаде являлись достаточно целенаправленными — это и стремление к определенной организации, и сбор денег, и учреждение продовольственных пунктов, и установление связей с персидскими организациями, и даже снабжение оружием.

Как известно, все мусульманские школы — и мектебы, и медресе — находились в ведомстве духовенства, и это являлось существенным препятствием к осуществлению идеи новаторов по созданию школы по своей программе. Поэтому единственным выходом для них было войти в союз с духовенством и воспользоваться для своих целей уже существовавшей обширной сетью мусульманских школ. Новаторы постепенно старались привлечь на свою сторону представителей духовенства — казиев — и при их посредничестве осуществлять реформирование школ при мечетях, расширяя их программы, и таким образом постепенно осуществлять свою цель. В перехваченном Департаментом полиции письме от Омара Фаика Нейманзаде в адрес Пишнамазаде были указаны и те идеи, вокруг которых следует объединять мусульман: «Новаторы указывают на прежнее могущество мусульман, на процветание в мусульманских государствах наук и искусств, на упадок всего этого вследствие взаимной вражды; призывают мусульман к объединению, указывают на необходимость просвещения и несомненно, что подобные проповеди должны склонять на сторону новаторов очень многих людей»¹¹. В организованную Пишнамазаде школу был выписан из Стамбула молла Эфенди, преподававший по новому методу, оттуда же выписывались и учебники. В том же 1901 г. Пишнамазаде и его единомышленники — Гасым Ибрагим оглы, Абдулла Мешади, Гаджи Али Мамед Ахундов, Кербалаи Аббас Гаджи Багир оглы Ахундов, Молла Мосум Расулзаде и др. — были арестованы на месяц как политически неблагонадежные. И только в 1909 г. Пишнамазаде, после ссылки в Туркестан за свою

деятельность в партии «Дифаи», наконец получил разрешение на открытие новаторской школы. Он создавал подобные школы не только в Гяндже, но и по всей Елизаветпольской губернии — в селениях Чобанабдаллы, Борсунлу, Ашагы Айыблы, Гарабаглар, Газахе, Ахмедбейли и др.

Уже будучи Шейх-уль Исламом, после 1910 г., Пишнамазаде возглавил также Мусульманское духовное училище (медресе) при главной мечети Шах-Аббаса, за которой велось усиленное наблюдение¹². В переписке с попечителем Кавказского учебного округа Лопатинским за 1912—1915 гг. отмечалось, что в этом училище очень плохо поставлено преподавание русского языка и истории России, а изучаются главным образом татарский (азербайджанский), персидский и арабский языки, а также история Турции. Был даже поставлен вопрос о расформировании училища, но, учитывая возражения попечительского совета, было решено поменять учителя русского языка, а также поставить процесс обучения под надзор Кавказского учебного округа. В Попечительский совет духовного училища помимо Пишнамазаде входили Алекпер бек Рафибеков, Бюк ага Агасибеков и Алекпер бек Хасмамедов.

Именно опасение того, что школы с преподаванием по новым методикам смогут аккумулировать основную массу мусульманского населения и развить среди него опасные, с точки зрения российской государственности, взгляды, скорее всего стало отправным механизмом для создания в 70-х гг. XIX в. «русско-мусульманских», или «русско-татарских» школ. Это были учебные заведения, в которых обучались только азербайджанцы и где помимо азербайджанского преподавались русский язык и предметы на русском языке. Существовали они в основном за счет городских средств и пожертвований. Первая русско-татарская (азербайджанская) школа в Азербайджане была учреждена 2 января 1875 г. в селе Салахлы Казахского уезда Елизаветпольской губернии казанским татаринном Т. Мамлеевым. Это была первая русско-татарская школа на всем Кавказе¹³. Количество учеников в таких школах стремительно росло. Если в 1887 г. в первой русско-азербайджанской школе числились 76 учеников, то в 1913 г. число мальчиков в них достигло 2249, а девочек — 337¹⁴. В течение короткого периода подобные школы появились и в других городах и селах Азербайджана.

В Гяндже русско-азербайджанская школа была открыта 23 апреля 1898 года. В первое время в ней обучались 26 учеников. В 1899 г. был заложен фундамент нового здания школы. Тогда же численность учащихся достигла 48 человек. Директором школы был Мехралы бек Исмаилов, преподавателем азербайджанского языка и шариата — Мола Аббас Молла Алекбер бек оглу. С 1902 г. заведовал школой выпускник Закавказской Учительской Семинарии Гасан бек Багиров. Школа состояла из двух отделений: на первом учился 41, а на втором — 20 учеников. В школе преподавались азербайджанский и русский языки, арифметика, шариат, гимнастика. Обучение азербайджанскому и русскому языкам происходило по учебникам А.Щ. Черняевского, по новому методу.

Русско-азербайджанские школы привлекали внимание мусульман из других регионов Кавказа оригинальностью методов обуче-

ния, внутренней структурой, содержанием учебных программ. Большой проблемой было издание учебников на азербайджанском языке. В этом деле огромную роль сыграл инспектор азербайджанского отделения Закавказской учительской семинарии А.О. Черняевский. С помощью студентов-семинаристов он собрал материалы, составил еженедельную программу и букварь-учебник «Вэтэн дили»¹⁵. Это был первый учебник по новому методу обучения не только в Азербайджане, но и на мусульманском Востоке в целом. Учебник был издан в 1882 г., а в 1888 г. А.О. Черняевский совместно с учителем семинарии Сафарали беком Велибековым издал в Тифлисе вторую часть «Вэтэн дили». Кроме того, благодаря его подвижническим усилиям по всем городам, в том числе и Гяндже, были набраны студенты в Закавказскую учительскую семинарию, из стен которой вышли многие видные деятели культуры и политики Азербайджана.

Широкое распространение русско-азербайджанских школ послужило своеобразным подспорьем в развитии женского образования. При некоторых учебных заведениях подобного типа были открыты женские отделения. Так, например, с 1901 г. при Багманларской школе Гянджи начал функционировать женский отдел. В нем учились 20 девушек. Также при школе Гянджинской мечети действовала женская школа. В этом заведении получало образование 65 девушек.

Результаты деятельности азербайджанских просветителей проявились уже в начале XX в., когда резко возросло количество учебных заведений, как начальных, так и средних и средних специальных. Если в 1902 г. в Азербайджане насчитывалось 230 начальных школ с 14 598 учащимися, то в 1914 г. их количество возросло до 943, а число обучавшихся — до 61,2 тысячи. В процентном соотношении число учеников-азербайджанцев выросло: с 24,3% в 1902 г. до 35,3% в 1914 году. Довольно значительная их часть приходилась на Гянджу, в которой были открыты не только новаторские и русско-азербайджанские школы, но и гимназии, и техническое училище. Всего в Елизаветпольской губернии в конце XIX — начале XX в. действовало 516 учебных заведений с 8917 учащимися, гимназия, реальное училище, профессиональное училище, 3 трехклассных городских училища, 12 сельских двухклассных училищ, 20 сельских школ Министерства народного просвещения, 12 частных школ и два женских благотворительных общества¹⁶.

Следует особо отметить деятельность благотворительных обществ в сфере образования, поскольку они оказали большую поддержку неимущим слоям населения в получении образования. В частности, в 1897 г. в Гяндже было организовано «Общество распространения народного образования», в задачу которого входила помощь бедным ученикам¹⁷. В 1899 г. в Гяндже открылась Пушкинская публичная библиотека, в организации которой приняли участие помимо городских властей Х.Б. Усуббеков, А. Рустамбеков, Ш.Б. Шахмалиев, Г.М. Рафиев, А.Е. Мелик-Мурадов, А.Н. Сафаров, Я.А. Абдулзаде и др.¹⁸

На наш взгляд, с точки зрения роста национального самосознания, представляет интерес факт подачи в апреле 1905 г. петиции учениками Елизаветпольской гимназии — азербайджанцами и армянами — на имя попечителя Кавказского учебного округа с требованием увеличить количество часов преподавания на родных языках за счет

сокращения преподавания немецкого и французского языков и соответственно повысить жалования преподавателям родного языка за счет городской казны. В состав педагогической комиссии, рассмотревшей петицию, вошли Полад-заде, Мелик-Бегляров, Рафибеков, Ходжаев, Зиятханов, Серебряков, братья Хасмамедовы ¹⁹.

Переписка Педагогического Совета Елизаветпольского Михайловского ремесленного училища с директором народных училищ Елизаветпольской губернии по поводу волнений среди учащихся и жалоб их родителей от 24 марта и 5 мая 1905 г. также была посвящена требованиям родителей и учеников. Эти требования сводились к следующему: ввести преподавание родных языков — азербайджанского и армянского; географии и истории, причем истории не только российской, но и всеобщей, а также тех народов, к которым принадлежат ученики; уроки русского языка вести не традиционным способом, как это делалось в русской школе, а передовым методом; разрешить читать дозволенные цензурой книги на родном языке ²⁰. Почти все выдвинутые требования были удовлетворены.

С требованием равноправия азербайджанского языка выступили делегаты знаменитого съезда учителей-мусульман, состоявшегося в Баку в августе 1906 года. На него прибыли представители многих городов, в том числе и Гянджи ²¹. Съезд вызвал большой резонанс благодаря своему заявлению на имя наместника Кавказа с требованием узаконения родного языка в качестве равноправного предмета обучения, чему противился инспектор по делам просвещения Ливицкий. Успех этой акции вдохновил гянджинских просветителей и общественных деятелей на проведение подобного съезда в Гяндже. В марте 1907 г. на имя Елизаветпольского губернатора было подано прошение от имени А. Рафибекова, А. Зиятханова и А. Хасмамедова о разрешении проведения с 1 по 15 июня съезда учителей-мусульман «для обсуждения вопросов о правильной постановке учебного дела среди мусульманского населения» ²².

Однако под предлогом несоответствия данного прошения «Временным правилам о съездах учащихся в начальных народных училищах» оно было отклонено. Но уже на следующий год появилось «Елизаветпольское общество распространения грамотности среди мусульманского населения Елизаветполя». Председателем общества стал Алекпер бек Рафибеков, его заместителем — губернский секретарь Асланбек Сафикурдский, секретарем — доктор Гасан бек Агаев.

Таким образом, в указанный период в условиях ускорившихся социокультурных изменений резко расширилась сеть начальных, средних, средних специальных учебных заведений, возросло число учащихся, открывались библиотеки, читальни, печатались газеты и журналы, в том числе на азербайджанском языке. В борьбу против отсталости, невежества, суеверий, за формирование нового мировоззрения в 90-х гг. XIX столетия включилась целая плеяда общественных деятелей, получившая высшее образование в России и Европе. Для пропаганды передовых просветительских идей и нового мировоззрения они пользовались издававшимися в Тифлисе и Баку газетами «Кавказ», «Новое обозрение», «Каспий», «Баку». Это поколение просветителей стало открыто выступать за реформу мусульманского алфавита, всей системы школьного обучения. Инициатором и двигате-

лем образовательного движения, охватившего все стороны общественной жизни Азербайджана, была группа лидеров просветительства — людей, имевших достаточно глубокие знания и желание работать во благо своего народа.

Примечания

1. ЭНМЭДОВ Н.М. XIX эр Azərbaycan məktəbi. Bakı. 2006, s. 19.
2. Государственный Исторический архив Грузии (ГИА Г), ф. 4, оп. 3, д. 33, л. 17—27.
3. ТАИРЗАДЕ Н. О мусульманских училищах в Азербайджане в конце 40-х и в 50-е годы XIX века. — Материалы по истории Азербайджана. Баку. 1962, № 5, с. 143—144.
4. Кавказский календарь на 1854 год. Тифлис. 1853, с. 353.
5. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Т. XII. Тифлис. 1904, док. № 118, с. 192.
6. Кавказский календарь на 1903 год. Тифлис. 1902, 3-й отдел, с. 34.
7. ГИА Г, ф. 422, оп. 1, д. 7150, л. 29об.
8. История общественно-культурного реформаторства в Центральной Азии и на Кавказе (XIX — начало XX века). Самарканд. 2012, с. 113.
9. Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (ГИА АР), ф. 45, д. 35, оп. 1, л. 1.
10. Там же, ф. 524, оп. 1, д. 11, л. 2.
11. Там же, л. 4.
12. Там же, ф. 406, оп. 1, д. 249, л. 1.
13. ГИА Г, ф. 422, оп. 1, д. 623, л. 4.
14. 25-летний юбилей русско-мусульманских школ в Баку. — Мектеб. 1912, № 21 (на азерб. языке).
15. КОЧАРЛИНСКИЙ Ф. А.О. Черняевский. — Каспий. 1914, № 282.
16. ГИА АР, ф. 309, оп. 1, д. 1046, л. 61; Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 года. Вып. 11, ч. 1, с. 31; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. (Губернские итоги). Т. 1—89. СПб. 1903—1905.
17. Обзор Елизаветпольской губернии за 1897 год. Тифлис. 1898, с. 110—111.
18. ВАГАБОВА Э. Из истории культурной жизни Северного Азербайджана (2-ая половина 19 века — 1917 г.). Дисс. докт. ист. наук. Баку. 2016, с. 369.
19. Каспий. 1905, 3 апреля, № 61, с. 4.
20. ГИА АР, ф. 311, д. 258, л. 27.
21. Баку. 1906, 18 августа, № 179; Каспий. 1908, 21 февраля, № 43.
22. ГИА АР, ф. 311, оп. 1, д. 49, л. 1—2.

Антифранцузское сопротивление в Алжире накануне и в годы первой мировой войны

Н.А. Жерлицына

Аннотация. В работе исследуется ситуация во французской колонии Алжир в преддверии и в годы первой мировой войны. Несмотря на то, что в первом десятилетии XX в. позиции Франции как колониальной империи были как никогда крепкими, в Алжире подспудно назревали кризисные явления, подрывавшие стабильность колониального владычества метрополии. На основе документов АВПРИ МИД РФ, впервые вводимых в научный оборот, рассматриваются различные проявления сопротивления коренного населения Алжира иностранному порабощению. Отмечена важная роль мусульманских религиозных братств в борьбе с иностранной экспансией. Особое внимание уделено противоречиям между официальной политикой Парижа в отношении колонии и позицией французской общины Алжира. Участие алжирцев в первой мировой войне еще более углубило социально-политические и экономические противоречия в колонии и способствовало зарождению национально-освободительного движения.

Ключевые слова: Алжир, французский колониализм, первая мировая война, национально-освободительное движение, мусульманские братства, протесты против мобилизации.

Abstract. This work examines the situation in the French colony of Algeria before and during the World War I. Despite the fact that in the first decade of the XX century the position of France as a colonial Empire was strong, in Algeria secretly brewing crisis, undermining the stability of the colonial rule of the metropolis. The basis for this study is the diplomatic documents from the Archive of foreign policy of the Russian Empire, these materials are published for the first time and testify to the facts of the various manifestations of the resistance of the indigenous population of Algeria foreign enslavement. The article noted the important role of Muslim religious orders in the struggle against foreign expansion. Special attention is paid to contradictions between official policy towards the colonies and the French community in Algeria. The participation of Algerians in the World War I have deepened the socio-political and economic contradictions in the colony and contributed to the emergence of the national liberation movement.

Key words: Algeria, French colonialism, World War I, national liberation movement, Muslim brotherhood, protests against the mobilization.

Жерлицына Наталья Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института Африки РАН, доцент Российского университета дружбы народов (РУДН). E-mail: ns_inafr@mail.ru.

Zherlitsina Natalia A. — PhD (History), senior researcher at the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, associate professor at the Peoples Friendship University of Russia. E-mail: ns_inafr@mail.ru.

В годы, предшествовавшие первой мировой войне, Франция располагала второй по размерам колониальной империей в мире. В дополнение к уже завоеванным Алжиру и Тунису в 1912 г. состав Французской Северной Африки пополнился протекторатом над Марокко. В Алжире, который первым из стран Магриба был захвачен Францией в 1830 г., колониализм пустил корни наиболее глубоко. В 1848 г. метрополия провозгласила Алжир французской территорией, в 1870 г. объявила алжирских мусульман французскими «подданными», не предоставив им при этом политических прав. В 1860 г. в Алжире проживало уже 200 тыс. французов. Годы с 1880 до 1930-х считаются «золотым веком» французской колонизации. К этому времени французской армии удалось в основном подавить сопротивление племен. Экономическая экспансия также не встречала серьезных препятствий. Но и в эти годы колониальный режим в Алжире не был стабилен. Назревавшие кризисные явления в социально-политической жизни колонии были подстегнуты первой мировой войной.

Российская империя не имела прямых интересов в этом регионе и не участвовала в борьбе за его раздел. Но, как великая держава, причастная к разрешению Восточного вопроса, она внимательно следила за развитием событий в Магрибе и учитывала их при формировании своей европейской политики. Российские дипломатические представители, осуществлявшие деятельность в Алжире с 1884 г. и в Марокко с 1897 г., сообщали в Министерство иностранных дел о нюансах как внешнего, так и внутреннего положения в странах Северной Африки. Материалом для данной публикации послужили донесения консулов Российской империи в Алжире за 1906—1916 гг., хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи. Они свидетельствуют о напряженности внутренней ситуации в колонии в первом десятилетии XX в. и антифранцузских настроениях в годы первой мировой войны. Подробности антивоенного мятежа в алжирском поселке Мак-Магон в 1916 г. до сих пор не были сколько-нибудь подробно освещены в российской научной литературе. Это событие лишь вскользь упоминается известным российским алжироведом Р.Г. Ландой среди «антифранцузских актов» в Алжире в те годы ¹.

Самой болезненной темой во французском Алжире в 1906 г. была безопасность. Французские и прочие иностранные колонисты могли чувствовать себя спокойно только в городах и тех селениях, которые охранялись военными и полицией. Неустойчивость и напряженность внутренней ситуации в колонии объяснялась историей колонизации Алжира, осуществлявшейся французской армией путем жестоких репрессий в отношении кочевых племен и оседлых жителей. Коренные алжирцы либо уничтожались, либо изгонялись с земель, лишаясь имущества и, в конце концов, оказались на положении иностранцев в собственной стране. Крайняя жестокость при колонизации имела целью превратить Алжир в колонию переселенческого типа. Полностью этой цели достичь не удалось. Алжир остался колонией переходного типа, полусырьевой-полупереселенческой, что и определяло сложности его существования в колониальный период. Сложившаяся здесь система колониального управления, дискриминационная по сути, привела к разрушению традиционного уклада социальных отношений и люмпенизации основной массы коренного населения. След-

ствием этого стала вопиющая бедность алжирцев, которая и порождала преступность. Французский историк Ш.-Р. Ажерон писал, что в тех местностях Алжира, где туземцы еще имели участки земли, они могли сносно существовать благодаря земледелию и скотоводству. Именно по этой причине криминальная обстановка была более спокойной на юге Алжира, а также в смешанных коммунах. Там же, где у туземцев отобрали земли и стада, преступность была высокой ².

Российский консул в Алжире Г.Л. Томашевский сообщал в донесении 1906 г.: «Участившиеся за последние месяцы случаи убийства и ограбления алжирскими туземцами европейских уроженцев производят в колонии удручающее впечатление» ³. Особый резонанс получило убийство инспектора Дюбуа, случившееся в сентябре 1906 г. в регионе Бель-Аббес Оранской провинции, на северо-западе Алжира. Инспектор лесов Дюбуа в сопровождении бригадира Барбье выехал в окрестности Бель-Аббеса с целью проверки лесов в районе Дейи. Через три дня, когда они все еще не вернулись, начались поиски, закончившиеся трагической находкой. Оба французских чиновника были обнаружены в лесной чаще зверски убитыми. Расследование и обнаружение обстоятельств этого преступления вызвало еще большее возмущение колонистов, чем сам факт нападения. Как выяснило следствие, инициатором, вдохновителем злодеяния был туземный охранник Дюбуа — местный житель Буарфа Абделькадер, исполнителями — несколько его земляков: Абдаллах ульд Милуд, Шейх ульд Шейх, Насри Бузиан и Нур Бушета. Целью нападавших не был грабеж: они не тронули автомобиль лесников. Это было преступление из ненависти, и характер увечий, нанесенных французам, свидетельствовал об этом. «Испытывавшаяся арабами и кабилами в первые годы французского нашествия ненависть к неверным “руми” нисколько не ослабла. Это чувство напротив за последние годы усугубилось», — с горечью отметили в местной газете «La Dépêche Algérienne» ⁴.

Анализируя отзывы на это преступление местных колониальных газет, российский консул заметил: «... эти прискорбные случаи внушают выразителям местного общественного мнения вполне обоснованные пессимистические взгляды, которые относятся не к одному только положению колонии, но касаются также туземной политики правительства» ⁵. В чем же обвиняли колонисты парижские власти? «Фанатизм и недовольство туземцев, — по мнению автора заметки в «La Dépêche Algérienne», — объясняются тем разномыслием, которое постоянно проявляется между отношением, выказываемым арабскому населению со стороны метрополии и более здоровыми воззрениями, господствующими в колонии». «Здоровыми воззрениями» алжирские европейцы называли ностальгию по временам «режима сабли» — жесткого военного управления, практиковавшегося в Алжире с 1830 по 1870 г., и отмененного в пользу политики ассимиляции. Колонисты считали, что метрополия опасно заблуждалась, придерживаясь «ложного арабофильства». Алжирская пресса обвиняла Париж в непонимании истинного положения туземцев, их настроений: «Париж преисполнен искренним намерением приобщить алжирцев к умственным и культурным благам цивилизации. Устройством школ, мусульманских богословских училищ, возведением величественных мечетей, предполагая построить таковую и в Париже, открытием госпита-

лей и аптек в арабских и кабилских поселениях, проявляя, таким образом, по установленному выражению, свою “доброту”, правительство надеется снискать расположение и благодарность туземцев»⁶. Правда же, по мнению французов-колонистов, заключалась в том, что «обитая в лачугах, слепленных из глины или связанных из тростника, ничем от непогоды незащищенных, прикрытые лохмотьями, питающиеся по праздникам ячменной галетой, а в будни полевыми плодами или даже травой, арабы как бы еще не созрели для пользования умственным достоянием и культурными удобствами одного из передовых народов Европы». Консул Томашевский приводил такую статистику 1906 г., взятую из местной печати: средний ежегодный доход туземца определяется в 100 франков. Из этой суммы на уплату налогов уходит около 50 франков, остаются 50, иными словами 4 франка ежемесячно, или 0,14 поденно. «Между тем, — замечает автор «*La Dérèche Algérienne*», — устранение несчастных условий экономического быта туземцев в значительной степени зависит от государства»⁷. Отвечая на критику такого рода, власти протектората апеллировали... к истории и культуре Алжира: «все меры, принимаемые в видах нравственного или умственного подъема мусульман, или же для приучения их к элементарной гигиене, разбиваются о финансовую систему, унаследованную от турок и восходящую ко временам пророка...»⁸

Ответом властей колонии на насилие нескольких преступников стала новая волна репрессий и государственный террор в отношении всех коренных жителей страны. «*Pas de pitié!*» — «Никакой жалости!» — скандировали алжирские газеты, призывая власти Франции ужесточить туземную политику. Генеральные советы департаментов Алжира одобрили следующие меры «в видах ограждения общественной безопасности и обеспечения неприкосновенности европейских обитателей Алжирии: установление строго надзора за передвижениями глав или членов мусульманских религиозных орденов; коллективная ответственность туземных общин за преступления и проступки, совершаемые в пределах таковых; усиление наблюдения за выполнением туземцами паспортных правил при путешествиях в колонию; оставление в силе для Алжирии смертной казни, если бы эта кара была упразднена во Франции»⁹. Авторы этих «мер безопасности» особо настаивали на применении гильотины к мусульманам, так как знали, что «в виду загробных верований туземцев это является единственной острасткой, могущей в некоторых случаях удержать их от совершения преступного деяния»¹⁰.

В списке вышеперечисленных мер первое место отводилось ограничению свободы действий мусульманских религиозных орденов. И это не случайно. Ордены играли важную роль в социальной и религиозной жизни традиционного мусульманского общества в Северной Африке. В условиях, когда официальный клир, зависимый от властей и находившийся на иждивении у французского правительства, не пользовался особым доверием и влиянием на коренное население, именно братства выступали в качестве хранителей традиций, идентичности и духовности. В XIX в. в Северной Африке они оказались на переднем крае мусульманского сопротивления экспансии колониальных держав. Возросло их политическое значение. В опубликованном в 1907 г. очерке консула Томашевского указывалось, что в

Алжире действовали не менее 23 орденов, располагавших 349 завиями с числом адептов около 300 тыс. человек ¹¹. Братства принимали участие во всех движениях, направленных на низложение французского владычества. Так, братство Рахмания активно участвовало в кабийском восстании 1871 года. Глава ордена Си-Могаммед эль-Хаддад предоставил в распоряжение восставшего баш-аги Мохрани 100 тыс. бойцов — адептов ордена. Французские власти использовали все методы для обуздания активности религиозных орденов: от подкупа их лидеров до вооруженного подавления непокорных.

Эта тема — взаимоотношений властей протектората с представителями мусульманских братств Алжира — появляется в донесениях консула Томашевского в 1908 году. Российский консул сообщил о смерти значительной фигуры последнего этапа антифранцузского сопротивления Алжира в XIX в. — марабута шейха Бу-Амамы. Он происходил из племени Улед-Сиди-Шейхов, обитавшего в отдаленной местности между Алжиром и Марокко, называемой французами «Дальним Югом». Отдаленность позволяла племени в течение продолжительного времени оставаться фактически независимым. Уважаемый и известный марабут, приверженец ордена Шазелия (ветвь Таббайя) и создатель завии в Моггаре Бу-Амама получил широкую народную славу как руководитель антифранцузского восстания на юге Оранского департамента в 1881 году. Ему удалось объединить некоторые сахарские племена через последователей своего братства. К восставшим примкнули 2—3 тыс. сторонников, как конных, так и пеших. Мобильные отряды кочевников атаковали французов в открытых сражениях и вели партизанскую войну. Отряды шейха изматывали французов неожиданными атаками, быстрыми рейдами, были неуловимы и маневренны. Они не только наносили урон живой силе противника, но и захватывали французские обозы со снаряжением, мешали строительству армейских коммуникаций, железных дорог, подрывали линии телеграфной связи. Немалую роль в том, что отрядам Бу-Амамы удавалось в течение длительного времени продолжать сопротивление, играла негласная поддержка марокканских властей. В 1882 г., после того, как французам благодаря колоссальному превосходству в военной силе и вооружениях удалось подавить восстание, он бежал в Марокко. Современные историки оценивают восстание 1881 г. как второе по значению в истории порабощенного Алжира после войны, которую вел знаменитый эмир Абд аль-Кадир.

Известность Бу-Амамы преодолела не только алжиро-марокканскую границу, но и Средиземное море: современник происходивших событий — французский писатель Ги де Мопассан — посвятил ему один из очерков в сборнике «Под солнцем» 1884 года. При том, что портрет Бу-Амамы, написанный Мопассаном, является легковесным, поверхностным и романтически неправдоподобным, писатель оправдывает «предводителя шайки разбойников», осуждая методы французской политики: «При нашей системе колонизации, которая состоит в том, чтобы разорять арабов, неустанно обирать их, безжалостно преследовать и доводить до крайней степени нищеты, нам придется увидеть еще не одно восстание» ¹².

Сообщая о смерти Бу-Амамы 9 октября 1908 г., алжирско-французская газета «La Dépêche Algérienne» признавала: «У Бу-Амамы был

очень большой авторитет среди мусульманского населения, авторитет, который он завоевал 20-ю годами борьбы против Франции...»¹³ Консул Томашевский упоминал в донесениях подробности последних лет его жизни: шейх Бу-Амама с многочисленными сторонниками — так называемыми «упорствующими», то есть не покорившимися французам — по франко-алжирской терминологии того времени «les dissidents» — членами племен Улед-Сиди-Шейхов и Шамбаа примкнул к сторонникам марокканского претендента на престол и лидера антиправительственного восстания Бу-Хамары. Он жил в окрестностях Аюн Сиди Меллука, в 54 км от г. Ужды. Консул полагал, что смерть Бу-Амамы могла вызвать ослабление сил сторонников восставшего Бу-Хамары, в особенности же «если не сдерживаемые более авторитетом скончавшегося, алжирские “упорствующие” выскажут склонность вернуться восвояси, то есть подчиниться французским властям»¹⁴.

Томашевский сообщал о беспокойстве, высказываемом представителями французских властей, что борьбу отца может продолжить сын Бу-Амамы Си Тайеб. Хотя последний и не обладал авторитетом отца, но администрация колонии все же приняла превентивные меры. В Аюн Сиди Меллуку, местечко, в котором последние годы жил и скончался марабут, алжирским генерал-губернатором был направлен военный контингент для «занятия касбы». «В отношении политическом оккупация Аюн Сиди Меллуки позволит французам оказывать желательное для них воздействие на сына и духовного приемника Бу-Амамы» — сообщал консул¹⁵.

По мере приближения первой мировой войны возрастала и напряженность в Алжирской колонии. Обстановка накалялась под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. В преддверии мировой войны усилилось соперничество европейских держав, в том числе, в вопросе перераспределения колоний и захвата новых. В Северной Африке основным соперником Франции выступала Германия. Кайзеровская империя, не имевшая колоний среди исламских стран, рассчитывала на преимущество в конкурентной борьбе за симпатии мусульман и поощряла антифранцузские, антиколониальные настроения коренного населения Магриба, надеясь на переход французских колоний в свою сферу влияния. Формальное участие арабских стран Магриба в войне на стороне военно-политического блока Антанты еще не определяло их подлинных симпатий. Начало войны повлекло рост панисламистских настроений в арабском мире, многие арабы связывали надежды на освобождение от колониального ига с победой германо-турецкого блока. Впервые арабам Северной Африки пришлось сражаться против своего бывшего сюзерена — Османской империи — с которой их связывали прочные узы религии, истории и культуры.

Первая мировая война стала новым тяжелым испытанием для алжирцев в плане людских потерь, экономического истощения и социальных трансформаций. Алжир, втянутый в мировое противостояние помимо своей воли, использовался воюющей метрополией — Францией — как источник материальных и людских ресурсов. В колонии мобилизация началась с первых дней войны: во французскую армию были призваны 155 тыс. европейцев Алжира и 173 тыс. алжирских мусульман. Кроме того 119 тыс. алжирцев (часть из них принудительно) были направлены на работы во Францию¹⁶. Очевидно,

предполагалось мобилизовать в армию и на «трудовой фронт» гораздо больше алжирцев, так как примерно 120 тыс. чел., уклонившись от мобилизации, бежали в горы. Алжирских рабочих во Франции, как правило, нанимали на один год на государственные предприятия по производству боеприпасов (литейные, авиационные заводы, арсеналы, слесарные мастерские, химические заводы). Как с гордостью отмечала алжирско-французская газета «Annales Africaines» в заметке «Благонадежность туземцев» от 15 октября 1916 г. «Северная Африка не просто платит “налог кровью”, но и вносит весомый вклад в Государственный заем»¹⁷.

Экономические последствия войны — обнищание населения, инфляция, рост налогов, вывоз продовольствия, нехватка рабочей силы в сочетании с насильственной мобилизацией — приводят к волне протестов особенно сильных в сельской местности. В 1914 г. восстали племена горного района Бени-Шугран на западе страны, сопротивлявшиеся мобилизации во французскую армию. Еще более серьезным было восстание берберов Шавийа в труднодоступной области Аурес (на востоке Алжира) в 1916 году.

Подробности о беспорядках, произошедших в связи с рекрутским набором в селениях Айн-Тута и Мак-Магон в департаменте Константины в конце ноября 1916 г., содержатся в донесениях российского консула в Алжире А.К. Васильева-Василькова. Так как французские власти колонии препятствовали распространению информации об антиправительственных выступлениях туземного населения, такие события всегда сопровождалась слухами и домыслами. Так было и в этот раз: консул сообщал, что французское население колонии «начало говорить о целом восстании будто бы с трудом подавленном войсками, ввиду наличия у туземцев ружей и трех митральез, полученных от германцев»¹⁸. Позднее власти колонии назвали произошедшие в Мак-Магоне события мятежом.

Мак-Магон был административным центром смешанной коммуны Айн-Туты и располагался в 34 км от г. Батны, 90 км от г. Бискры и 154 км от г. Константины — столицы департамента. Население его составляло 400 жителей, среди которых 130 французов по происхождению, 16 евреев, 6 иностранцев и 248 туземцев, в том числе и члены секты мозабитов. 11 ноября в Мак-Магоне работала призывная комиссия для туземцев, которой руководил супрефект Батны Кассинелли. Туземцы группами представляли перед комиссией. Не явились только представители дуара (наименьшая административная единица во французском Алжире) Улед-Ауф. К ним послали помощника администратора Карли. Члены совета (джемаа) мусульманской общины ответили, что не желают, чтобы на них оказывалось давление. Кассинелли пришлось остаться на ночь в бордже (укрепленной части селения) Мак-Магона.

В ночь на 12 ноября туземцы из трех местных дуаров — Эль-Брикет, Тилату, Улед-Ауф — общим числом около 1500 чел. выступили в направлении Мак-Магона, большая часть из них была на лошадях, женщины шли следом. Мятежники стали лагерем на берегу реки рядом с поселком. Той же ночью они окружили бордж Мак-Магона, затем проникли внутрь. Проснувшиеся от шума, представители французских властей, выйдя из домов, обнаружили себя в центре разъяренной толпы. Супрефект Кассинелли и несколько других чиновников были убиты. Убийцы кричали: «Руми, грязный руми!»

Затем мятежники приступили к достижению цели своего похода: они подожгли бордж с четырех сторон. Их главной заботой было уничтожить реестры смешанной коммуны, особенно архивы гражданского состояния. Туземцы надеялись таким образом устранить всякую возможность привлечения их к воинской повинности. Таким образом, мятеж в Мак-Магоне похож, скорее, на спланированный акт сопротивления, чем на стихийное возмущение.

Покидая Мак-Магон, мятежники предусмотрительно перерезали линии телеграфной связи, а также разграбили магазины, за исключением тех, которые принадлежали арабам. По пути их отряд разгромил несколько окрестных вокзалов — в Мак-Магоне и Тамаринсе — уничтожив все документы в сейфах и архивы. Начальнику вокзала Мак-Магона и его семье удалось сбежать и спрятаться, меньше повезло помощнику охранника линии в Тамаринсе бригадире Терреззано, попытавшемуся оказать сопротивление. Он был убит¹⁹.

Реакция французской администрации оказалась, как всегда в подобных случаях, жесткой: в Мак-Магон из г. Батны направили войска, началась охота за членами дауров Эль-Брикет, Тилату и Улед-Ауф. Меры безопасности были усилены во всем департаменте. Местная французская пресса требовала от властей проявить жесткость и наказать «преступников, как они того заслуживают»²⁰. Российский консул сообщал, что расправиться с мятежниками было не так-то просто: «по слухам число пострадавших при подавлении восстания в Айн-Туте весьма значительно и в город Константину был на этих днях командирован на долгий срок (до трех месяцев) военный врач, профессор Алжирского университета, доктор Фюстер — хирург»²¹.

Через месяц после начала мятежа в Мак-Магоне последовала и реакция метрополии: Париж принял решение о расширении полномочий Алжирского генерал-губернатора «в связи с все усиливающимися волнениями, связанными с набором туземцев в армию»²². Также французы провели работу по анализу причин мятежа, в алжиро-французской прессе появилось несколько публикаций, указывавших на «злоупотребления при рекрутском наборе, озлобляющие туземцев»²³. Так, в статье Ф. Аже «Туземная рабочая сила» в газете «L'Écho d'Alger» говорилось, что «одна из главных причин волнений среди туземцев — это недовольство бедных слоев разрешением, которым пользуются богатые арабские рода посылать вместо себя другое лицо для отбытия воинской повинности»²⁴. Эта тема была развита в публикации «Рекрутский набор туземцев» в другой алжирской газете «Annales Africaines» от 1 января 1917 года. Автор также являлся противником данной привилегии: «право замещения, создающее настоящую привилегию для состоятельных семей, нужно рассматривать как просчет действующего военного законодательства. Его применение в настоящее время становится все более опасным, оно порождает опасные спекуляции. Замещение покупается и продается на вес, словно барышником на рынке. Открыто рассказывают, что в нашем департаменте за это нужно заплатить от 35 до 80 франков за килограмм веса... Поэтому полки пехотинцев составляют в основном дети феллахов и бедняков. Правительству следовало бы решительно упразднить право замещения, приносящее пользу только богатым туземцам»²⁵. Было ли ликвидировано администрацией колонии это ло-

кальное злоупотребление или нет, это не могло повлиять на общее настроение арабского населения Алжира: оно не хотело участвовать в чуждой ему со всех точек зрения войне.

К 1918 г. более трети мужского коренного населения Алжира от 20 до 40 лет либо воевало, либо работало для фронта. Массовое изгнание молодых алжирцев имело не только плачевные демографические результаты, но и значительные экономические, социальные и психологические последствия для развития страны. Несомненно, Алжир вышел из первой мировой войны другой страной: экономические и социальные тяготы потрясли основы французской колониальной системы в Северной Африке. Война возродила социальную агитацию и разбудила общественную активность. Алжирцы, несмотря ни на что, остававшиеся верными метрополии все эти годы, уплатили тяжелый «налог кровью» и по праву рассчитывали добиться удовлетворения таких требований, как предоставление гражданских и политических прав, свобод и равных возможностей. Но после войны последовало лишь новое разочарование, противоречия колониального строя продолжали обостряться, способствуя росту антиколониальных настроений, зарождению национального самосознания и национально-освободительного движения в странах Северной Африки.

Примечания

1. ЛАНДА Р.Г. Борьба алжирского народа против европейской колонизации. М. 1976, с. 247.
2. AGERON CH.-R. Les Algeriens Musulmans et la France. Paris. 1968, p. 561.
3. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. 187, Российское посольство в Париже, оп. 524, т. 1, д. 2667, 1906, л. 114.
4. Там же.
5. Там же, л. 115.
6. Там же, л. 116.
7. Там же.
8. Там же, л. 117.
9. Там же, л. 118.
10. Там же.
11. ТОМАШЕВСКИЙ Г. Мусульманские братства в Алжирии. Сб. консульских донесений. СПб. 1907, г. 10, в. 2, с. 147.
12. МОПАСАН Г. де. Бу-Амама. Под солнцем. Полное собрание сочинений в 12 т. Т. IV. М. 1958, с. 56.
13. АВП РИ, ф. 187, Российское посольство в Париже, оп. 524, т. 1, д. 2782, 1907, л. 275.
14. Там же, л. 276.
15. Там же, л. 277.
16. ЛАНДА Р.Г. Мусульманский мир и Первая мировая война. — Восток (Oriens). 2004, № 1, с. 63.
17. АВП РИ, ф. 187, Российское посольство в Париже, оп. 524, т. 1, д. 3299, 1916, л. 290.
18. Там же, л. 361.
19. Там же, л. 362—363.
20. Там же.
21. Там же, л. 380.
22. Там же, л. 390.
23. Там же, л. 438.
24. Там же.
25. Там же, л. 469.

Народничество на рубеже 70—80-х гг. XIX в. и проблема перехода к политической борьбе

А.С. Бережанский

Аннотация. Политическая борьба — это борьба не за уничтожение государства вообще, а за смену или завоевание власти. Между тем, идеалом российского крестьянства в 70-х—80-х гг. XIX в. было свободное развитие как отдельных сельских общин, ремесленных и рабочих артелей, так и право на их объединение в различные свободные федерации. Эти идеалы народники истолковывали как особенности русского или даже восточнославянского социализма. Поэтому первоначально в их представлении борьба за эти идеалы носила неполитический характер. Но им противостояло, как отмечал Г.В. Плеханов, не абстрактное «государство», а реальное русское полицейское государство. Поэтому их борьба вопреки собственной теории постепенно стала политической. Как конкретно это происходило и какие трудности им предстояло преодолеть — об этом говорится в данной публикации. Автор стремился наиболее полно представить точку зрения Плеханова на указанную в заголовке проблему.

Ключевые слова: анархизм, аполитик, антигосударственник, бакунист, бунтарь, политика и социализм, политическая и классовая борьба.

Abstract. Political struggle is not struggle for abolishment of the state but only for change or conquest of political power. However the ideal of Russian peasantry in 70s—80s of the XIX century was free non-state development of agricultural communities, as well as artisan and workmen cooperatives and their right for unification into free federations. These ideals were perceived by narodniks (Russian populists) as the features of Russian or even Eastern Slave socialism. That is why their struggle for these ideals bore at first non-political character. However their withstander, as noted by Plekhanov was not an abstract “state” but concrete and real Russian police state. This resulted in graduate perception of their struggle with the state as political struggle. This work is devoted to description of this process and of the difficulties to be overcome. The author’s goal was to present Plekhanov’s point of view to the problem shown in the title in the most complete way.

Key words: Anarchism, apolitical an, anti-state, bakunist, rebel, politics and socialism, political and class struggle.

Эволюция народничества в конце 70-х — начале 80-х гг. XIX в. шла от отрицания политики в ее полном объеме, включая государство, к

Бережанский Александр Самуилович — историк, член Правления Фонда развития социально-демократических и социалистических идей им. Г.В. Плеханова. Израиль. E-mail: olgabereg@gmail.com.

Berezhansky Alexander S. — historian, member of the Management Committee of Fond for the development of social-democratic and socialist ideas named “G.V. Plekhanov”. E-mail: olgabereg@gmail.com.

постепенному признанию значения политических (гражданских) свобод при одновременном безразличном или даже отрицательном отношении к политическим учреждениям и самому государству. И только позже пришло признание необходимости существования государства и политических учреждений по крайней мере в течение некоторого времени. Кратко эту эволюцию можно выразить так: от анархии — к стихийной, неосознанной и ограниченной «политике» и от нее — к государственности и вместе с тем к осознанной политической борьбе. В полной мере отойти от анархизма можно было только решив по-новому проблему государства, без чего так называемая «политика», включая политические убийства, укладывалась в рамки анархизма и понималась как расширение и углубление бунтарской деятельности.

С вопросом об отношении к государству члены «Земли и воли» вплотную столкнулись тогда, когда террористическая борьба привела их к покушению на жизнь царя ¹. Вот почему для них цареубийство было не простым террористическим актом, стоявшим в ряду других им подобных, а событием особенным, и неудивительно, что разногласия среди землевольцев вплоть до их окончательного разделения в конце лета 1879 г. вращались вокруг этого вопроса. «Характеризуя в немногих словах сущность споров, — писал Л.Г. Дейч, — следует сказать, что они сводились к вопросу, — надо ли продолжать “облаву на Сашку”, как промеж себя мы величали Александра II» ². Как видим, здесь ни слова не говорится о политической борьбе.

С другой стороны, известны слова С.Г. Ширяева, произнесенные им на суде, о том, «что распадение народнической партии на две фракции вышло вовсе не из-за террора и цареубийства, но обуславливалось разницею во взглядах на политическую деятельность» ³. Эти слова обычно истолковываются как указание, что суть разногласий коренится в вопросе: принимать ли участие в политической деятельности вообще или нет? Тех, кто положительно решал этот вопрос, называли «политиками», противников политической борьбы — «деревенщиками» или по-старому «народниками». Так, например, В.А. Твардовская считает, «что сущность разногласий “политиков” и “деревенщиков” заключалась не в вопросе о цареубийстве, а в программных расхождениях, в различном отношении к вопросу о политической борьбе с правительством» ⁴.

Однако при решении этого вопроса следует также учесть точку зрения Н.С. Тютчева, который, по словам Е. Колосова, считал, что «народники землевольческой эпохи были антигосударственниками, но далеко не являлись “аполитиками”» ⁵. Этим он хотел сказать, что в целом «Земля и воля», в отличие от предшествовавшего периода, вполне определенно признавала значение политических свобод. То же отмечал и Дейч, писавший, что «совершенно ошибочен взгляд», будто лишь под влиянием народовольцев чернопередельцы также «перестали отрицательно относиться к конституционной форме правления. К концу 1870-х гг., если не все, то, во всяком случае, большинство народников отказалось от взгляда, распространенного Бакуниным, что политическая свобода безразлична, если не вредна, для дела полного освобождения трудящихся масс» ⁶.

Вышесказанное позволяет расширить смысл слов Ширяева и увидеть разногласия не в политике вообще, а в вопросе, что понимать

под политической деятельностью и какую «политическую» деятельность считать совместимой с программой «Земли и воли».

На первый взгляд кажется, что говорить о совместимости какой бы то ни было политической деятельности с программой этой организации парадоксально. Однако при внимательном рассмотрении проблемы выясняется следующее:

1). Организация «Земля и воля» устраивала демонстрации, шествия, собрания и т.п., носившие, по существу, частично или даже целиком политический характер ⁷.

2). Землевольцы принимали участие или сами организовывали стачки рабочих, исходя из задачи не ограничивать их одной экономической борьбой. Дело в том, что отстаивание самих по себе экономических требований рабочих не входило в их программу. Однако вопреки своим планам землевольцы включались в экономическую борьбу рабочих для налаживания революционных связей в народе. И здесь необходимо отметить одну существенную особенность, отличавшую их впоследствии от народовольцев. Если народовольцы стремились выступлениями рабочих поддержать политическую борьбу, которую они вели против самодержавного правительства, то землевольцы пытались придать экономической борьбе, если можно так выразиться, «политический» характер, то есть отучить рабочих заниматься политикой. Этим объясняются попытки землевольцев не ограничивать борьбу экономическими стачками, а доводить ее до открытых выступлений против предпринимателей и властей. Став марксистом, Г.В. Плеханов писал, что в практической деятельности «социал-демократ вовсе не так далек от народника», что «в этом отношении у народника гораздо больше общего с социал-демократом, чем, например, с “народовольцем”» ⁸. В этом землевольцы несомненно были ближе к осознанию классового характера рабочего движения, чем позже народовольцы ⁹.

3). Они активно участвовали в так называемой «дезорганизаторской» деятельности, основу которой составлял индивидуальный террор. Как отмечала Твардовская, террор с самого начала больше походил на политический, чем на «дезорганизаторский» ¹⁰.

4). Политической деятельностью следует считать нелегальную издательскую деятельность «Земли и воли» — выпуск листовок, газет, журналов, воззваний ¹¹.

5). Наконец, политической деятельностью явилось участие землевольцев в политических процессах. И хотя Н.А. Троицкий, характеризующий такое участие, «как своеобразную революционную акцию подсудимых» ¹², склонен был видеть ее, прежде всего, у народовольцев, однако политическое значение процесса не всегда зависело от того, кого судили: «политика» или анархиста.

Таким образом, фактически политическая деятельность землевольцев была достаточно разносторонней и несмотря на это в их представлении она не противоречила землевольческой анархической программе.

Объяснение этому следует искать в том, что пока еще никакой вид деятельности не ставил перед ними проблему отношения к государству практически. Конечно, и при агитации и пропаганде, и при организации стачек и выступлений они сталкивались с сопротивле-

нием государства. Но, в соответствии со своей социально-экономической доктриной, полагали, что ведут не политическую, а только антигосударственную борьбу, то есть остаются анархистами. Социальное освобождение крестьян представлялось им как акт, совершенный без помощи государства, в котором крестьяне и вообще народные массы сами освобождают себя, выделяясь в самоуправляющиеся общины и артели. Как отмечал В.И. Ленин, «проповедовался сразу социалистический переворот, исходящий из крестьянской общины»¹³.

Что касается капиталистических элементов в деревне и в городе, то считалось, что они существуют благодаря поддержке государства и с его уничтожением будут обречены на изоляцию и гибель. Таким образом, согласно первоначальным взглядам землевольцев, уничтожение капиталистических форм также не потребует политических усилий.

Однако позже, особенно с 1878 г., эти взгляды стали претерпевать некоторые изменения, сущность которых заключалась в невозможности и дальше игнорировать государство как политическую силу в борьбе с нарождавшимся капитализмом. Уже газета «Начало», выступая против конституционалистов-либералов, в то же время признала политический переворот желательным и для социалистов. Несмотря на известную противоречивость, этот взгляд совмещался с бакунизмом, и многие землевольцы готовы были если не одобрить, то смириться с ним.

Разгадка в том, что если до этого социалисты отрицательно относились к какой бы то ни было попытке политического переворота как ведущей к торжеству буржуазного строя, то теперь они стали оценивать его положительно с точки зрения борьбы с новым представительным государством, которое, по их мнению, будет значительно слабее первого и борьба с которым будет проще, чем с первым. Например, А. Тун так излагал их взгляды: «... в России буржуазия еще недостаточно сильна, довольно невежественна и лишена ясного сознания своих классовых интересов; поэтому здесь при парламентском режиме легче будет покончить с нею, чем в Западной Европе»¹⁴. Притом под борьбой с новым правительством понималась не политическая борьба, какой она представлялась в капиталистическом обществе, а старая народническая тактика. Газета «Начало» писала о том, что политический переворот «поставит народ в открыто враждебные отношения к новому “барскому” правительству. Старый предрассудок, в виде надежды на общий передел при посредстве правительства, исчезнет бесповоротно. Народ, потеряв из виду призрачную царскую помощь, станет лицом к лицу со своими эксплуататорами и поймет, где его настоящие враги и друзья»¹⁵.

Отсюда вытекает принцип, которого придерживались позже «деревенщики» в своей полемике с «политиками», — принцип, не чуждый всему позднему землевольчеству: для социалиста точкой приложения сил должны быть, прежде всего, народные массы, и хотя социалист не отрицает «политики» принципиально, он считает, что ею, то есть политикой, должна заниматься буржуазия.

Таким образом, либералы-конституционалисты добивались политических прав, социалисты даже были готовы оказать им услугу в этом своей дезорганизаторской деятельностью (теперь ее можно было считать политической), поскольку она не превращалась во всеохват-

тывавшую систему политической борьбы. Сами же социалисты, используя слабость нового государства, стремились к экономическому перевороту в интересах народа. Причем, политическое освобождение должно было быть достигнуто не борьбой либералов, к которой народ останется по-прежнему глух и результатом которой станут буржуазные свободы для имущих, а явится опять-таки результатом экономического освобождения.

Перед нами бакунизм, обновленный политической аргументацией, так как «политика» признается, во-первых, в качестве подсобного средства и, во-вторых, только лишь в борьбе с самодержавным правительством. Социалистического идеала мыслилось достичь по-прежнему неполитическими средствами.

Отсюда вывод: у анархистов политической деятельностью считалась только та, которая связана с определенным отношением к государству. Если действия направлены на овладение государством и его аппаратом или на слом старого аппарата и создание нового, то такие действия являются политическими. Сюда также следует отнести участие в представительных органах (парламентах, учредительных собраниях и т.п.). В иных действиях, если они не ставят подобных целей, анархисты не видели политической борьбы, даже если они по существу являлись политическими. Эта черта роднит всех анархистов: от чистых пропагандистов-аполитиков начала 1870-х гг. до политиков-антигосударственников землевольческого толка.

Как отмечал Плеханов, землевольцам не давало возможности понять, что они ведут политическую борьбу, с одной стороны, то обстоятельство, что деятельность их проходила в самодержавном, а не в «правовом» государстве. «Социально-политический склад русской жизни, — писал он, — казалось, в особенности оправдывал обязательное для всех анархистов отрицание “политики”. Прежде, чем выступать на поприще политической агитации, русский “обыватель” должен превратиться в гражданина, т.е. завоевать себе хоть какие-нибудь политические права, а прежде всего, разумеется, право думать, что хочет, и говорить, что думает»¹⁶. Указанное обстоятельство не меняет того обстоятельства, что по своему реальному, объективному смыслу, как отмечал Ленин, их деятельность носила политический характер, так как на практике была направлена на уничтожение самодержавного государства¹⁷. «Будучи верны заветам Бакунина, — писал также Плеханов, — они (бунтари. — А.Б.) хотели бороться с “государством”. Но в России им приходилось бороться не с понятием государства, а с конкретным русским полицейским государством. Поэтому их агитация, вопреки Бакунину, считавшему всякую “политику” изменой революции, неминуемо приобретала определенный политический характер. Логика общественной жизни вынуждала русских революционеров сделать то, что им, с точки зрения их теории, представлялось изменой»¹⁸.

С другой стороны, Плеханов подчеркивал, что главный вопрос, лежавший в основе почти всех проявлений народного недовольства, — аграрный вопрос — «не вызывал политического недовольства. Крестьяне со спокойною уверенностью ожидали решения этого вопроса сверху: они “бунтовались” не во имя земельного передела, а против притеснения администрации, против непомерных тягостей податной

системы, против азиатского способа взыскания недоимок и т.д. и т.п.»¹⁹. Еще раньше на это обратил внимание Н.И. Кибальчич²⁰. А Ленин позже объяснял это так: «Прикрепление к своему отдельному маленькому хозяйству отнимало у него (крестьянина, мелкого товаро-производителя. — А.Б.) возможность понять истинный характер государства, — и он обращался к нему с просьбой о поддержке и развитии мелкого (“народного”) производства»²¹.

Кроме того, проблема перехода к политической борьбе упиралась в одно не совсем верное представление, распространенное, по крайней мере, среди части революционного лагеря. Предполагалось, что вплоть до перехода к террору, народники пользовались исключительно мирными средствами борьбы (пропаганда и агитация), а с переходом к террору — открыто насильственными. Выходило, что политическая борьба — деятельность насильственная, а деятельность мирная, ненасильственная — не политическая. В этой связи напомним о возражениях Плеханова на описание Н.А. Морозовым споров, произошедших на Воронежском съезде: «Если Морозов думал, что наши разногласия выражаются антитезой: или террор или убеждение, то он просто-напросто ничего не понимал в тактике общества “Земля и воля”. Это общество было обществом бунтарей, стремившихся вызвать путем агитации массовое движение в народе. Стало быть, спор между нами мог быть выражен формулой: или агитация в массе или террор. Но об этом до сих пор забывают те, которым хочется изобразить тогдашних “народников” в виде “культуртрегеров”»²².

Таким образом, уяснить, что они ведут политическую борьбу, землевольцам мешала социально-экономическая отсталость России и обусловленная этим общая система их взглядов, а также вся обстановка самодержавно-полицейского государства, в которой проходила их деятельность, а в некоторой степени — неправильное представление о формах деятельности организации, что, в свою очередь, также являлось следствием отсталости социально-экономических отношений страны.

Практически к проблеме отношения к самодержавному государству землевольцев привела «дезорганизаторская» деятельность, дошедшая до покушений на цареубийство. При постановке этого вопроса они волей-неволей должны были его решить. Однако от постановки вопроса до его решения также прошло определенное время, и только с появлением теории «заговора» и «захвата власти» нашло выражение их отношение к государству.

Разгар споров внутри «Земли и воли» пришелся на то время, когда в целом еще не определилось отношение «политиков» к государству, когда они еще не стали государственниками. Не случайно поэтому, что спор между двумя фракциями «Земли и воли» принял характер не принципиальных расхождений по программным вопросам теории, а тактических разногласий по вопросу о цареубийстве. Если бы проблема лежала в чисто теоретической плоскости: переходить ли к политической борьбе или и дальше воздерживаться от нее, то в тех условиях это означало бы дилемму: превращаться ли в передовой отряд либералов-конституционалистов или вести борьбу за народное дело, то есть остаться верными народническому социализму. Естественно, что никто сознательно не занял бы первой позиции.

Следовательно, данная альтернатива заставила бы по-новому посмотреть на соотношение экономических и социальных предпосылок их теории с политической борьбой. А такой пересмотр не вызвал бы раскола. Только тактические разногласия, независимо от того, что за ними скрывалось, могли привести и действительно привели к расколу организации на две части. Это позволяет считать, что эволюция землевольчества пошла бы дальше к политике и без раскола, не прими он столь резкого и однобокого характера ²³.

В этом случае «политики» (будущие народовольцы) не смогли бы стать зачинателями политической борьбы (на практике они даже не были единственными зачинателями терроризма, например, В.И. Засулич и С.М. Кравчинский не были «политиками»), а «деревенщики» не заслужили бы упрека в том, что стали их консервативными оппонентами.

Решение будущих народовольцев направить террор против царя ускорило их превращение в политических деятелей, а позиция будущих чернопередельцев задержала их политическое развитие. Конечно, возникнув, «Народная воля» оказала влияние на «Черный передел», как и на революционное движение России в целом в деле окончательного разрыва с анархизмом. Однако было бы ошибкой приписывать заслугу в этом только народовольчеству. В свое время Дейч возражал В. Богучарскому, что нельзя представлять, будто предшественники народовольчества «мечтали только о восстановлении “казацких кругов” и “анархии” и ничего другого, кроме приготовления столь ужасных порядков, не предпринимали» ²⁴.

Дело в том, что существовал другой путь перехода к политической борьбе, а именно тот, которым шло рабочее движение: через осознание рабочими своих классовых интересов, через социалистическую пропаганду и организацию, через классовую борьбу ²⁵. А так как многие чернопередельцы (Плеханов, М.Р. Попов, П.Б. Аксельрод и др.) были связаны с рабочими, для них не исключалась возможность признания политической борьбы вместе с рабочим движением. Относительно Плеханова уже высказывалось мнение, что, не возникни весной 1879 г. вопрос о царубийстве, признание с его стороны права за рабочим классом политической борьбой пошло бы быстрее, поскольку раскол его только задержал ²⁶. Зато в конце концов он сосредоточил внимание Плеханова на слабых местах бакунизма и землевольчества, помог вскрыть их внутреннюю противоречивость и перейти в дальнейшем на позиции научного социализма ²⁷.

«Дезорганизаторская» деятельность, которая по-новому поставила перед землевольцами проблему государства, вначале включала борьбу с наиболее ненавистными и вредными, с точки зрения революционеров, лицами из правительственного лагеря, а также ликвидацию шпионов и провокаторов. Основным средством борьбы являлся индивидуальный террор. Террористическая деятельность была уделом членов дезорганизаторской группы «Земли и воли». Бывали, однако, случаи, когда ею занимались землевольцы, не входившие в нее, и даже лица, формально не принадлежавшие к организации, а только сочувствовавшие ей. Но во всех случаях «Земля и воля» официально признавала и брала на себя ответственность за совершенные покушения, а также всегда объясняла мотивы как своих, так и не своих

приговоров перед публикой. На такие акты террора не смотрели как на политическую борьбу: они были текущим делом части организации. Вопрос об убийстве того или иного лица не обсуждался всей организацией, поскольку не был вопросом принципиальным. Так было с покушениями С. Кравчинского на Мезенцова, Л. Мирского на Дрентельна, с убийством шпионов и т.д.

Совсем по-иному должно было обстоять дело с первой же попыткой покушения на царя. Обычно покушения на перечисленных выше лиц, а также на некоторых других предпринимались в связи с их конкретными преступлениями перед революционным движением. При покушении на монарха речь должна была идти уже не о конкретном носителе преступления, а в целом о системе, которую он олицетворял.

Но, видимо, не все выдающиеся землевольцы это понимали. Например, Морозов в статье «Признаки времени» («Земля и воля», № 2), подчеркивая различия между политическими покушениями на Западе и в России, писал, что там они направлены на принцип монархизма в целом, сводятся к изменению политической системы, в России же — на отдельные личности, стоящие выше суда и законов²⁸. Следовательно, для него покушение на царя являлось продолжением борьбы против отдельных лиц. Правда, когда покушение на царя было уже совершено, он, видимо, начал понимать, что дело шло не о личностях. В статье «Отголоски 2 апреля» («Земля и воля», № 5) он писал: «Покушение 2 апреля не только знаменательный факт протеста, — оно начинает принимать характер исторического события, последствия которого трудно даже предвидеть. Покушение 2 апреля — событие страшное, мрачное знамение времени. Это грозное *temento togі*, предъявляемое нарождающимся будущим отживающему порядку вещей»²⁹.

Взгляды Морозова в той или иной степени, видимо, разделяли все участники Липецкого съезда. По крайней мере по форме приговор Александру II, если верить Морозову, выглядел по-старому. Михайлов выставил против него целый ряд конкретных обвинений, на каждое из которых участники съезда должны были ответить: виновен ли царь в них или нет? Как известно, по всем пунктам предъявленного обвинения он был признан виновным³⁰. Получалось, что землевольцы опять бросали вызов не системе в целом, а конкретной личности³¹.

Те же самые, если не более полные, обвинения выдвигались против Александра II в № 3 «Народной воли», где сообщалось о покушении на царя 19 ноября 1879 года. Это говорит о том, что и позже народовольцы не вполне ясно представляли различие между борьбой против политической системы и ее отдельными представителями. Когда в «Политических письмах социалиста» Н.К. Михайловский, упрекая народовольцев в узости их представлений о политической борьбе, восклицал: «Нет, не Гейкинг и Кропоткин должны быть убиты, а идея самодержавия!», редакция «Народной воли» сделала от себя примечание: «Мы не вполне понимаем взгляд автора на политические убийства. Во всяком случае не берем ответственности за его мнение»³².

Действительно, задача убийства «идеи самодержавия» была намного сложнее, чем подготовка и осуществление убийства царя. Помимо противоречия со старой программой, новые цели выдвигали

более грандиозные задачи, и это понимали противники новой тактики — Плеханов, Попов и некоторые другие, считавшие средства достижения этих задач недостаточными. Например, Попов, участник дезорганизаторской группы «Земли и воли» (то есть тоже террорист), выступал на Воронежском съезде против политической борьбы. Таким образом, можно было смотреть на террор, пока он не повернулся против царя, как на неполитическую форму борьбы, быть не против террора, но против политики, что соответствовало программе «Земли и воли»³³.

Точно так же принципиально против любого террора не выступал и Плеханов. Достаточно напомнить, что он состоял в одной рабочей группе с членами дезорганизаторской группы Тютчевым, А.К. Пресняковым, Поповым, восторженно встретил выстрел Засулич в Ф.Ф. Трепова, был сторонником вооруженного сопротивления при арестах и сам неоднократно готовился его оказать. Следовательно, когда Плеханов выступил против покушения на царя, он был не против террора как такового, а против его превращения в средство политической борьбы, ибо представлял политическую борьбу или, как он выражался, революционное действие, не так узко, как «политики»³⁴. А так как, с точки зрения последовательного землевольца, каким был Плеханов, террористические акты не могли изменить политическую систему, он вообще выступал против «политики». Причем, речь уже шла не о поддержке террора в завоевании политических свобод, не о поддержке борьбы за конституцию, то есть не о «политике» как подсобном средстве, а о всеохватывающей системе политической борьбы, которую должны вести сами социалисты.

Встречаются утверждения, что Плеханов отождествлял политическую борьбу землевольцев-политиков, а потом народовольцев только с терроризмом и в своих спорах с «политиками» был слишком односторонним, критикуя их за террор, не учитывая организаторскую, пропагандистскую и другие формы деятельности³⁵.

Если подходить к сравнению практической деятельности землевольцев с тем, что позже практиковали народовольцы, то нужно, прежде всего, отметить, что изменялось соотношение, а также общий объем, но не сами формы деятельности³⁶. В настоящее время существует мнение, что в период расцвета «Народной воли» такие области работы, как организаторская, агитационная, пропагандистская у нее были шире, чем у «Земли и воли», по крайней мере, среди студенчества, общества, армии, рабочих. Касательно рабочих — это утверждение весьма сомнительно³⁷. Но можно согласиться относительно остальных. Однако надо иметь в виду, что, если бы «Земля и воля» не раскололась, указанные формы деятельности (особенно среди народных масс) были бы значительно шире. Таким образом, если даже признать, что сфера деятельности «Народной воли» расширилась, то и тогда нельзя не согласиться с тем, что террор оставался основной деятельностью, поглощавшей основные силы партии. М.Ф. Фроленко, например, подчеркивал, что исполнение намерения убить царя требовало «громких усилий, денег, целой организации»³⁸, то есть фактически соединения усилий различных форм деятельности³⁹. Следовательно, это сужало политическую борьбу. Напротив, новый политический этап революционного движения требовал расширения политической борьбы и придания всем ее видам политического характера.

Выходит, что Плеханов был прав, когда связывал изменения в революционном движении с терроризмом. Движения «Народная воля» стало политическим благодаря терроризму, доведенному до царубийства. Направляя против царя главный удар, Плеханов целился в самое слабое, с точки зрения теории, место народовольцев, обнажая непоследовательность их программы в целом.

Вместе с тем, надо подчеркнуть, что с самого начала разногласий между «политиками» и «деревенщиками» позиция, занятая Плехановым и другими, нисколько не означала, что «деревенщики» были против политических свобод: личности, печати, права для рабочих проводить стачки и т.д. Они только, в соответствии с программой «Земли и воли», считали, что завоевание политических свобод — дело, прежде всего, либералов-конституционалистов, а не социалистов-народников.

Получалась следующая картина. Землевольцы-политики должны были бороться против политической системы, а не против отдельных лиц; на деле же — та форма борьбы, которую они избрали, приводила к борьбе именно против последних. «Деревенщики», хотя и признавали индивидуальный террор в качестве борьбы против отдельных лиц, на деле выступили против него, когда речь зашла о царе, потому что яснее представляли, что борьба против отдельных лиц не изменит политической системы в целом. Первых практическая деятельность приводила к постановке проблемы политической борьбы (включая отношение к государству), вторые во имя более правильных, хотя и отрицаемых ими теоретических представлений о политической борьбе, выступили против той практической деятельности, которая в конкретной исторической обстановке ставила политическую борьбу на позитивную почву.

Однако даже выставление принципа непосредственной и самостоятельной борьбы за политические свободы не означало еще полного оформления отношения землевольцев-политиков к государству. Только с принятием программы Исполнительного Комитета и появлением теории «заговора» и «захвата власти» они становились сознательными политическими борцами.

Это видно на примере обсуждения программы «Народной воли». Как сообщает О.С. Любатович, во время собрания на квартире А.А. Квятковского разногласия касались вопроса: дезорганизация правительства с тем, чтобы оно дало возможность народу выразить свою волю, или захват власти путем заговора с тем, чтобы декретировать сверху конституцию, а затем уже передать власть народу⁴⁰. Но и среди сторонников второй точки зрения не было единодушия. Одни считали, что, захватив власть, надо немедленно передать ее Учредительному собранию, то есть народу, который сам выработает конституцию. Другие утверждали, что только в том случае народ сможет проявить свою волю через Учредительное собрание, если конституция будет выработана и дана народу революционным меньшинством. В противном случае Учредительным собранием воспользуются либералы.

Сторонников дезорганизации правительства с целью получить политические свободы можно еще считать антигосударственниками или несознательными политиками. Вторые направляли свои действия на овладение (хотя бы временное) государством и его аппаратом, становясь на более последовательный путь политической борьбы.

С принятием программы Исполнительного Комитета вторая точка зрения стала официальной, но разногласия в понимании «политики» и политической деятельности остались, так как опубликованный в № 3 «Народной воли» текст программы не преодолел конфликты, существовавшие в период ее обсуждения. В ней говорилось, что партия ставит своей задачей «провести политический переворот с целью передачи власти»⁴¹. Причем политический переворот формально допускался или «как результат самостоятельной революции»⁴² — в этом случае, по-видимому, предполагалось «отнять власть у существующего правительства и передать ее Учредительному Собранию»⁴³, или «при помощи заговора»⁴⁴ — и тогда следовало создать Временное правительство, которое должно было способствовать созыву Учредительного собрания. Но так как слова о «самостоятельной революции» были данью прошлому и серьезного значения им никто не придавал, то фактически речь шла о заговоре, а затем уже о Временном правительстве и Учредительном собрании. Это подтверждают слова Л.А. Тихомирова: «Первоначально преобладающая идея “Народной воли” была идея заговора с целью низвержения правительства и созыва учредительного собрания, или же, смотря по обстоятельствам, захвата власти»⁴⁵.

Признание необходимости овладения государством в условиях отсутствия массового революционного движения логически выливалось у народовольцев в теорию «захвата власти», которая, в свою очередь, явилась как бы следствием примирения социалистической совести народовольцев с политическим радикализмом мелкобуржуазных революционеров, какими, по существу, они были в своей политической борьбе.

На наш взгляд, исследователи народовольчества идеализируют теорию «захвата власти», когда считают, что она не исключала народного восстания. Она не исключала народного восстания на словах, но на деле сводила его или к восстанию партии⁴⁶, то есть опять-таки к заговору, или к прежнему бунтарству, но уже без агитации в народе. Так, например, С.С. Волк полагает, что в Липецкой программе ставилась задача вести подготовку заговора, а для успеха заручиться поддержкой народа и передовой части общества⁴⁷. Выходит, что без поддержки народа заговор не имеет шансов на успех. Но ведь заговор и есть альтернатива народному восстанию. Как же можно поддержать заговор тем, что невозможно? Следует допустить другое, а именно, что заговорщики только начинают, а затем их дело переходит к самим массам, то есть заговор — это первый шаг на пути политического переворота, второй же шаг — народное восстание. Тогда можно считать, что тактика заговора — это дальнейшее развитие принципа бунтарства (агитации действием). В этом случае переход к террору (допустим, что это было вспомогательное средство для заговора и захвата политической власти) и созданию тайной революционной организации, то есть «Народной воли», способной взять власть в свои руки, должен был сопровождаться еще большей, чем раньше, организаторской деятельностью в народе (крестьянстве и рабочем классе). Иначе, если следовать логике Волка, заговор не мог быть успешным. Но в том-то и дело, что ни о каком расширении деятельности среди крестьянства речи не шло. И не только потому, что сил было мало, но, прежде всего, изменилось настроение большей части землеволь-

цев, а также следовавшей за ними молодежи, которая, без всякого сомнения, если и не разочаровалась в народе, то не верила в революционные возможности народа в данное время. Что касается рабочего класса, то есть прежде всего фабричных рабочих, то хотя, как показывают работы Волка, М.Г. Седова и некоторых других, деятельность среди них усилилась с образованием «Народной воли», особенно с 1880 г. и до убийства царя, но и здесь она не была большей, чем у «Земли и воли» в 1878 — начале 1879 года. Неудивительно поэтому, что теория «захвата власти» на практике вылилась в терроризм. Недаром Тихомиров писал, что «идея заговора оставалась почти на бумаге и мало-помалу заглохла, а идея террора все росла и усиливалась...»⁴⁸ Таким образом, положение: «заговор при поддержке народа» — это не осознанный разрыв с народничеством и переход на позиции мелкобуржуазного радикализма.

Не приходится удивляться также тому различию во взглядах на политическую деятельность, которая отличала даже наиболее выдающихся народовольцев. Так, Морозов под политической деятельностью понимал усиленный террор, охватывающий все сознательные элементы общества. При этом, представляя его как «современную форму революции», он «отрицательно относился к централистской организации террора, мешающей повсеместному росту этой формы революции»⁴⁹. Всеохватывающий террор должен был, по его мнению, привести к получению политических свобод. На этом «политика» для него заканчивалась, а далее шли мирные средства борьбы: всеобщие выборы и народоправление⁵⁰.

В противовес Морозову, «якобинцы», группировавшиеся вокруг М.Н. Ошаниной, смотрели на политическую борьбу, как на организованный и руководимый из центра заговор, долженствующий привести к «захвату власти» и декретированию нового строя сверху.

Более широкое представление о политической борьбе имели А.И. Желябов и Н.Н. Колодкевич, которые, хотя и смотрели на государственный переворот как на заговор, но видели в нем начало пробуждения всего русского народа. Террор же у них выступал, с одной стороны, как «средство завоевания конституционных прав, необходимых для работы в народе»⁵¹, а с другой, — «в качестве мести Александру II за жестокие репрессии»⁵².

Промежуточную позицию, как отмечает С.С. Волк, занимал Михайлов. «В главные средства он включал и царубийство, но непременно в связи с другими главными средствами»⁵³. Однако в дальнейшем он, видимо, все больше склонялся к царубийству. Своим единомышленникам из крепости он писал: «Должно стать ближайшей задачей не переворот государственного строя, а еще одно сильнейшее потрясение его. Необходимо своротить еще зараз две головы, и вы победите. Абсолютизм сделается немыслимым. Никто не рискнет поднять голову на плаху царей-единодержавцев...»⁵⁴

Еще больше разногласия касались вопроса о соотношении политики и социализма. Исходя из старой бакунистской точки зрения, переход к политической борьбе означал измену делу социализма. Поэтому, чтобы не изменять ему, социализм просто отодвигали на будущее. Получалось, что политическую борьбу народовольцы вели не как социалисты, а просто как радикалы, завоевав же политические

свободы, они переставали быть радикалами-политиками, то есть переставали вести политическую борьбу и снова становились социалистами-народниками⁵⁵. Так как переход к политической борьбе не означал для народовольцев пересмотра теоретических основ их взглядов, как позже для членов группы «Освобождение труда», то связать социализм, сторонниками которого они продолжали себя считать, и политическую борьбу, на путь которой они стали, народовольцы органически не могли. У них получалось: или социализм или политическая борьба (по Желябову); или отрицание политической борьбы во имя социализма (чернопередельцы); или и социализм и политическая борьба (по Тихомирову).

У Желябова социализм противопоставлялся политике, и политика выбиралась как неизбежность, без которой невозможно утвердить социализма в будущем⁵⁶. Задача еще не решалась, но создавались предпосылки для ее правильного решения. Плеханов показал позже, что противопоставлять социализм политике — значит стоять на почве народничества⁵⁷. Вместе с тем, слова Желябова, сказанные им на Воронежском съезде, о поддержке стачечника, поскольку он борется с полицией, говорят, что Желябов признавал известную связь политической и классовой (в данном случае экономической) борьбы, однако уяснить их истинное соотношение ему мешал старый народнический предрассудок. Позиция Желябова могла быть переходной к социал-демократическому мировоззрению. Позже Плеханов подчеркивал ее широту и называл Желябова радикалом в самом лучшем западно-европейском смысле этого слова⁵⁸. Фактически Желябов исходил из наличия буржуазно-демократического движения, которое тогда только и могло бы свергнуть самодержавие. В этом заключалась его сила, социал-демократом он мог стать позже, если бы захотел остаться социалистом после свержения самодержавия.

С точки зрения теории, которой придерживалось народничество, позиция чернопередельцев (отрицание политической борьбы во имя социализма) была более последовательной. Однако невозможность сплотить молодежь под старым знаменем обрекала их на бездеятельность, они попадали в положение, в которое до них попали лавристы, то есть в теории — шире взгляд, дальше горизонты, а на практике — фактически одна пропаганда верности своей теории. Отсюда попытки дополнить свою тактику аграрным и фабричным террором, как-то поспеть за жизнью. Все же большая широта и последовательность взглядов чернопередельцев таила в себе потенциальную возможность более легкого, чем у народовольцев, пересмотра коренных основ старого мировоззрения, что и произошло позже у части чернопередельцев.

Позиция Тихомирова (и социализм и политическая борьба) была достаточно практичной, чтобы привлечь народническую молодежь, теоретически же она никуда не вела и от социал-демократии была еще дальше, чем какая-либо другая. В общем и целом политические взгляды Тихомирова и народовольцев «тихомировского согласия», как называл Плеханов народовольцев, тяготевших к его взглядам, формировались под определенным влиянием идей Михайловского.

Будучи самоотверженным и решительным сторонником политической борьбы с самодержавием, он старался привлечь к ней народо-

вольцев, используя аргумент о возможности предотвращения развития капитализма путем ликвидации самодержавия. Еще в «Политических письмах социалиста» призыв к политической борьбе с самодержавием обуславливался у Михайловского ответом на вопрос: когда вероятнее победа капитализма в России — при самодержавии или без него? Так как Михайловский считал, что при самодержавии вероятность упрочения капитализма («приватного хищничества») намного больше, чем при конституционном режиме, то полагал, «что политический nepотизм выгоден только врагам народа»⁵⁹.

Иногда встречается утверждение, что такая постановка вопроса о политической борьбе была сугубо народовольческой, и она вполне определилась с № 2 «Народной воли», где была помещена статья Михайловского (Гроньяра). Однако, как отмечалось выше, на подобный вопрос в таком же смысле отвечала еще газета «Начало» в 1878 г., и взгляд ее не был чужд землевольчеству. Значит в статье Михайловского она не была еще народовольческой, так как у Михайловского социализм не вытекал непосредственно из борьбы с самодержавием. На крестьянскую общину и возможность установления социализма он, как известно, смотрел несколько иначе, чем ортодоксальные народники. В той же статье он писал: «Конституционный режим есть вопрос завтрашнего дня в России. Этот завтрашний день не принесет разрешения социального вопроса»⁶⁰. Кроме того, борьба с самодержавием означала у Михайловского борьбу только с «приватным хищничеством» (то есть с наиболее дикими формами капитализма), не исключая, по-видимому, продолжение существования после ликвидации самодержавия капитализма американского или западноевропейского типа.

Народовольческой постановка вопроса стала тогда, когда народовольцы «тихомировского согласия» пошли дальше Михайловского и посчитали возможным политические акции революционной организации направить одновременно и против самодержавия и против капитализма вообще. Поэтому просто «политику» без социализма Тихомиров отвергал. По существу это означало сведение и политического (самодержавие) и социально-экономического (социализм) вопросов к одному политическому⁶¹.

Отсюда видно различие в постановке политического вопроса поздними землевольцами, а потом чернопередельцами и народовольцами «тихомировского согласия». У землевольцев политический вопрос рассматривался в неразрывной связи с вопросом социально-экономическим, политическая борьба только поддерживалась, основное внимание уделялось работе в массах, на которые и возлагалась надежда не только экономического, но и политического освобождения. У народовольцев же предполагалось не столько поддержать, сколько самим начать активную политическую борьбу с самодержавием. Борьба должна была вестись во имя тех же целей — предотвратить развитие капитализма. «“Политики” целиком разделяли типичное народническое убеждение, — справедливо отмечает Твардовская, — что господство буржуазии в России более опасно для социальной революции, чем существующий самодержавный строй»⁶².

Но первый акт — уничтожение самодержавия — не предотвратит еще развитие буржуазии, если вслед за ним не последует народной революции. Каким же образом она может наступить?

Чернопредельцы мыслили более последовательно, когда полагали, что для подготовки ближайшего социального переворота необходима еще более усиленная работа в народе, — только она может быть гарантией того, что политическим переворотом не воспользуется буржуазия. Поэтому они считали, что социалист не имеет права отдавать все свои силы политической борьбе с самодержавием, он может ее только поддержать, но не заниматься ею сам. Степень поддержки или частичного участия в политической борьбе определялась наличными силами организации, занятыми в деревне. А так как они сокращались, то для некоторых наиболее дальновидных землевольцев было ясно, что ими крестьянства не поднимешь. Не возражая против участия в политической борьбе (в известных границах), на практике такие землевольцы должны были поставить вопрос ребром: или политика или работа в деревне. Так и сделал Плеханов на Воронежском съезде. Точка зрения — и то и другое (О. Николаев: «Вали валом попржнему») — казалась ему близорукой, обманчивой. Он видел настроение большинства и понимал, что, если политическую деятельность хотя бы на время не прекратить с санкции съезда, она станет основной и даже единственной.

Народовольцы также понимали, что свержение самодержавия еще не есть социальная революция. Этим объясняется непоследовательность их тактики: сегодня — борьба с правительством, завтра — работа среди рабочих, послезавтра — в крестьянстве, среди раскольников и т.д. ⁶³ В последующем их точка зрения по этому вопросу дифференцировалась: одни полагали, что политический переворот сольется с социальным и убийство царя будет сигналом к крестьянской революции. Однако естественно возникает вопрос: как могли верить в это люди, считавшие работу среди крестьянства безрезультатной? Если усилиями революционеров не удалось поднять крестьян на восстание, то как это можно сделать без таких усилий одним актом убийства царя, учитывая еще царистские настроения крестьянства? Понятно, что такие надежды должны были превратиться у них в необоснованную веру.

Другие считали, что социальный переворот последует через некоторое время после политического, а поэтому предполагали отказаться от «политики» и снова заняться народом, подготавливая его к социальной революции. Таким образом, политиками они должны были быть временными, как социалисты они переставали быть политиками, возвращаясь к старому идеалу. Даже в 1883 г. в работе «Социализм и политическая борьба» Плеханов писал, что многие до сих пор считают, что заниматься политикой их вынуждают условия абсолютизма в России, полное отсутствие каких-либо условий для легальной деятельности на благо народа, и что как только они изменят эти условия, они откажутся от политики (предоставят «мертвым хоронить своих мертвецов») ⁶⁴ и посвятят себя социализму ⁶⁵.

Третьи предпочитали о социальной проблеме пока не говорить или даже отказаться от нее, как Морозов, а все силы направить на борьбу с самодержавием, превращаясь в мелкобуржуазных радикалов.

В целом же народовольчество не могло, исходя из своих социально-экономических посылок, объяснить, почему за политическим переворотом последует социальная революция. Это в значительной степени объясняется тем, что ни землевольцы-политики, ни потом на-

родовольцы не смогли политическую борьбу сделать классовой. Произошло это не только потому, что исторически рабочий класс не выделился еще в самостоятельную политическую силу, а потому, что сама проблема придания политической борьбе классового характера в целом (ближе всего к ее пониманию подошел Желябов) не была ими понята.

Известное положение марксизма гласит, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая». Смысл его в том, что, если стать на классовую точку зрения, то есть защищать интересы определенного класса, то борьбу необходимо довести до политической с тем, чтобы с ее помощью решить коренные экономические и социальные проблемы в интересах данного класса. Переход народовольцев к политической борьбе не означал, что они стали на классовую точку зрения. Плеханов писал, что «не всякое данное политическое действие всякой данной группой лиц есть классовая борьба»⁶⁶. Ленин отмечал, что политическую борьбу народовольцы сводили к заговору, что средства их борьбы были сугубо интеллигентскими⁶⁷.

Это не значит, что политическая борьба, которую вели народовольцы, объективно не шла на пользу определенного класса. В этой связи нельзя не согласиться с мнением одного из историков 1830-х гг., который писал, что «от отделения (по представлению народовольцев — «временного») политической борьбы от социализма первая не переставала быть классовой (в том смысле, что шла на пользу определенного класса. — *А.Б.*). Отказ (хотя бы «временный») от социализма обозначал лишь отход от позиций пролетариата и беднейшего крестьянства на позиции «буржуазии»⁶⁸.

Это не противоречит известному ленинскому определению социального содержания народничества, данного им в целом ряде своих работ. Когда он писал, что оно — в протесте против крепостничества и буржуазности в России с точки зрения крестьянина, мелкого производителя⁶⁹, или что «крестьянская демократия — вот единственное реальное содержание и общественное значение народничества»⁷⁰, то он имел в виду народничество как «крупнейшее течение нашей общественной мысли»⁷¹, относя сюда порой и неонародничество XX в. (трудовиков, эсеров и т.п.). Это не исключает, с одной стороны, существования в нем различных тенденций и направлений, отражавших интересы неоднородных социальных прослоек внутри такого класса (а точнее сословия еще старого общества, поставленного в условия развивающегося капитализма), как российское многонациональное крестьянство, а, с другой стороны, эволюцию самого общественного течения на протяжении более полувека.

С различиями во взглядах на политическую борьбу связана полемика, которую вели на страницах своих печатных органов — «Народная воля» и «Черный передел» — по вопросу о роли государства в социальной революции. Некоторые современные историки народничества склонны считать, что истина в полемике была на стороне «Народной воли». Так, например, Твардовская противопоставляет взгляду чернопередельцев, выраженному Плехановым в № 1 «Черного передела»⁷², взгляд народовольцев, высказанный Кибальчицем в № 5 «Народной воли», где он оспаривал вывод чернопередельцев о том, что «всякое изменение в экономических отношениях может произойти лишь как результат борьбы в экономической же сфере, и что

поэтому никакая политическая форма, никакая политическая революция не способна ни задержать, ни вызвать экономический переворот»⁷³. Твардовская видит в нем, если еще не марксистскую, то, во всяком случае, более правильную точку зрения на роль государства в революции по сравнению с чернопередельческой. А между тем от истины были далеки и народовольцы и чернопередельцы, так как вопрос о роли государства решался ими хотя и по-разному, но, по существу, с точки зрения отрицания капитализма, в неизбежность которого не верили ни одни ни другие. Дело в том, что за формальными рассуждениями Плеханова и Кибальчича скрывалось совсем другое. Слова «всякое изменение в экономических отношениях может произойти лишь как результат борьбы в экономической же сфере» не означают абсолютного отрицания противоположного. Действительно, если признано, что самодержавное государство поддерживает капитализм, развивающийся помимо экономической необходимости, — а это признавали и народовольцы и чернопередельцы, — то тем самым чернопередельцами признавалась правомерность следующей мысли: хотя всякие изменения в экономических отношениях, как правило (то есть на Западе), происходили лишь как результат борьбы в экономической же сфере, но в виде исключения (то есть в России) они могут быть следствием действия определенной политической формы (в данном случае самодержавия).

Следовательно, во-первых, в политическом отношении чернопередельцы были не такими уж отсталыми, как это могло казаться народовольцам, а во-вторых, суть разногласий лежит в том, как понимать «экономическую сферу», то есть экономическую необходимость, и каково действительное отношение экономики и политики, а не в признании или непризнании зависимости экономики от политики. Народовольцы выступали за замену самодержавного государства революционным не потому, что правильно решали указанную проблему, а потому, что считали другую политическую форму (революционное государство) способной остановить изменения, происходившие в экономической сфере. «Идея русской самобытности получила новую переработку, и если прежде она вела к полному отрицанию политики, то теперь оказывалось, что самобытность русского общественного развития именно в том и заключается, что экономические вопросы решались и должны решаться у нас путем государственного вмешательства»⁷⁴. В то время, как чернопередельцы в своих теоретических рассуждениях пытались держаться экономической «закономерности», народовольцы доводили теоретические положения той же доктрины до все большей исключительности.

Взгляды землевольцев-политиков, а потом народовольцев на политическую борьбу связаны с пропагандой политической традиции среди народа. Твардовская считает одной из заслуг народовольцев приобщение «народа к политической жизни». При этом она противопоставляет народовольцам взгляды М. Бакунина и его сторонников (сюда, видимо, надо причислить и землевольцев), которые считали данное явление нежелательным. «Политическое развитие с точки зрения бакунизма, — пишет она, — ослабляло революционный дух народа, замедляло возможность восстания»⁷⁵. На самом же деле «Народная воля» на поприще политического воспитания народа сделала

не больше, чем «Земля и воля» и предшествовавшие ей народнические организации, так как действительное политическое воспитание заключалось в степени воздействия организации на народные массы. Можно даже сказать, что «Народная воля» в этом отношении сделала меньше, чем «Земля и воля». Что касается Бакунина и анархистов, то под политической борьбой они понимали только такую деятельность, которая была связана с использованием государства (включая парламентаризм) в революционных целях, и выступали против нее. В воздействии же на народ, в стремлении возбудить в нем активный бунтарский дух (а это и есть «политика» на бакунинский манер) они, естественно, превосходили народовольцев.

Если говорить о распространении политического сознания в народе, то, в первую очередь, надо говорить не о народовольцах, которые понимали под ним, как пишет Твардовская, «привычку и умение следить за всеми государственно-общественными делами, начиная с деревни и кончая дворцом»⁷⁶, а о лавристах, которые кое-что смогли сделать в развитии классового сознания народа и, прежде всего, рабочих.

Вообще же необходимо отметить, что наметившееся не только в последнее время стремление ряда исследователей «Народной воли» все положительное, что было достигнуто в 70—80-х гг. XIX в. в развитии социалистической мысли, приписать исключительно народовольчеству, по существу обедняет и искажает процесс, который они пытаются изобразить. А между тем, давно уже имеется более полная и более объективная точка зрения на эволюцию социалистической мысли в России, выраженная Ш.М. Левиным, который при всем уважении к народовольчеству не забывал подчеркнуть, что наследие «Народной воли» далеко не сводится к усвоению только сильных сторон землевольчества. «Историческое значение “Черного передела”, — писал он, — состояло, между прочим, в том, что он являлся противовесом некоторым явно ошибочным элементам народовольческой идеологии и помешал народовольчеству, как идейному направлению, безраздельно овладеть всей революционной ареной; это в какой-то степени воздействовало на самих народовольцев и, главное, сказалось на последующем ходе русского революционного движения»⁷⁷.

Таким образом, разрешить в полной мере стоявшую перед революционным движением задачу перехода к политической борьбе созданная после раскола «Земли и воли» партия «Народная воля» не смогла. Отказавшись от анархизма, она формально оставалась верной крестьянскому социализму. Это приводило к еще большему, чем раньше, противоречию между практической деятельностью и теорией, которую исповедовала «Народная воля». При этом следует различать противоречия между теорией и практикой, а также в самой теории. Противоречия первого рода — жизненны, и не только разрешение, но и возникновение и развитие их могут составлять заслугу партии или революционной группы. В этом смысле Плеханов говорил об отрицательной заслуге народовольчества⁷⁸. Что же касается противоречий второго рода, то, разумеется, к заслуге партии их не отнесешь. Попытки тех исследователей, которые готовы приписать народовольчеству теоретические заслуги там, где их на самом деле нет, могут вызывать только недоумение независимо от того, из каких соображений они делаются.

Примечания

Автор и Фонд Плеханова посвящают эту публикацию памяти Георгия Валентиновича Плеханова, 100-летняя годовщина смерти которого исполняется 30 мая 2018 года.

1. Представление, что террор, доведенный до цареубийства, превращался в политическую борьбу, нашло отражение в воспоминаниях многих современников. Например, Л.Г. Дейч писал, что покушение на царя «выходило из сферы “дезорганизации правительства”»: оно принимало уже явный характер непосредственной борьбы за политическую свободу, что исключалось бунтарством». ДЕЙЧ Л. Г. В. Плеханов в «Земле и Воле». — Группа «Освобождение Труда», сб. № 3, М.-Л. 1925, с. 58. См. также: ЕГО ЖЕ. Как Г.В. Плеханов стал марксистом. — Пролетарская революция. 1922, № 7, с. 110; ЛЮБАТОВИЧ О. Далекое и недавнее. М. 1930, с. 125—126.
2. ДЕЙЧ Л. Черный передел. В кн.: Историко-революционный сборник. Т. II. Л. 1924, с. 279.
3. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. М.-Л. 1965, с. 251.
4. ТВАРДОВСКАЯ В. Кризис «Земли и воли» 70-х годов XIX века. — История СССР. 1959, № 4, с. 68—69.
5. ТЮТЧЕВ Н.С. Революционное движение 1870—80 гг. М. 1925, с. 19.
6. ДЕЙЧ Л. От народничества к марксизму. — Современный мир. 1914, № 2, с. 59.
7. С.С. Волк считает фактически политическими следующие акты землевольцев: 1) демонстрацию у Казанского собора 6 декабря 1876 г., с чем согласны почти все исследователи, 2) демонстрацию у здания окружного суда 31 марта 1878 г. по поводу оправдания В.И. Засулич, 3) шествие студентов-медиков к дворцу наследника 30 ноября 1878 года. См.: ВОЛК С.С. Народная воля. М.-Л. 1965, с. 77. На наш взгляд, к этому перечню надо добавить: демонстрацию в Петербурге в связи с похоронами А.А. Подлевского 25 февраля 1878 г.; митинг и демонстрацию 4 апреля 1878 г. во время панихиды по Г. Сидорацкому, на которых присутствовало 3 тыс. человек. Правда, следует отметить, что в отличие от Казанской демонстрации эти выступления заранее специально не планировались, однако землевольцы принимали в них участие.
8. ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения. Т. XXIV. М.-Л. 1927, с. 128.
9. Уместно напомнить в этой связи другое высказывание Плеханова: «В высшей степени замечательно, что народники, действовавшие преимущественно в крестьянстве, вспомнили прежде всего рабочих, когда им пришлось рассуждать о борьбе классов». ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения, т. XXIV, с. 105.
10. ТВАРДОВСКАЯ В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880 гг. М. 1969, с. 16—17.
11. На это также указывает С. Волк. См.: ВОЛК С.С. Ук. соч., с. 77.
12. ТРОИЦКИЙ Н.А. «Народная воля» перед царским судом. Саратов. 1971, с. 3.
13. ЛЕНИН В.И. ПСС. Т. 12. М. 1968, с. 40.
14. ТУН А. История революционных движений в России. М.-Пг. 1923, с. 163.
15. Революционная журналистика семидесятых годов. Ростов-на-Дону. Б. г., с. 51.
16. ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения. Т. I. Пг. 1920, с. 110.
17. В.И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в. Л. 1969, с. 155.
18. ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения, т. XXIV, с. 176—177.
19. Там же, т. I, с. 114.
20. Литература партии «Народной Воли». М. 1907, с. 172.
21. ЛЕНИН В.И. ПСС. Т. I. М. 1967, с. 462—463.
22. ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения, т. XXIV, с. 308. В другом месте он писал: «Поэтому и в Воронеже спор происходил не между “кустарным производством” и “дезорганизацией” (“террором”), а между “террором” и революционной агитацией в народе». Там же, с. 149.
23. М.Р. Попов писал, «что не будь у А.Д. (Михайлова. — А.Б.) на первых порах той страстности и почти узости понимания деятельности, на которую повелительно

- толкали революционеров окружающие условия, раскола “З. и В.” не произошло бы. За это говорит, между прочим, то, что многие из чернопередельцев возвратились скоро к деятельности народовольцев». ПОПОВ М.Р. Записки землевольца. М. 1933, с. 142.
24. ДЕЙЧ Л. От народничества к марксизму. — Современный мир. 1914, № 2, с. 59.
  25. Не следует забывать слова Плеханова, что первыми политические требования выдвинули рабочие, а не интеллигенты. ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения. Т. III. М. 1922, с. 58.
  26. ДЕЙЧ Л. Г.В. Плеханов в «Земле и Воле», с. 58.
  27. ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения. Т. XIII. М.-Л. 1926, с. 25.
  28. Революционная журналистика семидесятых годов, с. 103—104, 109.
  29. Там же, с. 264.
  30. МОРОЗОВ Н.А. Повести моей жизни. Т. II. М. 1961, с. 425.
  31. Если Мезенцов был убит, по выражению С. Кравчинского, не как шеф жандармов, а «как человек, совершивший ряд преступлений, которые мог и должен был не совершать», а Дрентельн был уже достоин смерти «за одно то, что был при существующих политических условиях шефом жандармов» (ТВАРДОВСКАЯ В. Кризис «Земли и воли» 70-х годов XIX века, с. 63), то царя тем более нужно было приговорить к смерти за одно то, что он самодержец.
  32. Литература партии «Народной Воли», с. 86—87.
  33. «Догматически отрицая “политику”, — пишет В.А. Твардовская, — “деревенщики”, как только вопрос становился на практическую почву, вопреки своим убеждениям вынуждены были обращаться к тем же способам борьбы, что и их противники. Они шли за “политиками” не потому, что разделяли их взгляды, а потому, что чувствовали свое бессилие, невозможность какой-либо иной деятельности. Именно в идейной несостоятельности защитников старой программы причина того, что многие из них принимали участие в террористических покушениях, и причина их компромиссного поведения после Совета». ТВАРДОВСКАЯ В. Кризис «Земли и воли» 70-х годов XIX века, с. 69. Скорее всего причина более проста: если политическая борьба — это не единственно террор, то и террор — не только политическая борьба. Участвуя в терроре, Попов продолжал свою старую дезорганизаторскую деятельность и ему незачем было изменять своим старым взглядам.
  34. По этому поводу Плеханов говорил, что «задача революционного действия, — если уж признавать таковое, что резко противоречило нашему тогдашнему бакунизму, — представлялась нам гораздо более широкой. Я возражал Морозову, что на кончике кинжала нельзя утверждать здание парламента. Я и некоторые другие мои единомышленники надеялись, что нам удастся привезти из Воронежа резолюцию, осуждающую такое неслыханноузкое понимание революционного действия». ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения, т. XXIV, с. 307.
  35. Например, М.Г. Седов пишет: «Плеханов был прав, когда говорил, что террористическое движение в России логически выросло из бунтарства, но он допускал ошибку, когда все изменения в революционном движении отождествлял с терроризмом». СЕДОВ М.Г. Героический период революционного народничества. М. 1966, с. 144.
  36. С.С. Волк, например, в своей работе о «Народной воле» помимо организаторской и террористической деятельности специально останавливается на работе народовольцев среди молодежи и студенчества, рабочих и даже среди крестьян. ВОЛК С.С. Ук. соч., гл. 9, 11—12.
  37. Э.А. Корольчук и в ранних своих работах и в более поздних отмечала, что рабочее движение 1878—1879 гг., а следовательно и участие в нем революционеров, было выше, чем в период деятельности «Народной воли». КОРОЛЬЧУК Э.А. «Северный союз русских рабочих» и рабочее движение 70-х годов XIX в. в Петербурге. М. 1971, с. 101—102.
  38. ФРОЛЕНКО М. Начало «народовольчества». — Каторга и ссылка. 1926, № 3 (24), с. 22.
  39. К тому, что революционный террор становился основным в деятельности партии «Народной воли», склоняются исследователи и в последних вышедших работах.

- См., например: БУДНИЦКИЙ О.В. Терроризм в российском освободительном движении. М. 2000, с. 110, 113—115.
40. ЛЮБАТОВИЧ О. Ук. соч., с. 75.
  41. Литература партии «Народной Воли», с. 84.
  42. Там же, с. 86.
  43. Там же, с. 84.
  44. Там же, с. 86.
  45. Незданная записка Льва Тихомирова. — Каторга и ссылка. 1926, № 3 (24), с. 121.
  46. «Партия должна подготавливаться именно к восстанию», — подчеркивалось в «Подготовительной работе партии», — которое должно осуществиться в любом случае, даже «если партии придется самой начать восстание, а не присоединиться к народному движению». Литература партии «Народной Воли», с. 434—435.
  47. ВОЛК С.С. Ук. соч., с. 89.
  48. Незданная записка Льва Тихомирова, с. 122.
  49. ИОХЕЛЬСОН В.И. Первые дни Народной воли. Пг. 1922, с. 17.
  50. На мой взгляд, С.С. Волк вслед за Л.А. Тихомировым ошибается, когда пишет, что Морозов «хотел вынудить уступки у правительства путем террора, а потом довести дело до революции». (ВОЛК С.С. Ук. соч., с. 89). Ведь, согласно мнению Морозова, как отмечено выше, террор — революционное средство борьбы, остальные — мирные.
  51. ИОХЕЛЬСОН В.И. Ук. соч., с. 17.
  52. ВОЛК С.С. Ук. соч., с. 89.
  53. Там же.
  54. Два письма А.Д. Михайлова. — Былое. 1924, № 24, с. 278. В этой связи интересно привести мнение противника цареубийства В.Ф. Трошанского, которое при одинаковой аргументации противоположно по выводам: «Вышло бы то, что получился бы новый царь, который бы из одного приличия не мог бы дать ни амнистии, ни прекратить вешание, ни вообще либеральных реформ не мог бы дать — ведь убит бы был его отец и царь!» Революционное народничество 70-х годов XIX века, т. II, с. 104. Сопоставление этих двух взглядов показывает, что никакая субъективная оценка последствий убийства царя ничего не дает, если при этом отсутствует трезвый учет революционных, а также вообще оппозиционных сил и возможностей. Не убийство одного или подряд двух-трех царей могло привести к уступкам, а наличие такой политической силы, с которой вынуждено было бы считаться правительство. Конечно, политический террор мог ввести в заблуждение представителей власти, которые пошли бы на уступки. В этом и только этом может быть оправдание надеждам, возлагавшимся народовольцами на цареубийство. Но осуществление уступок всецело зависело не от террора самого по себе, а от той политической силы, которая за ним стояла и его поддерживала.
  55. «Пока наши революционеры не умели совершить теоретическое примирение социализма с политикой, до тех пор они по необходимости выступали попеременно то как социалисты-утописты, то как “либералы”». ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения, т. XXIV, с. 113.
  56. Слова Желябова в письме к М.П. Драгоманову «видишь спасение в распадении империи на автономные части», по-видимому, должны означать: остаешься верным старым анархически-социалистическим идеалам, а слова «требуешь Учредительского собрания» — поневоле становишься государственным, раз избрал путь политической борьбы. Письмо А.И. Желябова к М.П. Драгоманову. — Былое. 1906, № 3, с. 73.
  57. ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения, т. XXIV, с. 105.
  58. Там же, с. 104.
  59. Литература партии «Народной Воли», с. 47.
  60. Там же.
  61. В.А. Твардовская, ссылаясь на значительное внимание, уделявшееся народовольцами социально-экономическим вопросам, выразила свое несогласие с мнением С.С. Волка, что проблема социально-экономических предпосылок революции народовольцами не была поставлена. (ТВАРДОВСКАЯ В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880 гг., с. 101). Хочется заметить, что научную

разработку вопроса нельзя определять таким показателем, как количество написанных статей.

62. ТВАРДОВСКАЯ В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880 гг., с. 138.
63. Литература партии «Народной Воли», с. 4.
64. ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения, т. I, с. 106.
65. Вот почему нельзя согласиться с мнением В.А. Твардовской, что «для народовольцев социализм — не гибель государственности, каким он представлялся большинству народников 70-х годов, а ее расцвет». (ТВАРДОВСКАЯ В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880 гг., с. 187). Народовольцев можно считать государственниками на период ломки старых учреждений и создания новых, которые должны были поддержать общинные принципы. Наконец, их можно считать государственниками, поскольку полное осуществление социалистических принципов они отодвигали в будущее. Но они не представляли социализм как государственный строй. И это, разумеется, не может показать В.А. Твардовская, пишущая даже о «построении будущего государственного строя» (с. 187) народовольцами. Внешне автору удается создать видимость отсутствия противоречия в своих рассуждениях тем, что понятие государственный строй она подменяет понятием общественный строй (см. два примера на с. 187), понятие политическая жизнь понятием вольная жизнь (с. 188) и т.д. Даже употребление народовольцами таких выражений как «государственное устройство» (с. 192), «государственные дела» (с. 193) не меняют положения. Автор сама считает документы, в которых употребляются эти термины, «близкими по духу» бакунистам и анархистам, «перевитками старонароднического, бакунистского федерализма» (с. 193).
66. ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения, т. XXIX, с. 139.
67. ЛЕНИН В.И. ПСС. Т. 2. М. 1967, с. 459; т. 4, с. 372; т. 9, с. 130; т. 12, с. 180.
68. ЧЕРНОМОРДИК С. К 50-летию Группы «Освобождение труда». — Каторга и ссылка. 1933, № 10 (107), с. 12. Из современных историков можно сослаться на мнение Р.В. Филиппова, который считает, что «борьба народовольцев с царским правительством становилась борьбой буржуазных радикалов за политическую свободу». ФИЛИППОВ Р.В. Соотношение революционно-народнического и рабочего движения в России в 70-х годах XIX века. В кн.: Общественное движение в пореформенной России. М. 1965, с. 239.
69. ЛЕНИН В.И. ПСС, т. 1, с. 355, 462.
70. Там же. Т. 22. М. 1968, с. 305.
71. Там же; т. 1, с. 352.
72. Г.В. Плеханов писал: «Так как экономические отношения в обществе признаются нами основанием всех остальных, коренной причиной не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов, то радикализм прежде всего должен стать, по нашему мнению, радикализмом экономическим». ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения, т. I, с. 47.
73. Литература партии «Народной Воли», с. 170.
74. ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения, т. I, с. 115.
75. ТВАРДОВСКАЯ В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880 гг., с. 204.
76. Там же, с. 205.
77. ЛЕВИН Ш.М. «Черный передел» и проблема политической борьбы. В кн.: Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М. 1961, с. 253; ЕГО ЖЕ. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века. М. 1958, с. 489—490.
78. ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения, т. I, с. 116—117.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

УДК 94(470.21)«1942/45»:359

Соловецкая школа юнг и ее воспитанники 1942—1945 гг.

Л.Н. Лобченко

Аннотация. Работа посвящена одной из героических страниц Заполярья, истории Соловецкой школы юнг, связанной с Военно-Морским флотом тяжелыми годами Великой Отечественной войны, патриотизму молодежи и героическим подвигам воспитанников школы.

Ключевые слова: юнги Северного флота, Соловецкая школа, Соловецкий монастырь.

Abstract. The work is dedicated to a heroic episode of life in the Arctic, the history of the Solovetsky school for cabin boys related to the Navy and the harsh years of World War II, mass patriotism of the youth, and heroic feats of school's graduates.

Key words: cabin boys of the Northern Fleet, Solovetsky school for cabin boys, graduates, Solovetsky Monastery.

Говоря о Великой Отечественной войне, нельзя не отметить, что в ней участвовали не только взрослые, но и дети, подростки, которые совершали подвиги, сражаясь с фашистами на фронтах и на оккупированных территориях, работали в тылу, заменяя ушедших на фронт отцов и старших братьев. Одной из героических страниц войны, не до конца исследованных историками, является судьба Соловецкой школы юнг и ее воспитанников.

В России юнги появились еще в XVII в. в эпоху парусного флота. Самая первая школа была организована в 1781 г. в Холмогорах под Архангельском. В XIX в. были основаны школы в Севастополе и в Кронштадте ¹.

Соловецкая школа юнг была открыта по инициативе ЦК ВЛКСМ и по приказу наркома ВМФ от 25 мая 1942 г. на Большом Соловецком острове для ребят 15—16 лет. Для зачисления в это учебное заведение требовалось крепкое здоровье, отличная характеристика и обязательное согласие родителей. Принимали в школу юнг по комсомольским путевкам ребят с образованием 6—7 классов. Предпоч-

---

Лобченко Людмила Николаевна — кандидат исторических наук, доцент Мурманского арктического государственного университета. E-mail: l.lobchenko@mail.ru.

Lobchenko Liudmila N. — candidate of historical sciences, associate professor at the Murmansk Arctic State University. E-mail: l.lobchenko@mail.ru.

тение отдавалось тем, чьи отцы погибли на фронте. Кроме того, существовали определенные критерии отбора: национальность (не могли быть зачислены немцы, поляки, финны и др.); отсутствие судимости и родственников за границей. Это была, пожалуй, единственная возможность для несовершеннолетних на законных основаниях попасть на фронт ².

По рассказам участников тех событий, первых учеников привезли ночью в сильный шторм — так было безопасней: немецкие подводные лодки дежурили в Белом море. Затем нужно было пройти семнадцать верст пешком до места, отведенного под школу ³.

Занятия начались 1 сентября 1942 года. Они совмещались с серьезной и тяжелой работой — в местечке Савватиево будущие юнги строили землянки, камбуз, баню.

Первым начальником школы (июль 1942 — март 1943 г.) был Николай Иванович Иванов. При нем закладывалась материально-техническая основа учебного заведения, начиналось формирование ее командно-преподавательского состава. Эта работа продолжалась и совершенствовалась в период, когда школу юнг возглавлял Николай Юрьевич Авраамов (март 1943 — май 1944). Кадровый морской офицер, окончивший в дореволюционное время Морской корпус и пользовавшийся у подчиненных непререкаемым авторитетом, он в октябре 1917 г. был избран командой эсминца «Лейтенант Ильин» командиром корабля ⁴.

Учеба была напряженной. Не хватало мебели, трудно было с дровами. Один учебник приходился на 25 человек. Программа оказалась очень насыщенной: ребята занимались по 10—12 час. в сутки, но учились хорошо ⁵.

Часто по ночам объявляли тревогу — в небе летали немецкие самолеты. Подъем был в 6 утра. В роте назначался наряд: дежурный — командир смены, его помощник — из юнг, а также дневальные по землянкам.

Каждый день ребята занимались строевой подготовкой, изучали виды оружия, приемы рукопашного боя, несли караульную службу, заготавливали дрова, воду, дежурили на кухне и в столовой, стирали белье.

При подготовке специалистов флота значительное внимание уделялось партийно-политической работе и военно-патриотическому воспитанию личного состава. Под руководством партийной и комсомольской организаций, которые возглавляли капитаны Н.М. Калинин и П.А. Ипатов, в школе проводились политзанятия, выпускались боевые листки, проходили митинги по случаю освобождения городов. Юнги с увлечением изучали историю русского флота. Преподаватели и инструкторы школы оборудовали кабинеты радиоаппаратуры, приема-передачи радиogramм, военно-морского дела, мореходных инструментов. Гордостью школы был сделанный в натуральную величину макет мостика эсминца «Урицкий» ⁶.

Согласно учебному плану, воспитанники школы за 11 месяцев должны были освоить специальность, общевойсковую подготовку, военно-морское дело, общеобразовательные предметы. Согласно штатному расписанию, в школе юнг должно было быть 30 инструкторов-старшин и 60 командиров смен. Однако инструкторский и препода-

вательский состав был укомплектован лишь частично. Хочется отметить таких учителей, как П.Я. Платонов, преподаватель математики, физики, механики, общей электротехники с 15-летним стажем; аспирант ЛГУ, преподаватель электротехники, радиотехники, материальной части Н.Ф. Пукемов, закончивший институт связи. Физику и математику преподавал также военный инженер 3-го ранга И.А. Комышко, а литературу — выпускник Кировского пединститута П.П. Вишнев ⁷.

Радисты изучали устройство различных приемников, азбуку Морзе (к концу года многие передавали на слух 100 сигналов в минуту, а рекорд был — 140). Рулевые занимались прокладкой курса корабля, определяли его местонахождение в открытом море, работали со сложными навигационными приборами. Будущие боцманы учились управлять шлюпкой, сращивать тросы, вязать морские узлы, запоминали морские термины, которых нужно было знать не менее 1500. Помимо шлюпок, школа имела несколько торпедных катеров и мотобот ⁸.

Около полутора тысяч юнг готовились пополнить ряды моряков Военно-Морского флота. Стимулом для учебы было право, установленное командованием: отличники после окончания школы сами могли выбрать место своей службы. И уже летом 1943 г. многие воспользовались этим правом — отправились на Балтику, Черноморский и, конечно, Северный флот, где шли бои с противником.

Занимались юнги и спортом. «Мы построили спортивную площадку, — рассказывал В. Гузанов, — где находились подвесной мост, шторм-трап, шкентель с мусингами, гранаты... Кто-то из юнг нашел ядро (оно, видимо, осталось от старой мортиры) и притащил на площадку. Это ядро сослужило нам хорошую службу. Мы придумывали с ним разные упражнения» ⁹.

Были в школе и свои поэты, музыканты, певцы, танцоры. У юнг была любимая песня, написанная ее воспитанником. За успехи в художественной самодеятельности школа юнг 2 года держала переходящее Красное знамя учебного отряда.

Однако кое-что перешло в школьный быт из лагерной жизни: решетки, глазки, карцер за провинности: «В учебном корпусе было каменное подземелье с узким окошком. Через окошко еле-еле проникал свет в эту камеру, посреди нее находился каменный пенек, а в стенах на цепях висели железные кровати, которые задвигались. За провинность нас сажали не на сутки, а на один-два часа. Там бегали здоровенные крысы, нам было очень страшно» — вспоминал один из воспитанников ¹⁰.

Немцы знали, что на Соловках существует учебный отряд Северного флота. Поэтому они бомбили остров, сбрасывали зажигательные бомбы, поджигали лес, травили воду в озерах (яды сбрасывали с самолетов). Диверсанты высаживались и с подводных лодок и с самолетов (до фронта было лететь минут 15). Опасаясь диверсий, руководство школы выставляло часовых возле продуктовых складов, выдавая им бутафорские винтовки. «Как представишь такого часового — ростом метр сорок, тулуп, как шлейф, волочится по снегу, да еще винтовка ненастоящая в руках...» ¹¹

В день вручения свидетельств об окончании школы юнг приехало много гостей. К повзрослевшим мальчишкам обратился начальник политотдела учебного отряда Северного флота полковник В.М. Гри-

шанов: «Больше жизни любите Отчизну, любите море. Будьте решительны и беспощадны к врагу. Мужественно защищайте Родину. Высоко несите матросскую честь, честь флотской формы»¹².

За три года школа юнг обучила 946 радистов, 635 рулевых, 411 боцманов, 360 артиллеристов-электриков, 139 торпедных электриков, 166 боцманов ТК, 124 моториста, 50 штурманских электриков¹³.

Воспитанники Соловецкой школы воевали на кораблях всех флотов и флотилий, но больше всего они стремились попасть на Северный флот. К. Зорин, А. Ковалёв, Л. Светланов, А. Негера, В. Гузанов и др. были отмечены правительственными наградами.

На Краснознаменном Балтийском флоте выпускники Соловецкой школы воевали во всех основных соединениях. Немало сражений выпало на долю юнг, попавших служить на Черноморский или Тихоокеанский флот. Более тысячи воспитанников за мужество и отвагу были награждены медалями Адмирала Ушаков и Нахимова.

За годы Великой Отечественной войны в школе юнг состоялось три выпуска, на флот было направлено более 4111 квалифицированных специалистов. Путь юных моряков отмечен многими боевыми наградами и благодарностями¹⁴. Более тысячи человек отдали свои жизни во имя Победы. Проявив мужество и героизм в годы Великой Отечественной войны, бывшие юнги и в мирное время показали образец служения Родине.

У стены Соловецкого монастыря еще в 1972 г. был установлен памятник выпускникам Соловецкого учебного отряда Северного Краснознаменного ВМФ и Соловецкой школы юнг ВМФ, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

В названии улицы г. Мурманска воплощена память о командире эскадрильи 145-го (19-го гвардейского) истребительного авиационного полка капитане Викторе Петровиче Миронове. Одна из улиц Мурманска носит имя Саши Ковалёва. Именем юного героя названы улицы в Североморске и на Соловецких островах, теплоход Мурманского морского пароходства. В 1990 г. у североморского городского Дома пионеров, также носящего его имя, открыт памятник юнгемотористу.

С 1987 г. имя героя Советского Союза В.Г. Старикова носит одна из улиц города Полярного (с 6 мая 2008 г. — города Воинской Славы). На доме № 1 по улице В.Г. Старикова укреплен мемориальная доска с надписью: «Командир-подводник Стариков Валентин Георгиевич, герой Советского Союза».

27 июля 1963 г. в связи с тридцатилетием Северного флота горисполком Северодвинска принял решение о переименовании улицы Северной в улицу имени Героя Советского Союза А.Г. Торцева. В 1970 г. на этой улице был установлен бюст отважного североморца, а в его родном с. Жердь установлен памятник.

По инициативе Центрального совета Соловецкой школы юнг ВМФ и других организаций именем В. Пикуля названы: теплоход Балтийского морского пароходства, тральщик Черноморского флота, пограничный катер, планета (Т 4174, открыта в 1982 г.), премия МО за лучшее произведение на военно-патриотическую тему, улицы в городах Балтийске и Североморске, библиотеки Балтийского и Тихоокеанского флотов¹⁵.

Проявив мужество и героизм в годы Великой Отечественной войны, бывшие юнги и в мирное время показали образец служения Родине. Многие из них удостоены звания Героя Социалистического труда. Н.Э. Дахотин — доктор технических наук, лауреат государственной премии; Джа Еид Кутдусов — заведующий кафедрой Казанского института культуры, Заслуженный деятель искусств республики; Г. Матюшин — археолог, доктор исторических наук, профессор, автор научных исследований; Б. Штоколов — певец, народный артист СССР; В. Кашенц, Д.В. Заслин (Саксонов), В. Гузанов — писатели; Д. Арсенин, Е. Горячев, Ю. Моакин — художники.

Владлен Куценко — мастер спорта, чемпион Российской Федерации по боксу — в годы войны служил юнгой на бронекатере, участвовал во взятии Кенигсберга. В мирное время работал во Всесоюзном институте проектирования сооружений Спорткомитета СССР. Юнга первого набора Сергей Маслов из города Ишимбай Башкирской АССР тренировал юных футболистов. Мастер спорта Александр Стасов работал в спортивной школе Волгограда.

О юнгах был снят художественный фильм «Юнга Северного флота», а также три документальных фильма: «Репортаж 30 лет спустя», «Возвращение», «За морем — солнце».

Большую работу по поиску и сбору информации о юнгах проводят работники музея Северного флота. Хочется верить, что школа юнг и ее воспитанники займут достойное место в летописи нашей страны.

Примечания

1. ВАСИЛЬЕВ С. Герои живут рядом. — Вечерний Мурманск. 1992, № 1, 10 января.
2. Государственный архив Музея Северного Флота г. Мурманска (ГАМСФ), ф. 1, оп. 3, д. 284, л. 135.
3. ГУЗАНОВ В. В 15 мальчишеских лет. — Правда. 1979, 24 сентября.
4. ГАМСФ, ф.1, оп. 3, д. 284, л. 142.
5. ПИКУЛЬ В. «Мальчики с бантиками». М. 1989, с. 70.
6. ГУЗАНОВ В. Порт вечной прописки. — Молодой коммунист. 1987, № 6, с. 24.
7. ВОЛКОВ М. Память сердца. — На страже Заполярья. 1984, 19 июня.
8. ЕЛЕНИН С. Морской орленок. — Там же. 2004, 8 августа.
9. ГУЗАНОВ В. Юность боевую вспоминая. — Спортивная жизнь России. 1975, № 11, с. 20.
10. КЛЯВА Л. Юнги Северного флота. — Водный транспорт. 1987, 15 октября.
11. СОРОКАЖЕРДЬЕВ В. Соловецкое братство. Наука и бизнес на Мурмане. 2002, с. 35.
12. ВАВИЛОВ А. Юнга Северного флота. — Североморская правда. 1990, 25 апреля.
13. ГАМСФ, ф. 1, оп. 3, д. 284, л. 149.
14. Там же, оп. 2, д. 126, л. 19.
15. Там же, оп. 1, д. 54, л. 30.

Профессионально-педагогическая выставка 1898 г. и имперская политика аккультурации

С.В. Любичанковский

Аннотация. В работе анализируется процесс подготовки и проведения уникального мероприятия в системе образования конца XIX в. — профессионально-педагогической выставки 1898 года. На ее примере показана важная роль Оренбургского учебного округа по разработке уникальных моделей просвещения нерусских народов. Делается вывод о важном практическом вкладе выставки в реализацию имперской политики аккультурации на территории Урало-Поволжского и Урало-Каспийского регионов.

Ключевые слова: образовательная политика, аккультурация, инородцы, русско-инородческие школы, национальная политика, Урало-Поволжский регион, Урало-Каспийский регион, Оренбургский край, Оренбургский учебный округ.

Abstract. The work analyzes the process of preparing and holding a unique event in the educational system of the late XIX century — the professional-pedagogical exhibition in 1898. Her example shows the important role of the Orenburg educational district in developing unique educational models for the non-Russians. The conclusion is made about the important practical contribution of the exhibition to the implementation of the imperial policy of acculturation in the Ural-Volga and Ural-Caspian regions.

Key words: educational policy, acculturation, foreigners, Russian-foreign schools, national policy, Ural-Volga region, Ural-Caspian region, Orenburg region, Orenburg educational district.

В настоящее время в исторической науке все более востребованным становится «имперский подход» к тем или иным аспектам и сюжетам, которыми наполнена российская история предыдущих столетий¹. Это распространяется и на историю просвещения и народного образования народов Волжско-Уральского региона, территориально входившего в Оренбургский учебный округ. В него были включены Оренбургская, Уфимская и Пермская губернии, Тургайская и Уральская области. Население отличалось многонациональным и поликультурным составом. В регионе были представлены «языческие» этнокон-

---

Любичанковский Сергей Валентинович — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой Оренбургского государственного педагогического университета. E-mail: svlubich@yandex.ru.

Lyubichankovskiy Sergey V. — doctor of historical sciences, professor, head of the department at the Orenburg State Pedagogical University. E-mail: svlubich@yandex.ru.

фессиональные группы (марийцы, удмурты, некрещеные чуваша), а также мусульмане, христиане, старообрядцы.

Несомненно, деятельность Оренбургского учебного округа по разработке уникальных моделей просвещения нерусских народов, проживавших в Волжско-Уральском и Урало-Каспийском регионах, представляет научный интерес, о чем свидетельствует богатая историография, включающая в себя дореволюционный, советский и постсоветский периоды.

Дореволюционная историография представлена трудами тех, кто либо сам участвовал в решении «инородческого» и «мусульманского» вопросов, либо был проводником действий имперского Центра по инкорпорированию окраинных территорий в состав единого государства.

В исследованиях А.И. Анастасиева, Н.П. Остроумова, Ч.Ч. Валиханова, М.А. Миропиева доказывается, что «инородцы» под действием ислама могут потерять свои этнические особенности, а российско-имперская модель образования для них наиболее приемлема². У ряда авторов прозвучала идея о том, что «инородцы» отторгнут агрессивный курс на обрусение, но воспримут «грамотную аккультурацию»³.

Советский историографический период отмечен тем, что исследователи в качестве отправного момента брали картину «колониальной политики царизма», а отсюда и оценочный крен в насильственную русификацию. Поскольку мектебе и медресе рассматривались как рассадники мусульманского консерватизма, фанатизма, не дававшие необходимого образования, русско-инородческие школы оценивались как прогрессивные⁴.

Современная историография отталкивается от значимости имперской стратегии, подчиненной цели геополитической стабильности России. Школьное строительство на окраинах империи и роль в нем Русской православной церкви рассмотрены в работах Ю.А. Лысенко⁵. Особое внимание автор уделяет проблеме русификации. Принимая во внимание историко-культурные обстоятельства, Лысенко склонна считать, что школы, чье обучение было построено по системе Н.И. Ильминского, а также пропагандистские мероприятия РПЦ среди мусульман-казахов, мусульман-башкир, язычников, старообрядцев, сектантов выполняли русификаторские задачи по созданию наиболее приемлемых условий для действительной инкорпорации этнически разнообразных регионов, в том числе и Волжско-Уральского, в единое политико-правовое и социокультурное пространство империи⁶. Иной взгляд на российскую политику в области образования «инородцев» высказывают современные казахские ученые, считая ее пагубной для казахского этноса⁷.

Проблема «инородческого» аспекта в образовательной политике Российской империи остается актуальной и часто включается в более широкое исследовательское поле, предполагающее анализ процессов аккультурации, интегрирования территорий национальных окраин в имперское пространство, межкультурного и межэтнического диалога, элементы которого были ощутимы в 90-е гг. XIX столетия.

Проявлением подобного диалога, а также интенсивной аккультурации можно считать инициативу Управления Оренбургского учебного округа по проведению в 1898 г. профессионально-педагогической выставки, посвященной трудовому, профессиональному обуче-

нию в системе начальной школы, куда на равных правах вошли и так называемые русско-инородческие школы.

Период 90-х гг. XIX в. отличался тем, что и в Центре, и на местах шел поиск определенного компромисса в деле просвещения народностей, попадавших в разряд «инородцев», было заметно стремление сделать так, чтобы интересы отдельных этносов не расходились с интересами империи. Пример устройства и проведения профессионально-педагогической выставки, для которой был выбран Оренбург, это подтверждает.

Попечитель Оренбургского учебного округа И.Я. Ростовцев заметил: «Цель нашей выставки главным образом педагогическая. Во 1-ых, необходимо было ознакомиться... с успехами профессионального труда в наших низших школах, а также познакомить с этим делом и наше общество. Во 2-ых, предполагается указать экспонентам достоинства и недостатки их экспонатов, и преподать общие начала как самого производства, так и метода преподавания профессионального труда»⁸.

В ходе подготовки профессионально-педагогической выставки обнаружилось, что организаторы расширили ее масштабы. Вначале предполагалось, что участниками выставки станут школы Оренбургской дирекции, а также следующие учебные заведения: Благовещенская учительская семинария, Бирская инородческая и Оренбургская киргизская учительские школы, Уфимское, Златоустовское, Тургайское Яковлевское ремесленные училища, Уральское, Гурьевское, Илецкое училища, по две школы из Уральской и Тургайской областей⁹. После обсуждения этого вопроса в специально созданном комитете по делам предстоявшей выставки при Оренбургской дирекции было решено «к участию в выставке привлечь начальные и низшие учебные заведения всего учебного округа». Это означало активное участие учителей и учащихся русско-инородческих школ (только по Оренбургской губернии число таких школ доходило в этот период до 120)¹⁰.

Поясним, что русско-инородческие школы своим появлением были обязаны поиску таких форм образования мусульман и язычников, которые должны были предотвратить переход номинально крещенных «инородцев» — марийцев, мордвы, чувашей — в ислам. Серьезной проблемой для государства были и процессы панисламизма, который проникал на окраины и внутренние территории Российской империи. Не менее важным фактором была необходимость дать основы образования «инородцам», при этом за основу брался родной язык для «совершенного слияния» последних с «русским народом по вере и языку»¹¹.

Средства и методы достижения желаемого были разработаны известным педагогом и общественным деятелем Ильминским. Он требовал изучать этнопсихологические, лингвистические особенности «восточных инородцев», их повседневную жизнь для того, чтобы трансляция христианских идей достигала своей цели¹².

На государственном уровне система мероприятий по обучению нерусских народов на основе предложений Ильминского была узаконена Правилами «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 года¹³. Одни общественные деятели выступали против этой системы, считая, что «государственная школа... об-

русительна для инородцев», а потому «местным культурам не стоит чинить препятствий, но следить, чтобы национальные чувства не мешали уважению к государству»¹⁴. Другие пытались выработать меры, предполагавшие правила и нормы употребления местных языков и наречий в процессе преподавания, а также усиление роли русского языка в национальной школе как государственного, тем самым способствуя воспитанию «идеалов гражданственности и недопущения в школу идей нарушения целостности государства»¹⁵.

Кроме того, нельзя забывать и о том, что все более очевидной становилась задача введения всеобщего начального образования, которая требовала унификации всей системы общенационального компонента школьного обучения. Пройдет немного времени (не более десяти лет), и идеал начальной школы будет озвучен: это «единая для всех народностей империи школа с государственным языком преподавания, не преследующая целей подавления отдельных национальностей, но воспитывающая в них, как в природных русских, любовь к России и сознание ее единства, целостности и неделимости»¹⁶.

Пока же на местном уровне делалась попытка унификации трудового, профессионального обучения. В свое время выдающийся педагог К.Д. Ушинский мечтал о появлении на отечественной почве народной школы, которая будет развиваться «на прочном основании знания своих собственных потребностей»¹⁷. Суть «собственных потребностей» заключалась в широком распространении грамотности среди низших слоев Российской империи, а также приобщении к элементарным сельскохозяйственным и техническим знаниям. Это было актуально как для русских, так и для так называемых «инородцев».

В «Циркуляре по Оренбургскому Учебному Округу» в № 9 за 1897 г. доказывалась необходимость проведения профессиональной выставки и выдвигались следующие аргументы: «С развитием дела народного образования многими в нашем Отечестве признана необходимость, кроме общего образования, имеющего целью умственное и нравственное развитие народа, давать в начальных народных училищах и начатки образования профессионального. Цель последнего, насколько она достижима в низших общеобразовательных учебных заведениях, состоит в снабжении детей теми знаниями и отчасти практическими навыками, которые необходимы населению для спокойного и разумного пользования жизнью на почве осмысленной и успешной практической деятельности. Стремление к введению в курс начальных школ различных отраслей профессиональных знаний, сообразно местным условиям, проявилось с особенной силой в некоторых местностях в последнее десятилетие. Не подлежит сомнению, что источником такого стремления послужило пробудившееся в свое время в нашем обществе самосознание, что Россия более других стран нуждается в развитии своих производительных и промышленных сил»¹⁸.

Тургайская газета доказывала полезность сельскохозяйственного образования для киргиз (казахов): «Рутинное ведение хозяйства, покоившегося исключительно на традициях косной седой старины, явило свою несостоятельность и развитие киргизского хозяйства потребовало иного строя, иных устоев, вполне отвечающих современному жизненному режиму. А этого можно достигнуть только путем распространения необходимых сельскохозяйственных знаний, которые

всюду, всегда и во всем помогают скотоводу-земледельцу, способствуют решению его жизненных задач и заметно поднимают уровень производительности его труда, наконец, спасают в борьбе с неблагоприятными условиями, которыми постоянно бывает обставлено крестьянское хозяйство. Менее всего этими знаниями богат кочевник, веками живший заветами отцов, скованный грубыми цепями фанатизма и невежества. В его среде мы не наблюдаем и тех элементарных агрономических знаний, которые проглядывают в русском хозяйстве»¹⁹. Далее в материале шло рассуждение о том, какие препятствия ставит инертная местная национальная среда, не давая одиночкам-энтузиастам изменять ситуацию в лучшую сторону. Выход предлагался следующий: «привлечение существующих киргизско-русских школ к участию в делах агрономического и скотоводческого интереса. Вся задача по отношению распространения сельскохозяйственных знаний должна выразиться со стороны этих школ в знакомстве учащихся с элементарными сведениями более рационального ведения хозяйства в главных его отраслях — по животноводству и полеводству... Само собой, подобные знания, вынесенные из народных школ, не могут непосредственно улучшить и поднять уровень хозяйства, но, богатые фактическими сведениями, они, несомненно, создадут ту прочную основу, на которой укрепится будущий строй сельскохозяйственной жизни»²⁰.

В конце 90-х гг. XIX в. в Оренбургском учебном округе во многих начальных и низших училищах шло преподавание рукоделия для девочек, велись занятия по ручному труду, давались не просто основы сельскохозяйственных навыков, а знания по отраслям — пчеловодству, огородничеству, садоводству. В отдельных училищах шло обучение ремеслам и некоторым отраслям производства. Оренбургским деятелям народного образования был известен и взят ими на вооружение опыт последователя Ильминского — чувашского просветителя И.Я. Яковлева. В Симбирской чувашской учительской школе, а также в ряде других учебных заведений этот выдающийся педагог включал в учебную программу основы обучения переплетному, сапожному, кузнечно-слесарному, слесарно-токарному, столярно-токарному, гончарному ремеслам. Преподавали и женское рукоделие²¹.

Педагогическая концепция Яковлева строилась на сочетании умственного и физического труда, предполагалось обучение тем ремеслам, которые необходимы для сельского социума. Современные исследователи считают, что система обучения Яковлева была способна не только прививать технологические знания, но и сохранять преемственность самобытной чувашской культуры; распространять технологии ремесел среди чувашей; сближать эстетику школьной и крестьянской жизни; показывать эффективность обучения грамоте в присвоении практических умений; использовать этнические традиции в подготовке к повседневной жизни²².

Соглашаясь с выводами указанных авторов, утверждающих, что системы Ильминского, Яковлева, а также других просветителей «иностранцев» включали элементы этносоциализации, стоит помнить и о том, что одним из главных принципов в системе Ильминского была ориентация на самокупаемость русско-иностранческой школы. При училищах, как правило, имелись мастерские, фермы, пасеки. Так было

и в тех школах Оренбургского учебного округа, которые приняли участие в профессионально-педагогической выставке в мае 1898 года. Мастерские имелись при Оренбургской киргизской учительской школе. Сеиткуловское двухклассное русско-башкирское училище располагало ремесленным классом, в котором с 1895 г. занятия проходили ежедневно по 3 часа. При училище был разбит плодовый сад (1850), с 1887 г. существовал огород, с 1892 г. было организовано пчеловодство. Пчеловодство и огородничество были представлены и в Тляумбетовском русско-башкирском училище. Женское рукоделие преподавалось в Женской школе Оренбургского 1-й гильдии купца Абдулгалія Галеева Хусаинова. Благовещенская учительская семинария (Уфимская губерния) практиковала с 1896/1897 учебного года преподавание ручного труда. Предмету отводилось 6—8 час. в неделю. С 1893 г. там существовало артельное хозяйство учеников. Ручной труд преподавался и в Бирской инородческой учительской школе. В ней также велось обучение переплетному делу. При школе были питомник, фруктовый сад, огород, сельскохозяйственная ферма. Арлановское инородческое училище располагало одной десятиной земли, полученной от сельского общества в 1889 г., из которой 1077 кв. саженей отводилось под плодовый сад, 275 — под огород, 639 — под сельскохозяйственные растения, 77 — под питомник, 161 — под пчельник и цветник, 171 кв. саженей занимал двор. Занятия по сельскому хозяйству велись с 1893 года. Садоводством занимались учащиеся Байтуровского инородческого училища. Сад и огород имело Биробашевское инородческое училище. Красноуфимская русско-башкирская низшая сельскохозяйственная школа была оборудована хорошими слесарно-кузнечной, гончарной, столярной мастерскими. Доход от продажи изготовленных в них изделий шел на развитие школы и самих мастерских.

Инородческие училища Тургайской области представляли собой похожую картину. Тургайское Яковлевское ремесленное училище было профессионально оборудовано для ведения занятий по столярно-токарному, портняжному, кузнечно-слесарному делу. С 1887 г. существовало Иргизское двухклассное русско-киргизское училище. При нем имелись переплетная и столярная мастерские. Карабутацкое двухклассное русско-киргизское училище практиковало только ручной труд. Актюбинское двухклассное русско-киргизское училище располагало переплетным классом (с 1885 г.), а с 1890 г. — еще и столярным. Ручной труд преподавался в Кустанайском двухклассном русско-киргизском училище. Сад, огород и пасеку имело Аулиекульское волостное училище. Женское рукоделие преподавалось в Кустанайской Александринской русско-киргизской женской прогимназии, Тургайском русско-киргизском женском училище, а также в Актюбинском, Карабутацком и Иргизском женских русско-киргизских училищах.

Уральская область была представлена Илекским двухклассным русско-киргизским училищем, в котором с 1888 г. существовали ремесленные классы. Кузнечное, столярное и сапожное дело преподавалось в Гурьевском двухклассном русско-киргизском училище ²³.

Учителя и учащиеся русско-инородческих училищ приняли участие в профессионально-педагогической выставке 1898 г., прислав свои ра-

боты в Оренбург наряду с представителями Оренбургского ремесленно-го училища, Оренбургской женской прогимназии, имевшей профессиональный рукодельный класс, Оренбургского женского приходского училища, Орского городского училища и Орского женского училища.

Свои коллекции изделий представили Троицкое городское училище, Верхнеуральское Александровское училище, Школа общества попечения о народных училищах в г. Троицке и его уезде, Приисковая школа Анонимного Общества Кочкарских золотых приисков, Верхнеуральское двухклассное женское училище, 1-е и 2-е Челябинские женские начальные училища, Белорецкое двухклассное училище, Романовское начальное училище, Тирлянское сельское женское училище, Благовещенская учительская семинария, Златоустовское ремесленное училище, Уфимское Александровское приходское ремесленное училище, профессиональные классы при Бирской женской прогимназии, Стерлитамакское женское Александро-Мариинское училище, Белебеевское городское училище, Белебеевское женское приходское училище, Мензелинское городское училище, Дмитриевская начальная земская школа, Тастубинское двухклассное училище, Шемякская земская школа ручного ткачества, Булгаковская земская школа, Новотроицкая земская школа, Боровецкое, Мелеузовское, Воскресенское женские училища, Воскресенское земское училище, Аскинское, Златоустовское, Зирганское женские училища, Николаевская рукодельная школа, Заинское женское училище, Мысово-Челнинское училище, Ново-Николаевское женское училище, Ирбитское ремесленное училище, Комбарская школа ремесленных учеников, Соликамское городское училище, Оханское городское училище, Кунурский Михайло-Антонино-Кирилловский сиропитательный дом Грибушиных, Усть-Кишертьская низшая ремесленная школа, Каменское двухклассное училище и др.

Всего в профессионально-педагогической выставке Оренбургского учебного округа 1898 г. приняли участие: 21 начальное учебное заведение Оренбургской губернии, 29 — Уфимской, 119 — Пермской, 11 — Тургайской ²⁴.

На выставку было прислано много ученических работ «по ручному труду, ремесленным занятиям, женским рукоделиям, а также предметов по пчеловодству, огородничеству и садоводству» ²⁵. Указанные ученические работы оказались необходимы для «рассмотрения деятельности этих учебных заведений в этом отношении» ²⁶.

Устройство выставки предполагало огромную организационную работу. Вместо первоначально образованного комитета была учреждена компетентная комиссия, в которую вошли: председатель — окружной инспектор Оренбургского учебного округа К.А. Чехович, члены комиссии — директор народных училищ Оренбургской губернии А.Я. Семигановский, начальница Оренбургской женской прогимназии А.А. Хитрина, инспектор Оренбургской киргизской учительской школы М.А. Галанов, инспектор Оренбургского ремесленного училища М.О. Витковский, преподаватель Оренбургского реального училища Н.М. Морозов, исполняющий обязанности инспектора Оренбургского реального училища В.В. Толузаков и ряд других ²⁷.

Цель, назначение и концепция выставки обсуждались и корректировались на всем протяжении подготовительных работ. Попечи-

тель Оренбургского учебного округа Ростовцев проникся важностью предложения директора народных училищ Оренбургской губернии А.Я. Семигановского о пропаганде профессионального образования посредством привлечения начальных народных училищ. Тем более, в Оренбургском учебном округе в 90-е гг. XIX в. во многих начальных и низших училищах имелся опыт предоставления учащимся основ профессиональных знаний. Проблемой было то, что занятия по обучению этим основам не входили в перечень обязательных предметов. Программы, приемы и методы, применяемые педагогами, отличались многообразием. Возникла необходимость уяснить — какие из известных методик наиболее конструктивны, чей опыт нужно пропагандировать и продвигать, от чего следует отказаться. Ростовцев основной упор сделал на «методическую сторону дела», которая, по его убеждению, должна была стоять на первом плане, и с этой целью программным работам самих учащихся выделить основное место на выставке ²⁸.

В протоколе комиссии подчеркивалось: выставка должна показать, «каких результатов достигают учащиеся по профессиональным предметам, какие методы употребляются при обучении им, в чем недостаток тех и других, и как эти недостатки исправить. Вот в чем должна состоять цель предложенной выставки. Для достижения этой цели при выставке должны быть организованы публичные чтения с демонстрацией выставленных образцов» ²⁹.

Специально составленный «Каталог предметов профессионально-педагогической выставки Оренбургского Учебного Округа» демонстрирует большое разнообразие экспонатов. Предметы, изготовленные мужской половиной учащихся, показывали результаты столярного, слесарно-токарного, портняжного, сапожного, переплетного мастерства. Представлено было и женское рукоделия. Иностранческие училища не выбивались из общего строя. Те из них, которые располагали садами, огородами, пчельниками, представили семена, саженцы, консервированную продукцию овощей и фруктов.

Профессионально-педагогическая выставка получила одобрение и поддержку центральных властей. Министерство народного просвещения дало разрешение на ее устройство и выдало беспроцентную ссуду в размере 1000 рублей ³⁰. Кроме того было дано распоряжение учредить награды учителям за лучшие работы, сделанные учениками под их руководством: 1 большую серебряную, 5 малых серебряных и 15 бронзовых медалей. Материальные средства поступили от Оренбургской, Уфимской и Пермской дирекции (по 300 руб. от каждой), и по 200 руб. от Уральской и Тургайской областей. Денежные средства пошли на возведение павильона для выставки, оборудование ряда помещений, доставку экспонатов и т.д.

Некоторые министерства внесли свой вклад в осуществление проекта. Так, Министерство финансов учредило 1 большую серебряную, 5 малых серебряных и 10 бронзовых медалей. Министерство земледелия и государственных имуществ подготовило 5 бронзовых медалей и три денежные премии: одну в 50 и две по 25 рублей. Кроме того, это министерство отпустило 400 руб. на организацию при выставке курсов по сельскому хозяйству. Министерство путей сообщения ввело

льготный тариф на доставку экспонатов. Земства Пермской и Уфимской губерний ассигновали более 2 500 руб. на командировку педагогов и на покрытие расходов по пересылке экспонатов. В конечном итоге было собрано 4500 руб., что позволило доставить на выставку экспонаты из 135 учебных заведений и командировать туда (включая курсы) 80 учителей.

Идея выставки получила столь широкий резонанс, что еще 80 учителей и 150 учительниц из Пермской и Уфимской губерний вызвались приехать в Оренбург за свой счет.

Город подготовил встречу и размещение приезжих. Женская гимназия поселила 25 учительниц. Мужчины-учителя были размещены в мужской гимназии, киргизской учительской школе, в реальном училище (75 чел.), остальные приезжие — в приходских училищах.

Оренбургские учебные заведения, городская управа, частные лица с энтузиазмом отнеслись к обустройству столь масштабного мероприятия. Представители купечества, такие как Баландин, Тенишев, Зарыванов, предоставили в бесплатное пользование драпировочные ткани, ковровые дорожки, флаги, фонари и др.

Выставку разместили в специально построенных павильонах, расположенных на правом берегу Урала, откуда открывалась великолепная панорама на «рощи на берегу Урала и беспредельные степи Зауралья». Местный кондитер Фокерод построил три беседки и павильон, где продавались прохладительные напитки, кофе, чай, при этом говорил, что данные постройки «останутся в пользу учебного округа». Для посетителей были устроены скамейки, разбиты клумбы. Оркестр военной музыки раз в неделю давал концерты. Вход был бесплатным.

Выставка сопровождалась краткими курсами по шелководству, пчеловодству и садоводству. Все было сделано для того, «чтобы учителя и учительницы начальных и низших школ учебного округа, для которых устроена эта выставка, эти труженики, приезжающие сюда по большей части на свои скудные средства с жаждою знаний для своей просветительской деятельности, под руководством опытных и сведущих лиц... почерпнули на этой выставке педагогическо-профессионального труда и лучшие примеры, и полезные сведения своей деятельности на пользу народного просвещения»³¹.

Безусловно Оренбургскую профессионально-педагогическую выставку 1898 г. можно считать одной из моделей культурно-образовательной коммуникации в контексте стратегии инкорпорирования, проводимой Российской империей в отношении этносов национальных окраин. Изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что Волжско-Уральский регион реализовывал просветительскую политику центра, в которой на первый план была вынесена задача формирования подрастающего поколения в духе идеологии аккультурации. Политика в сфере образования «инородцев» осуществлялась в общегосударственном ключе и сопровождалась помимо русификации унификацией содержания образовательных программ учреждений начальной школы.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01008, «Имперская политика аккультурации и проблема колониализма...»).

1. DMITRIEV V.V., LYUBICHANKOVSKIY S.V. The Southern Periphery of the Russian Empire and a Problem of Colonialism (on materials of National Policy of Russia in Relation to the Crimean Tatars at the end of XVIII — the beginning of the 20th century). *Bylye Gody*. 2017, vol. 45, is. 3, p. 1010—1024; DZHUNDZHUZOV S., LYUBICHANKOVSKIY S. Kalmyks of Southern Ural in the XVIII — early XX century: Problems of Assimilation, Acculturation and Preservation of Ethnic Identity. *Bylye Gody*. 2017, vol. 46, is. 4, p. 1194—1206; ДЖУНДЖУЗОВ С.В., ЛЮБИЧАНКОВСКИЙ С.В. Миссионерская деятельность Никодима Ленкеевича в Калмыцком ханстве (1725—1734 годы). — *Новый исторический вестник*. 2017, № 3, с. 172—191.
2. АНАСТАСИЕВ А.И. Вятские инородцы и их школы. — *Известия по народному образованию*. 1904, июнь, с. 156—160; ОСТРОУМОВ Н.П. Коран и прогресс: по поводу умственного пробуждения современных российских мусульман. Ташкент. 1901; ВАЛИХАНОВ Ч.Ч. О мусульманстве в степи. Т. 4. Алма-Ата. 1985, с. 48—70; МИРОПИЕВ М.А. О положении русских инородцев. СПб. 1901.
3. ПОТАНИН Г.Г. Труды по этнографии и фольклору. Павлодар. 2005; ЯДРИНЦЕВ Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением стат. таблиц. СПб. 1891.
4. САБИТОВ Н. Мектебе и медресе у казахов: историко-педагогический очерк. Алма-Ата. 1950; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX века. М. 1976, с. 485.
5. ЛЫСЕНКО Ю.А. «Отчеты об Алтайской и Киргизской миссии» как источник по истории миссионерской деятельности Русской Православной церкви в Казахстане во второй половине XIX — начале XX вв. В кн.: Макарьевские чтения: материалы пятой международной конференции (21—22 ноября 2006 г.). Горно-Алтайск. 2006, с. 43—48; ЕЕ ЖЕ. Образ России в представлении казахской политической элиты и интеллигенции XVIII—XIX вв. В кн.: Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI в.): материалы международной научно-практической конференции. Барнаул. 2007, с. 39—43; ЕЕ ЖЕ. Церковно-школьное строительство в Казахстане в XIX — начале XX в. как фактор повышения имиджа империи. В кн.: Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль российских регионов в формировании имиджа страны): мат. научно-практической конференции. Барнаул. 2008, с. 107—112; ЕЕ ЖЕ. Степень исламизации казахского общества на рубеже XIX—XX вв. в оценке миссионеров Киргизской духовной миссии. — *Известия Алтайского государственного университета*. 2008, № 4/3, с. 149—156; ЕЕ ЖЕ. Православное и исламское миссионерство в казахской степи: сравнительный анализ организации и методов деятельности (вторая половина XIX — начало XX в.). — *Гуманитарные науки в Сибири*. 2010, № 2, с. 36—40.
6. ЛЫСЕНКО Ю.А. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Казахстане (XVIII — начало XX в.): автореф. дисс. докт. ист. наук. Барнаул. 2011.
7. АБДАКИМОВ А. История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Алматы. 1994; САДВОКАСОВА З.Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (II пол. XIX — нач. XX вв.). Алматы. 2005 и др.
8. Открытие профессионально-педагогической выставки в Оренбурге. — *Циркуляр по Оренбургскому учебному округу*. 1898, № 6, приложение, с. 3.
9. Там же, с. 2.
10. БОЛОДУРИН В.С., САФАРОВА А.Д. Развитие национального образования в Оренбуржье (1870—1940 гг.). Оренбург. 2010, с. 194—195.
11. ИЛЬМИНСКИЙ Н.И. О способах обучения инородцев. — *Педагогический листок*. 1900, № 4, с. 519—520.
12. ЗЕТКИНА И.А. Национальное просветительство Поволжья (вторая половина XIX — начало XX вв.). — *Педагогика*. 2002, № 8, с. 64.
13. Журнал Министерства народного просвещения. 1870, № 3—4, отд. 1, с. 53.

14. БЕЛЕНЧУК Л.Н. Просвещение национальных окраин России в 1890—1917 годах. В кн.: Расписание перемен: очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880—1930-е годы). М. 2012, с. 618.
15. Там же, с. 619.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 846, оп. 1, д. 165, л. 19.
17. УШИНСКИЙ К.Д. Собр. сочинений в 11 т. Т. 10. М.-Л. 1950, с. 399.
18. Циркуляр по Оренбургскому Учебному Округу. 1897, № 9, приложение, с. 1—2.
19. О сельскохозяйственном образовании у киргиз. — Тургайская газета. Неофиц. часть. 1896, № 62, с. 3
20. НИКИТИНА Г.А., ПАВЛОВА С.В. Этносоциализация процесса формирования технологической культуры будущих учителей на эстетическом аспекте трудового обучения Сибирской чувашской учительской школы. — Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Т. 20. 2014, с. 135.
21. Там же, с.136.
22. Там же, с. 135—136.
23. Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1898, № 7—8, с. 1, 12—20, 34—36, 75—88.
24. Там же, с. 1—89.
25. Там же.
26. Там же. 1898, № 6, с. 3.
27. Открытие профессионально-педагогической выставки в Оренбурге. Приложение к № 6 Циркуляра по Оренбургскому Учебному Округу 1898 г., с. 4.
28. О профессионально-педагогической выставке, имеющей быть в г. Оренбург, при учебно-окружном управлении, летом 1898 года. Приложение к № 9 «Циркуляра по Оренбургскому учебному округу». Оренбург. 1897, с. 3.
29. Открытие профессионально-педагогической выставки в Оренбурге. Приложение к № 6 Циркуляра по Оренбургскому Учебному Округу 1898 г., с. 6.
30. Там же, с. 8.
31. Там же, с. 11.

Эволюция правовых условий развития горной промышленности в Царстве Польском

Е.Г. Неклюдов

Аннотация. В работе представлен анализ правовых основ использования недр и ведения горного производства в Царстве Польском, с 1815 г. входившем в состав Российской империи. Установлено, что там действовали особые законы, отличавшиеся от общего имперского законодательства. В частности, при сохранении акцессионного права, установленного еще Наполеоном в 1808 г. и подтвержденного российскими законами, в Царстве Польском действовали правила «горной свободы», предусматривавшие возможность отчуждения частной земельной собственности для добычи полезных ископаемых. Вехами в истории установления такого порядка стали закон 1817 г., имевший, впрочем, ограниченное применение, и горное положение 1870 г. (усовершенствованное в 1873, 1888 и 1892 гг.), уравнивавшее его с порядками, действовавшими в соседней Пруссии.

Ключевые слова: Царство Польское, горное законодательство, «горная регалия», акцессия, концессия, «горная свобода».

Abstract. The analysis of the legal basis of subsoil use and mining in the Kingdom of Poland, which since 1815 was part of the Russian Empire, is presented. It is established that there were special laws that differed from the general imperial legislation. In particular, with the preservation of the acceded right established by Napoleon in 1808 and confirmed by Russian laws, the rules of «mining freedom» were in effect in the Kingdom of Poland, which provided for the possibility of alienating private landed property for mining. Milestones in the history of establishing such an order were the law of 1817, which had, however, limited application, and the mining statute of 1870 (refined in 1873, 1888 and 1892), equaling it with the arrangements operating in neighboring Prussia.

Key words: the Kingdom of Poland, mining legislation, «mining regalia», accession, concession, «mining freedom».

История развития горной промышленности в Польше во многом связана со сложной политической историей этой страны и менявшимися в те или иные ее периоды правилами использования недр и ведения горного производства. Как свидетельствовали знатоки этой истории из Горного департамента — центрального органа управления горно-

---

Неклюдов Евгений Георгиевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН. Екатеринбург. E-mail: ntplant9@mail.ru.

Neklyudov Eugene G. — doctor of historical sciences, chief researcher at the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg. E-mail: ntplant9@mail.ru.

заводской промышленности Российской империи в XIX — начале XX в., — «в течение средних веков в Королевстве Польском, как и в соседних с ним западноевропейских странах... господствовали начала горной регалии, т.е. принадлежности недр земли, по отношению к важнейшим ископаемым, не отдельным частным лицам, а государю». До середины XVI в. короли из рода Пястов пользовались этим правом, «предоставляя горные привилегии, или концессии, разным лицам»¹. Известные исследователям законы тех времен свидетельствуют, что в отдельных местностях действовало правило «горной свободы», в соответствии с которым «всею и каждому дозволялось производить разведки и добычу руд, а также и выплавку металлов... с обязательством платежа королю ольборы (горной подати. — *Е.Н.*) и еще некоторых податей»². Порядок же приобретения права на разработку недр более напоминал концессионную систему, при которой сам король даровал это право по своему усмотрению. Правда, некоторые исследователи утверждали, что в средневековой Польше «горная свобода» уже включала право первооткрывателя на разработку месторождения. «Короли выдавали привилегии на разведки на всякого рода землях с тем, что разведчик, открывший ископаемое, получал право на его разработку под условием уплаты в силу регального права... горного чинша в королевскую казну», — полагал инженер С.И. Буковецкий³.

Как свидетельствовал знаток истории горного промысла в Польше инженер В.В. Хорошевский, долгие годы служивший в Царстве, «со временем однако шляхетское сословие стало относиться враждебно к этому закону, как стеснительному, ибо он ограничивал права собственности, и короли, не желая возбуждать против себя негодование шляхты, не только начали уменьшать количество выдаваемых разрешений на производство разведок и добычу ископаемых, но и разрешения эти начали все более и более ограничивать права лиц, которые их получали, дозволяя производить работы на определенных территориях, отыскивать определенные лишь ископаемые и пр.»⁴

Отмеченная тенденция получила свое завершение после победы аристократии в борьбе за власть в Королевстве, когда «горная регалия» была заменена правилом акцессии, то есть принадлежности недр землевладельцу. Первый же выборный король Генрих Валуа вынужден был особым договором (*Pacta conventa* — «избирательная капитуляция») в 1573 г. признать за дворянами «полное и безусловное право собственности на все встречающиеся в его землях полезные ископаемые». «Дабы не было впредь никакого сомнения относительно поземельных прав собственности дворянства, — записано в том договоре, — мы объявляем, что права эти навеки состоят в полном пользовании землею и всеми ее выгодами, в том числе рудниками и соляными копами, и что пользование никогда не может быть ограничено». Комментируя этот новый закон, Буковецкий отмечал, что он, тем не менее, не отменил «горной свободы», поскольку и позже «короли выдавали привилегии на производство разведок и разработку ископаемых» не только в отдельных местностях, но и на всей территории страны, хотя горная подать за разработку минералов в частных имениях отдавалась уже не королю, а землевладельцу⁵. Хорошевский видел в таких разрешениях лишь нарушение общего закона. Он утверждал также, что «польская шляхта, отличавшаяся издревле более

воинственными, чем предприимчивыми, промышленными наклонностями, с недоверием относилась вообще к материальным выгодам, представляющимся от рискованной горнозаводской промышленности, и не только сама не предпринимала (или, по крайней мере, за весьма малым исключением) никаких работ по части разведок или добычи ископаемых, но даже весьма неохотно позволяла производить в своих владениях подобной работы другим лицам»⁶. Это не могло не отразиться на развитии горного промысла, пришедшего в окончательный упадок во время Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.).

Тем не менее, правило акцессии, подтвержденное Стефаном Баторием в 1576 г., продержалось до разделов Речи Посполитой в 1773, 1793 и 1795 годах. Тогда право на недра польских земель стало зависеть от законов государств, которым достались эти земли. В части, отошедшей к Пруссии, вошли в силу горные постановления прусского общего земского права (*Allgemeines Landrecht*), в областях, доставшихся Австрии, стало действовать Горное положение императора Максимилиана II (1573 г.). Эти законы, по свидетельству специалистов, являлись «образцами полного развития регального права» и «горной свободы»⁷. В частях же, присоединенных к России (литовские и белорусские губернии), получили силу положения Манифеста Екатерины II от 28 июня 1782 г., даровавшей помещикам недра принадлежавших им земель⁸. Этот закон отменил действие введенной Петром I в 1719 г. «горной регалии» и сопряженной с ней «горной свободы» в России.

Новые перемены в законах об использовании недр последовали на части исторической территории Польши в начале XIX в., когда, по Тильзитскому трактату 1807 г., из польских владений Пруссии и Австрии образовалось Герцогство Варшавское. Здесь был распространен Гражданский кодекс Наполеона, в соответствии с которым, «собственность на землю включает в себя собственность на то, что находится сверху, и на то, что находится снизу». «В недрах земли собственник может предпринимать всякие сооружения и раскопки, какие заблагорассудит, и извлекать из этих раскопок все выгоды, какие они могут доставить, с соблюдением ограничений, вытекающих из горных законов и постановлений, а равно из законов и постановлений полицейских», — так звучал перевод статьи 552 этого Кодекса. Хотя в самой Франции в 1810 г. был издан новый горный закон, вводивший концессионное право, при котором правительству предоставлялась возможность отделения права собственности на недра в пользу выбранного им концессионера, в Герцогстве сохранялось правило акцессии. Оно было подтверждено Конституцией, данной Александром I, после присоединения Герцогства Варшавского к России по Венскому договору 1815 года. Российские законы, таким образом, не изменили давнее право польской шляхты на недра, дарованное ей королями в 1570-е годы. В соответствии с ним, право на поиск и разработку ископаемых принадлежало землевладельцу, который мог передать его постороннему лицу лишь по добровольному договору.

Однако необходимость подъема горной промышленности в землях Царства Польского, «обильно одаренных от природы подземными богатствами», потребовала корректировки законодательства. Как пояснял заведующий Горным департаментом Царства (действовал с

1826 г. в Варшаве) А.И. Антипов, «при проведении в 1815 г. границ в юго-западной части Царства в его состав вошли земли, которые по геогностическому строению составляли продолжение каменноугольных и рудоносных формаций, залегавших в соседственной области Пруссии — Верхней Силезии». Однако обладая богатыми минеральными ресурсами, эти земли значительно отставали в своем экономическом развитии от тех, где действовало регальное право на недра. Российские власти попытались возродить горную промышленность. Для этого «за неимением в крае частного горного промысла... правительство приступило к нему само», построив несколько металлургических заводов, впрочем, оказавшихся убыточными. В 1817 г. была предпринята попытка стимулировать горный промысел на частных землях посредством установления «горной свободы».

«Принимая во внимание, что в Царстве Польском находятся многочисленные следы меди, свинца, серебра и соли, равно, что в произведениях этих представляется существенная надобность и... они составляют часть общественного блага», по указу наместника от 6 мая 1817 г. землевладельцу было оставлено лишь «преимущественное право» на разработку открытых в его землях месторождений указанных полезных ископаемых «под условием предварительного возмещения издержек открывателя, или... предоставляя ему участие в предприятии в размере третьей доли». Если же землевладелец отказывался от разработки, то право на нее переходило к первооткрывателю, который в этом случае обязан был «предоставить землевладельцу участие в предприятии в размере третьей доли и сверх того 5% чистой от него прибыли, независимо от вознаграждения землевладельца, по особой оценке, за могущие находиться на данном участке строения». В случае если ни землевладелец, ни открыватель не были способны за свой счет организовать добычу минералов, это право переходило государству, которое могло вести разработку «своим непосредственным распоряжением» или через подрядчика⁹.

По заключению Антипова, указ 1817 г., «предоставив каждому производить поиски и разведки на владельческих землях», означал «признание минеральных ископаемых общественным благом», а горной промышленности Царства Польского — свободной для частного предпринимательства. Однако изложенные в нем правила не распространялись на главные минеральные богатства края — галмей (цинковая руда) и каменный уголь — и были крайне стеснительными для рудопромышленников. «Несоразмерно высокое» вознаграждение собственника и стало, по его мнению, причиной неудачи реформы 1817 г., не принесшей «ни малейшей пользы промышленности». За 53 года действия указа (до 1870 г.) не было выдано ни одного разрешения на поиски и разработку ископаемых посторонним лицам в частных имениях. Из предоставленных же 21 заявителю разрешений на разведки и 46 лицам — на разработку ископаемых в казенных землях ими воспользовались всего 5 чел., причем «размер вознаграждения был определен не по постановлению 1817 г., а по особым соглашениям горнопромышленников с казною». Только в 1840-е гг., констатировал заведующий, некоторые землевладельцы, в том числе купившие земли иностранцы, сами «обратились к устройству в южной части Царства Польского рудников и заводов». В результате, по

данным за 1864 г., «вся производительность частных предприятий» в царстве выразилась лишь в 7 млн пуд. каменного угля, 1 млн пуд. чугуна, 500 тыс. пуд. железа и 120 тыс. пуд. цинка (казенная промышленность дополнительно давала 6 млн пуд. угля, 500 тыс. пуд. чугуна, 345 тыс. пуд. железа и 60 тыс. пуд. цинка) ¹⁰.

Осознание «неудовлетворительности действующих узаконений по горной части» подтолкнуло к поискам новых решений. После подавления восстания 1863 г. началась подготовка реформ. Польские казенные заводы было предложено «обратить на путь частных предприятий», а на владельческие земли распространить «горную свободу» на «важнейшие ископаемые», облегчив условия вознаграждения землевладельца. Однако при обсуждении этого проекта «в высших правительственных установлениях он встретил немало возражений». Члены Учредительного комитета (образован в 1864 г. в Варшаве во главе с наместником для проведения реформ) и Комитета по делам Царства Польского (был тогда же организован в Санкт-Петербурге из высших чинов империи во главе с самим императором «для соблюдения надлежащей последовательности и единства направления» реформ; гласным стал в декабре 1866 г.) ¹¹ выступили за приватизацию казенных заводов (она началась в 1870 г. и продолжалась до 1914 г.), но «в пользу распространения на этот край общего закона империи о безусловном праве землевладельца на недра его земли», что и было закреплено высочайше утвержденным положением Комитета по делам Царства Польского 19 сентября 1865 года.

Однако возвращение к правилам акцессии показалось сомнительным после того как 19 февраля 1864 г. польские крестьяне стали собственниками своих наделов, а 28 октября 1866 г. горожане-хлебопашцы также были освобождены от домениальной зависимости ¹². Появление дополнительно 500 тыс. мелких землевладельцев, право собственности которых распространялось и на недра наделных земель, могло существенно усложнить организацию частного горного промысла в Польше.

Для разрешения возникших сомнений было признано необходимым «подвергнуть дело дополнительному местному исследованию», которое было возложено на уже упоминавшегося горного инженера Антипова. «Горнозаводская промышленность Царства Польского в отношении поземельного расположения окружающего его местного населения, — писал он, — находится в совсем иных условиях, нежели в империи. Горнозаводчик Царства Польского, взятый отдельно, имеет земельную дачу... в несколько раз меньшую, чем уральский заводчик средней величины. Население в польских горнозаводских имениях расположено так, что крестьяне по большей части поселены в самом месте разработок, где находятся или крестьянские усадьбы, или земли, поступившие в их собственность». Поэтому большая часть разрабатывавшихся рудников была «испещрена на поверхности узкими полосами крестьянских владений, величина коих у каждого крестьянина иногда не превышала полудесятины». Поскольку «искусственные границы поверхностных владений» совсем не соответствовали «протяжению подземных богатств», при безусловном праве владельца на недра они создавали «много препятствий для правильной и выгодной разработки рудников». «Если желательно поднять минеральные сред-

ства края развитием горного промысла, подобно соседней Силезии, до того состояния, чтобы залегающие в недрах его богатства... не оставались втуне, — заключал Антипов, — то, ввиду густоты населения и чрезвычайной дробности поземельных владений в Царстве Польском, а равно и характера месторождений важнейших минеральных ископаемых, следует признать, что общий закон империи о праве владельца поверхности на недра не применим в горном деле к местным особенностям этого края». Чтобы «развить горный промысел до того цветущего состояния, при коем он мог бы приносить существенную пользу стране и государству», руководитель регионального горного управления предлагал «к горной промышленности Царства Польского применить правила прусского горного законодательства», что означало введение «горной регалии» и «горной свободы»¹³.

Доклад заведующего, составленный в 1867 г., был «доведен до высочайшего сведения». «Прошу обратить на дело это особое внимание и представить мне соображения, чтобы не отставать нам от того, что делается по горному ведомству в соседстве нашем в Пруссии», — начертал на нем Александр II в январе 1868 г., санкционировав тем самым обсуждение насущного вопроса в Министерстве финансов, отвечавшем тогда за развитие всей российской промышленности. Там этим вопросом занимался сенатор В.М. Маркус, начальник Отдела по финансам Царства Польского, созданного при Министерстве финансов в 1866 году¹⁴.

Результатом стало представление министра финансов М.Х. Рейтерна в Комитет по делам Царства Польского, в котором отвергалось предложение о введении в Польшу (по примеру Пруссии) регального права на недра «ввиду того вреда, который приносит излишнее вмешательство правительства и чрезмерная регламентация в деле промышленности». Было также высказано предположение о том, что «процветание горной промышленности зависит по преимуществу от умственного и экономического развития страны и гораздо менее от того или другого основного начала, по которому определяется право собственности на недра земли».

По этим причинам следовало сохранить в силе ст. 552 Гражданского кодекса Наполеона и провозглашенное ею правило акцессии, действовавшее на территории Царства и соответствовавшее законам Российской империи. Главное влияние на развитие горного промысла, сочли в министерстве, оказывают не правила использования недр, а имевшиеся в стране формы землевладения: там, где распространена крупная земельная собственность (как в Англии и России), акцессия не становится серьезной преградой для развития промышленности; там же, где преобладает мелкая земельная собственность (как, например, в Бельгии и Франции), ради той же цели вводятся значительные ограничения для землевладельца в распоряжении недрами, порой даже такие, что «самое право на недра переходит всецело к правительству».

В Царстве Польском, где прежде «поземельная собственность сосредотачивалась в руках не более 10 тыс. собственников», в подобных ограничениях не было надобности, что подтверждалось и почти полным неприменением указа наместника 1817 года. Однако после крестьянской реформы положение изменилось. Как свидетельствовала статистика, наиболее богатые минеральными ресурсами террито-

рии Бендинского и Олькушского уездов большей частью перешли в собственность крестьян, горнорабочих и мещан, причем владения новых собственников ограничивались размером всего от $\frac{3}{4}$ до $\frac{1}{4}$ десятины. При таких условиях «правильная разработка пластов каменного угля, свинцового блеска и галмея в пределах земли одного собственника могла иметь место лишь в весьма немногих случаях». «Для образования горнопромышленного предприятия, производящего правильную разработку минеральных богатств, — утверждалось министерскими экспертами, — необходимы технические познания, более или менее значительный капитал и осушенное рудничное поле. Эти три условия могут соединиться в лице одного поземельного собственника лишь в виде исключения и тем реже, чем более распространена в крае мелкая собственность. Затруднительность же согласия целого ряда мелких собственников для отдачи земель их горнопромышленнику делает немыслимым успешное развитие... важнейших отраслей горной промышленности». Согласившись в этом смысле с оценками Антипова, эксперты предложили иной способ преодоления возникших трудностей: для развития горного промысла в Царстве Польском предлагалось «допустить возможность отделения землевладельцем недр своей земли от поверхности с образованием из последней особой недвижимой собственности» (это, как считалось, не противоречило принципу акцессии) и «установить правила для обязательного отчуждения земли и недр под рудничные площади для добычи каменного угля и галмея».

В целях недопущения «чрезмерной регламентации» и «ограждения частных интересов» было предложено упростить отвод площади под разработку, если он «испрашивался» собственником земли или другим предпринимателем с согласия собственника; в случае же несогласия землевладельца — «подчинить отвод тем же обрядам, каким подлежит принудительное отчуждение частной собственности на общественные надобности»¹⁵. По сути своей эти предложения улучшали не применявшиеся с 1817 г. правила горного предпринимательства в Царстве Польском, устраняя их выявившиеся недостатки.

Детализированные предложения были оформлены в проект нового горного закона, который прошел обсуждение в Комитете по делам Царства Польского и «без существенных изменений» был утвержден Александром II 16/28 июня 1870 года. Положение о разведках и отводах для горной добычи минеральных ископаемых в губерниях Царства Польского распространялось на Варшавскую, Калишскую, Келецкую, Ломжинскую, Люблинскую, Петроковскую, Плоцкую, Радомскую, Сувалкскую и Седлецкую губернии, то есть на всю территорию царства (включая 10 904 400 дес. частновладельческих и крестьянских земель)¹⁶.

Предварительно управление горной отраслью перевели из Варшавы в Санкт-Петербург, тем самым включив горный промысел в Польшу в компетенцию общеимперского органа. Рассмотрев представление Рейтерна об упразднении варшавского Горного департамента, Комитет по делам Царства Польского «нашел означенное предложение соответствующим своей цели» и утвердил его 5 мая 1870 года. В составе Горного департамента Министерства финансов появилось тогда новое Отделение польских горных заводов, а управления Западного и Восточного горно-административных округов царства стали подведом-

ственны Департаменту «на тех же основаниях, как подчинены ему подобные учреждения в прочих губерниях империи»¹⁷.

В соответствии с Положением, разведку и разработку месторождений минералов в землях казенных, институтских (принадлежали разным учреждениям) и частных (в том числе и майоратных) разрешалось вести не только собственникам земли, но и посторонним лицам с вознаграждением землевладельца за убытки. Основные полезные ископаемые (каменный уголь, галмей и свинцовую руду) допускалось разведывать и без соглашения с собственником земли, но с разрешения министра финансов, а отвод земли под горную разработку в таком случае требовал еще и санкции императора. Как было записано в законе, выдаваемый Горным департаментом акт об отводе образовывал из отводной площади, не превышавшей 500 тыс. кв. саженей, «новую, отдельную от поверхности земли, недвижимую собственность». Однако о таких правах, как возможность продажи участка или передачи его по наследству, не упоминалось. Горнопромышленник к тому же ограничивался не только условиями договора, но и некоторыми общими правилами. Так, если в течение года он не начинал разработку или добывал ежегодно менее 30 куб. саженей полезного ископаемого, отвод у него отбирался и по требованию землевладельца мог быть продан с публичных торгов.

Собственника земли обязали уступить получившему отвод горнопромышленнику и определенный участок на поверхности земли «для всякого рода строений и сооружений». При этом владелец отвода обязывался вознаградить землевладельца за отошедшие ему недра и поверхность земли или «по добровольному соглашению», или в административном порядке с участием экспертов. За поверхность земли закон устанавливал плату, равную «двойному количеству теряемого собственником ежегодного чистого дохода» от участка. При этом землевладелец в случае невозможности возвращения ему участка «в прежнем виде» мог требовать от горнопромышленника покупки участка «за капитальную его стоимость». Вознаграждение за пользование недрами при отсутствии договоренности устанавливалось в размере 1% ежегодной добычи угля и галмея и 0,5% — добычи прочих ископаемых. Надзор же за частной горной промышленностью на территории Царства Польского возлагался на двух окружных инженеров, непосредственно подчинявшихся Горному департаменту¹⁸.

Анализируя впоследствии созданную в Польше систему пользования недрами, чиновники Горного департамента, разбиравшиеся в нюансах горного права, соотносили ее с действующей во Франции и Бельгии концессионной системой, включавшей право казны произвольно выбирать лицо (концессионера), которому будет отдано в разработку открытое кем-либо месторождение. Именно на этот «недостаток» закона, выявившийся сразу же после его вступления в силу, стали обращать внимание горные деятели и горнопромышленники¹⁹. Горный совет, обсудив этот вопрос, рекомендовал «отдавать преимущество тому из соискателей отвода, которому, по удостоверению окружного инженера, принадлежало первенство открытия минерального ископаемого»²⁰.

Это дополнение было одобрено Комитетом по делам Царства Польского и утверждено императором 18 мая 1873 года²¹. Как свидетельствовали специалисты, «хотя министр... и мог по-прежнему от-

клонить ходатайство частных лиц об отводах... но основанием для такого решения являлся уже не административный произвол концессионной системы, а лишь удостоверенный надлежащим образом факт несоблюдения промышленником установленных законом правил». Такой, «правовой», порядок соответствовал горным законам Пруссии, но, как уже упоминалось, в отсутствие действовавшего там реального права на недра.

В публицистике введенный в Царстве Польском отход от принятых в Российской империи устоев порой объяснялся не только экономическими причинами, но и политическими мотивами. Так, член Горного совета, крупный уральский заводчик С.С. Абамелек-Лазарев писал в своем труде, изданном в 1909 г., что «после второго мятежа (имелось в виду Польское восстание 1863—1864 гг. — *Е.Н.*) правительство не стеснялось нарушать права польских помещиков... и в подражание прусскому горному закону было отнято от землевладельцев право распоряжения каменным углем, цинковой и свинцовой рудой за скупое вознаграждение». Однако, по свидетельству его критика, горного инженера С.И. Буковецкого, закон 1870 г. «принят... в обществе сочувственно и нельзя наметить выражений общественного мнения того времени, из которых можно бы было вывести заключение о том, что общество, а в частности землевладельцы, видели в горной реформе посягательство на свое право собственности». Причину этого он видел в том, что «горная свобода» не стала в Польше нововведением, а издавна являлась «фундаментом горного законодательства»²².

Анализируя же последствия введения новых правил, С.С. Абамелек-Лазарев замечал, что закон 1870 г. не столько стимулировал развитие горного дела (этому, по его мнению, больше способствовало строительство железных дорог), сколько стал «главной причиной мирного немецкого завоевания значительной части этой страны»²³.

Это подтверждают материалы общероссийского Съезда русских машино- и железозаводчиков, состоявшегося в апреле-мае 1875 г. в Санкт-Петербурге. Участвовавшие в его работе польские горнопромышленники жаловались, в частности, на конкуренцию со стороны силезских углепромышленников, «которые старались изыскивать всевозможные средства для воспрепятствования развитию горнозаводской промышленности в Привисленском крае», скупали перспективные площади, но не вели там разработку минералов. Они также просили распространить право свободной разработки месторождений не только на каменный уголь, галмей и свинцовую руду, но и на железные руды²⁴. Эти же пожелания звучали и на других съездах предпринимателей²⁵, особенно после того как 14 мая 1882 г. горнопромышленникам Царства Польского было разрешено учредить региональную представительскую организацию и собираться на съезды «для общих совещаний о положении горнозаводского промысла... и обсуждения мер к улучшению его»²⁶.

Следствием обнаруженных изъянов стало предпринятое горными властями совершенствование законодательства. Важным, с точки зрения охраны интересов польских и российских горнопромышленников, можно назвать именной указ от 24 декабря 1888 г., распространивший на горный промысел изданные 14 марта 1887 г. Временные правила относительно приобретения иностранцами в собствен-

ность, а также во временное владение и пользование, недвижимых имуществ в западных губерниях империи. Отныне иностранцам-горнопромышленникам и иностранным торговым и промышленным компаниям, владевшим землями в Царстве Польском, отвод площадей для добычи ископаемых мог производиться лишь в пределах принадлежавших им имений²⁷. Это лишало иностранцев (особенно развивавших там свой бизнес немецких предпринимателей) права занимать участки земель смежных владельцев и тем самым фактически выводило их из-под действия Положения о разведках и отводах для горной добычи минеральных ископаемых в губерниях Царства Польского 1870 года.

Само это Положение было пересмотрено в 1892 г. с целью устранения возникавших на практике «разного рода недоумений, неустрашимых властью министра», и «согласования его с изданными за истекшее двадцатилетие законами». Результатом редакционной работы стало утвержденное Александром III 28 апреля 1892 г. новое Положение о горном промысле в губерниях Царства Польского, заменившее собой законы 1870 и 1873 годов. По оценке чиновников Департамента, новое Положение отличалось «значительно большей полнотой и обстоятельностью, распространяя действие правил о принудительном отчуждении от землевладельца права разработки ископаемых, сверх каменного угля, галмея и свинцовой руды, еще и на железные руды», и упрощало получение разрешения на разведку и заявку месторождений, которые отныне осуществлялись не центральными органами, а местными окружными инженерами. Оно сохраняло в силе уже оформленные отводы недр и земель, но вносило некоторые дополнения в права и обязанности отводовладельца, в частности разрешало ему передавать отвод другим лицам, известив об этом окружного инженера и Горный департамент, «составлять Товарищества и участвовать в них».

Горнопромышленник обязывался «вести разработку отвода по правилам горного искусства, не затрудняя (физически или экономически) дальнейшей разработки того же или соседнего месторождения», а также соблюдать изданные к тому времени правила безопасности подземных работ. Уточнялось, что он ограничивался правом разрабатывать только те ископаемые, которые указаны в акте об отводе, а в случае прекращения работ без уважительной причины, по распоряжению министра, отвод мог быть «отобран» у него и выставлен на продажу или (если она не состоялась) «объявлен уничтоженным, а местность свободной для заявок на общем основании».

Сам же отвод на частных (без согласия владельцев) и майоратных (даже с согласия владельца) землях по-прежнему требовал санкции верховной власти. Был детализирован порядок подачи прошения об отводе, а его площадь сокращалась до 250 тыс. кв. саженой. Казна получила право промысла на владельческих землях «на тех же основаниях, как и частные лица, посторонние землевладельцу», а министр мог запрещать или ограничивать разведку и добычу ископаемых на «площади лесов защитных или охраняющих верховья и источники рек и их притоков или покрытых ценным лесом». Вводился также запрет на горный промысел отдельным категориям граждан («лишенным прав», белому духовенству и некоторым чинам горного ведомства). В новое Положение включили и уже действовавшие ограничения в отношении иностранцев²⁸. В 1893 г. Положение о горном

промысле в губерниях Царства Польского вошло в состав обновленного Горного устава России и с некоторыми незначительными дополнениями сохранялось там до конца имперского периода и создания независимого польского государства ²⁹.

В целом, оценивая введенные в Царстве правила для горных работ и связанные с этим ограничения частной земельной собственности, правоведы начала XX в. констатировали, что они лишь отчасти «колебали акцессионное начало нашего законодательства, охраняющего право вотчинника в распоряжении недрами». «Нет оснований считать горнопромышленника имеющим всегда право требовать принудительного отчуждения недр для разработки ископаемого», — полагали эксперты. Поводом для такого заключения служило базовое положение польского закона, сохранявшееся во всех его редакциях, о том, что «отвод площадей на чужих землях, без согласия собственника оных... производится не иначе, как с особого каждый раз Высочайшего разрешения, порядком, установленным для принудительного отчуждения недвижимых имуществ на государственную или общественную пользу». Эта важная оговорка делала необходимым «при представлении на уважение законодательной власти ходатайств горнопромышленников о принудительном отводе площадей... обусловить удовлетворение таковых ходатайств данными, которые указывали бы на общественное значение предприятия». По мнению экспертов, этого было вполне достаточно для того, чтобы избежать случаев неправомерного применения закона.

Кроме того, права землевладельцев ограничивались лишь возможностью отчуждения земель под разработку месторождений «важнейших ископаемых», к которым отнесли каменный уголь, свинцовую и цинковую руду, а затем и железную руду, что обуславливалось тем же мотивом «государственной и общественной пользы». Достижение этой цели обеспечивалось в законе введенной нормой ежегодной выработки, предупреждавшей возможность оставить рудник «втуне». На другие минералы правила принудительного отчуждения недр не распространялись.

«Порядок Высочайшего соизволения объяснялся тем, — предполагали эксперты, — что закон исходил, очевидно, из той мысли, что право собственника на принадлежащее ему недвижимое имущество, а с тем вместе и на недра земли, есть право настолько священное и неотъемлемое, что если собственник и может подлежать в оном ограничению в видах государственной или общественной пользы, то такое принудительное отчуждение недр должно быть обусловлено условиями, представляющими наивысшую гарантию соблюдения закона» ³⁰. Этой гарантией и выступала верховная власть, авторитет которой являлся безоговорочным.

Сомнительно, что Положение 1870 г. (как и Положение 1892 г.) ввело в российское законодательство и отдельное право собственности на недра, как первоначально задумывали его составители. Хотя в законе сохранилось упоминание о том, что «в силу акта об отводе, из отводной площади образуется новая, отдельная от поверхности земли, недвижимая собственность», но промышленник при этом оказывался временным владельцем отвода, ограниченным как условиями договора, так и обязательством безостановочной разработки рудника.

Владение недрами, таким образом, обуславливалось существенными ограничениями, не характерными для права собственности и отчасти напомиравшими посессионное право.

Тем не менее, со времени введения новых правил в Царстве Польском горная промышленность стала развиваться значительно быстрее, чем раньше. Не все специалисты, как уже упоминалось, напрямую связывали эти явления, однако даже ярый противник «горной свободы» уральский заводчик Абамелек-Лазарев, не мог не отметить, что за 30 лет ее действия в Царстве Польском добыча угля, например, выросла в 14 раз³¹. Современники отмечали также рост «до небывалых размеров» добычи цинковых руд³². Отсутствие научного анализа правоприменительной практики нового горного законодательства для Царства Польского не позволяет сделать однозначный вывод о том, что именно оно послужило причиной бурного развития промышленности. Однако известно, что некоторым теоретикам и специалистам, а также горнопромышленникам динамично развивавшегося Южного района, действовавшие в Царстве Польском правила пользования недрами представлялись вполне реальной перспективой и для частновладельческих земель основной территории Российской империи (на казенных землях «горная свобода» на все минералы действовала с 1887 года)³³.

Так, в 1909 г. крупнейший специалист горного права А.А. Штоф предложил Проект главных оснований нового закона о горной промышленности в России, образцом для которого послужило действовавшее Положение о горном промысле в губерниях Царства Польского. «Для того чтобы богатства недр не лежали втуне, а приносили пользу народному хозяйству», полагал авторитетный автор, необходимо было как можно скорее «устранить препятствия, встречаемые горнопромышленником со стороны землевладельца». Отмена акцессии и передача права собственности на недра государству рассматривались им как меры настолько жесткие по отношению к землевладельцу, что об этом не могло быть и речи. Нереальным представлялся и выкуп недр у землевладельцев по причине невозможности провести их объективную оценку. Не предупреждало «произвола землевладельца», по его мнению, и раздробление земельной собственности с выделением отдельного права собственности на недра. (Такие предложения звучали в то время).

«Остается встать на тот путь, — размышлял правовед, — который уже испытан нашим законодательством по отношению к губерниям Царства Польского, а именно: сохранив за землевладельцем право собственности на недра его земли, обязать его в известных случаях уступить это право постороннему лицу за установленное законом вознаграждение, получаемое... по мере добычи ископаемого. Если при этом определить в точности законом же как условия, при которых наступает действие такого ограничения права землевладельца в пользу горнопромышленника, так и отношение этого последнего к землевладельцу и к государству, то получится горный закон такого же характера, как Бергпривилегия Петра Великого (но без провозглашенной ею «горной регалии») и как действующий у нас в губерниях Царства Польского и в большинстве континентальных государств Европы»³⁴.

Продолжавшиеся споры и начавшаяся вскоре мировая война, а затем и революция не позволили реализоваться этому и другим проектам реформирования основ горного законодательства Российской им-

перии по образцу законов Царства Польского — одного из немногих регионов империи со специфическими правовыми условиями для развития стратегически важной горнозаводской промышленности. За вековую историю горные законы, действовавшие на территории Царства Польского, прошли путь от простой акцессии (1815—1817) к акцессии с провозглашенной, но фактически неиспользуемой «горной свободой» (1817—1870), а затем — до акцессии с «горной свободой» и концессионным правом (1870—1873) и сменившим ее правом первооткрывателя (1873—1917). Большую часть истории Царства Польского правовые условия развития там горного промысла отличались от порядков, действовавших на основной территории империи, и были более близки горным законам соседних с Польшей западноевропейских государств.

Примечания

1. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 37, оп. 67, д. 457, л. 8.
2. ХОРОШЕВСКИЙ В.В. Исторический и статистический обзор развития горнозаводской промышленности в Царстве Польском вообще, и в Западном горном округе в особенности. — Горный журнал. 1874, № 1/2, с. 114.
3. БУКОВЕЦКИЙ С.И. Горная свобода. — Горный устав. 1910, № 10, с. 390.
4. ХОРОШЕВСКИЙ В.В. Ук. соч., с. 115.
5. Там же, с. 391.
6. Там же, с. 116.
7. ГРАММАТЧИКОВ В.А. Горное законодательство и горная администрация Англии, Бельгии, Франции, Австрии и Пруссии. СПб. 1870; ШТОФ А.А. Горное право. Сравнительное изложение горных законов, действующих в России и в главнейших горнопромышленных государствах Западной Европы. СПб. 1896, с. 34—39.
8. Полное собрание законов (ПСЗ-1), т. 21, № 15 447.
9. РГИА, ф. 37, оп. 67, д. 457, л. 9—11.
10. Представление заведующего Горным департаментом Царства Польского горного инженера статского советника Антипова заведующему Финансовым управлением Царства от 22 октября 1867 г. Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. 13, ч. 4, прил. XII, с. 7—9.
11. ПСЗ-II, т. 41, № 43 924.
12. Там же, т. 39, № 40 609—40 612; т. 41, № 43 788.
13. Представление заведующего Горным департаментом Царства Польского..., с. 31—32.
14. ПСЗ-II, т. 41, № 43 218.
15. РГИА, ф. 37, оп. 67, д. 457, л. 12—22.
16. АБАМЕЛЕК-ЛАЗАРЕВ С.С. Вопрос о недрах и развитие горной промышленности с 1808 по 1908 г. Ч. 1. СПб. 1909, с. 117.
17. ПСЗ-II, т. 45, № 48 322.
18. Там же, № 48 499.
19. ШТОФ А.А. Ук. соч., с. 51; РГИА, ф. 37, оп. 7, д. 464, л. 248—260.
20. РГИА, ф. 37, оп. 67, д. 457, л. 26—27.
21. ПСЗ-II, т. 48, № 52 288.
22. БУКОВЕЦКИЙ С.И. Ук. соч., с. 400.
23. АБАМЕЛЕК-ЛАЗАРЕВ С.С. Ук. соч., с. 39—45.
24. Смесь. — Горный журнал. 1875, № 6, с. 350—401; № 7/8, с. 218—253.
25. ИОССА Н.А. Заключение съезда заводчиков, созванного Департаментом железных дорог весной текущего 1880 г. — Горный журнал. 1880, № 10, с. 113—138.
26. ПСЗ-III, т. 2, № 876.
27. Там же, т. 7, № 4286; т. 8, № 5664.
28. Там же, т. 12, № 8545.
29. Собрание законов (СЗ) 1893 г. Т. 7, разд. 2, гл. 2, ст. 334—415.
30. РГИА, ф. 37, оп. 67, д. 457, л. 2—7об.
31. АБАМЕЛЕК-ЛАЗАРЕВ С.С. Ук. соч., ч. 1, с. 53.
32. ЗГЛЕНИЦКИЙ В.К. О состоянии железной промышленности в Царстве Польском и необходимых мерах для ее развития. — Горный журнал. 1886, № 5, с. 350—351.
33. ПСЗ-III, т. 7, № 4521.
34. ШТОФ А.А. По проекту главных оснований нового закона о горной промышленности добывающей. — Горный журнал. 1909, № 10, с. 81—113.

Социальный состав участников битвы при Барнете 14 апреля 1471 г.

А.Г. Праздников

Аннотация. Объектом изучения данной публикации является социальный состав участников битвы при Барнете 14 апреля 1471 года. На основании источников (писем современников, хроник, Парламентских Свитков) реконструированы имена 47 человек. Среди них — лорды, рыцари, сквайры, йомены. Кто-то являлся давним сторонниками Йорков и Ланкастеров, но большинство принимали участие в Войнах Роз впервые. Лишь четыре человека изменили своей прежней «партии».

Ключевые слова: Войны Роз, Ланкастеры и Йорки, социальный состав участников.

Abstract. The social composition of participants of the battle of Barnet 14 April 1471 is the object of the publication. The names of 47 people were reconstructed on the basis of the sources (letters of contemporaries, chronicles, Parliamentary Rolls). There were the lords, knights, squires, yeomen. Some of them were longstanding supporters of House of York or House of Lancaster, but most took part in the Wars of the Roses for the first time. Only four people changed their previous “party”.

Key words: the Wars of the Roses, House of Lancaster, House of York, social structure of the participants.

В историю социально-политический конфликт в Англии второй половины XV в. вошел под названием «Войны Роз», или, как долгое время его было принято именовать в отечественной историографии, Войны Алой и Белой розы. Политическая история этих событий привлекает внимание профессионалов, начиная с XIX в., и изучена довольно подробно, чего нельзя сказать об их социальной составляющей. В основном предпринимаются попытки дать общую характеристику происходящих в обществе за тридцать с лишним лет изменений, однако им либо не хватает конкретики, либо же приводимые факты имеют иллюстративный характер, показывая, по мнению авторов, наиболее яркие примеры значимых социальных феноменов. Преодолеть сложившееся противоречие между событийной историей войн и рас-

---

Праздников Андрей Геннадьевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Вятской государственной сельскохозяйственной академии. E-mail: andrei-selek@mail.ru.

Prazdnikov Andrey G. — candidate of historical sciences, docent, holder of the chair of the Vyatka State Agricultural Academy. E-mail: andrei-selek@mail.ru.

смаатриваемыми на их основе тенденциями общественного развития может подробное изучение фактов участия в них конкретных представителей сословных или реальных групп, что становится возможным благодаря просопографическому методу.

Исходя из того, что ключевыми событиями Войн Роз, были сражения, изучается социальный состав их участников с целью выявления социальных связей, мотивов и моделей поведения. В данной работе мы остановимся на одном из ключевых событий конфликта — битве при Барнете.

Большинство англо-американских историков считает события 1471 г. завершением важного этапа конфликта Войн Роз, приведшего к окончательному свержению династии Ланкастеров¹. Профессор Энтони Поллард вообще полагает целесообразным говорить о двух Войнах Роз: о войне 1455—1471 гг. между Ланкастерами и Йорками и о войне 1483—1485 гг. между Йорками и Тюдорами. Если первая была продолжением политического кризиса 1450-х гг., то вторая изначально являлась не более чем династической борьбой².

Эдуард IV, первый представитель династии Йорков, утвердился на престоле в 1461 г., свергнув Генриха VI Ланкастера. Однако с середины 1460-х гг. наметился раскол в самом лагере йоркистов, связанный с противостоянием двух знатных родов — Невиллей, главных союзников Эдуарда на этапе борьбы за трон, и Вудвиллей, родственников королевы Елизаветы (вдовы бывшего ланкастерца, с которой монарх вступил в тайный брак). Обострение произошло в 1469 г., когда противостояние привело к вооруженному столкновению. По приказу Ричарда, графа Уорика, главы Невиллей, были казнены отец и один из братьев королевы. Кроме того, графу удалось заручиться поддержкой одного из братьев короля, герцога Джорджа Кларенса, ставшего его зятем. Амбициозный герцог был раздражен плодовитостью представительницы рода Вудвиллей, что грозило отодвинуть его в очереди наследников трона на слишком далекое место.

В 1470 г. Уорик и Кларенс были вынуждены бежать во Францию, где при посредничестве короля Людовика XI Ричард Невилль заключил союз со своим давним врагом — женой плененного в Тауэре Генриха VI Маргаритой Анжуйской — для свержения Эдуарда IV. Договор был скреплен браком сына Генриха и Маргариты принца Эдуарда и младшей дочери графа Уорика Анны. Людовик XI предоставил графу оружие, людей и флот для вторжения в Англию³.

В сентябре Уорик и Кларенс высадились в Девоншире в сопровождении группы английских дворян-эмигрантов, и прежде всего графов Оксфорда и Пембрука⁴. К ним сразу начали стягиваться сторонники: например, присоединились граф Шрусбери и лорд Стэнли⁵. В этот момент Эдуард IV находился на севере, подавляя мятеж мужа сестры графа Уорика⁶. Узнав о случившемся и поняв, что Уорик находится в более выигрышном положении, Эдуард принял решение бежать из страны. На трех кораблях он уплыл к брату своей сестры — герцогу Бургундскому Карлу Смелому. С ним было от 700⁷ до 2 тыс. человек⁸.

Когда Уорик подошел к Лондону, предместья столицы находились в руках кентских повстанцев. Граф начал с того, что подавил мятеж. 13 октября Генрих VI был освобожден из Тауэра и препровожден во дворец лондонского епископа⁹.

В марте Эдуард отплыл из Флишинга в Зеландии на 17 или 18 кораблях¹⁰. О численности его армии в источниках содержатся противоречивые сведения: 1 тыс. чел.¹¹, 1,5 тыс. чел.¹², 2 тыс. человек¹³. Последние цифры выглядят более правдоподобными в сравнении с тем количеством людей, которые прибыли с Эдуардом из Англии, однако они принадлежат историкам XVI в., а не современникам описываемых событий. Хронист Уоркуорт говорит о 900 англичанах и 300 наемных фламандских мушкетерах¹⁴. Исходя из этого, можно предположить, что из Англии с Эдуардом прибыло не более 700—800 солдат, остальные сопровождающие были слугами. Тогда благодаря поддержке герцога Бургундского ему удалось увеличить их количество в 1,5—2 раза. Слишком же большое, по сравнению с этой армией, количество кораблей объясняется тем, что 14 из них были ганзейскими судами, которые должны были лишь сопровождать флот и находиться в течение 15 дней у побережья на тот случай, если вторжение не увенчается успехом¹⁵.

14 марта Эдуард IV высадился в Рейвенспере в Йоркшире. Местное население отнеслось к нему враждебно¹⁶, Кингстон-на-Гулле отказался его впустить¹⁷, а Йорк открыл ворота, чтобы пропустить армию Эдуарда, лишь после того, как тот заявил, что не имеет притязаний на английский престол, а только хочет вернуть наследство своего отца¹⁸.

Впервые после высадки Эдуард получил поддержку англичан, лишь достигнув Уэйкфилда 20 марта¹⁹, а особенно в Ноттингеме, куда он пришел 23 марта и где к нему начали присоединяться отряды рыцарей. Видимо, именно в Ноттингеме численность армии Эдуарда достигла 2 тыс. чел., что позволило ему открыто объявить себя королем Англии и Франции²⁰.

Переломным моментом, существенно усилившим позиции Эдуарда IV, стало его воссоединение с мятежным братом, герцогом Джорджем Кларенсом. Восстановление на престоле Ланкастеров не отвечало интересам герцога, так как это делало его шансы когда-либо унаследовать корону еще более иллюзорными. Поэтому 3 апреля в Банбери он присоединился к старшему брату (4 тыс.²¹, 7 тыс.²² или даже 12 тыс. чел.²³), что стало возможным благодаря посредничеству их матери, сестер и представителей высшего духовенства.

Теперь у Эдуарда было достаточно сил для того, чтобы идти в Лондон, куда он и вошел 11 апреля. Тут его силы в третий раз значительно возросли, так как теперь уже многочисленные сторонники стали стекаться под знамена вернувшегося в свою столицу монарха. Некоторые из них покинули церковные убежища, другие были освобождены из-под ареста, кто-то прибыл из юго-восточных графств²⁴. Уоркуорт говорил, что в столице армия короля возросла до 7 тыс. чел.²⁵, а по словам автора «Истории возвращения Эдуарда IV в Англию» в последовавшей 14 апреля битве при Барнете силы йоркистов составляли 9 тыс. человек²⁶.

Поняв, что подкрепления ждать больше неоткуда, граф Уорик двинулся вслед за Эдуардом IV. Битва между ними произошла в пасхальное воскресенье 14 апреля 1471 года. Источники называют невероятно преувеличенную численность армии ланкастерцев — 20 тыс.²⁷ или даже 30 тыс. человек²⁸. Еще находясь в Ковентри, граф Уорик

получил все возможное подкрепление в виде восточного и северного ополчений, но часть набранных войск уже должна была быть рассеяна в результате колебаний и отступлений командующих. В произошедшей битве граф Уорик и маркиз Монтегю были убиты, граф Эксетер тяжело ранен, а граф Оксфорд бежал.

Одно из наиболее ранних и подробных описаний битвы и предшествовавших ей событий встречается в письме немецкого купца Герхарда фон Везеля, жившего в Стальном Дворе в Лондоне, и сообщившего новости из Англии в Мюнхен 17 апреля 1471 года ²⁹.

Следующим днем, 18 апреля, датировано другое письмо, написанное сэром Джоном Пастоном его матери Маргарет ³⁰. Пастоны являлись норфолкской дворянской семьей, ставшей знаменитой благодаря хорошо сохранившемуся эпистолярному наследию. В письме сообщается, что два брата (оба Джоны) участвовали в битве, а младший даже был ранен стрелой в руку, а также упоминаются имена еще девяти человек. Ценность источника связана с тем, что это единственное описание, сделанное непосредственным участником сражения.

В период Войн Роз получила распространение практика объявлять в парламенте государственными изменниками представителей проигравшей стороны. Битва при Барнете не стала исключением: сохранились «Парламентские свитки» 1472 г. (описание работы парламента и принимаемых в нем решений, которые составлялись секретарями), в которых сообщалось о лишении имущественных и личных прав за участие в ней семерых человек ³¹.

Среди хроник, сообщающих о битве, для нас наиболее важными стали четыре, так как только в них упомянуты не только имена командующих баталиями, но и «рядовых» участников. Наиболее близка по времени к битве «История возвращения Эдуарда IV в Англию» ³². Она написана человеком из его окружения вскоре после восстановления Эдуарда IV на троне. Возможно, ее автором был светский клерк Николас Хэрсфилд ³³. Еще одна хроника названа по имени Джона Уоркуорта, мастера колледжа Св. Петра в Кембридже в 1473—1498 гг., так как написана либо им самим, либо для него ³⁴. Она появилась где-то между 1478 и 1483 годом. Позднее, уже в начале XVI в., была написана анонимная хроника «Vitellius A XVI» ³⁵. Еще двух дворян, не упомянутых в других источниках, называет автор XVI в. Эдуард Холла (его хроника написана в 1532 г. или чуть позже) ³⁶. Следует отметить, что многие места в хрониках и историях рубежа XV — начала XVI в. являются пересказом или прямым цитированием ранних авторов.

Источники донесли до нас имена 47 участников битвы при Барнете, из которых 30 чел. были йоркистами, 17 чел. — ланкастерцами. Необходимо оговориться, что в некоторых произведениях сообщаются имена лиц, которые сопровождали Эдуарда IV в его пути из Фландрии или присоединились к нему в Англии. Хотя они не названы среди непосредственных участников битвы (в источниках упоминаются имена лишь командующих и погибших, а они ни к тем, ни к другим не относились), не трудно предположить, что и они были на поле боя. В любом случае, они являлись активными участниками политической борьбы в 1471 году.

Среди них были 3 герцога, маркиз, 4 графа, виконт и 12 лордов. Большинство (16 чел.) поддерживали Эдуарда IV. Сам король вместе с герцогом Джорджем Кларенсом взял на себя командование центром, их младшему брату герцогу Ричарду Глостеру и лорду Гастингсу были поручены правый и левый фланги соответственно. Из Фландрии вместе с Эдуардом IV вернулся и, согласно одной из хроник, был ранен в сражении Энтони Вудвилль, граф Риверс, брат королевы Елизаветы. Значительную поддержку Йоркам с самого начала Войн Роз оказывали многочисленные представители рода Буршье: Генри Буршье, граф Эссекс, женатый на тетке Эдуарда IV; его сыновья Уильям, лорд Буршье, Хамфри, лорд Кромвель, и сэр Томас Бурше; брат Джон Буршье, лорд Бернерс; племянник сэр Томас. Также в рядах королевской армии были Уильям Финнс, лорд Сэй и Сил, йоркист как минимум с 1460 г., прибывший с Эдуардом IV с континента; Уолтер Деверьё, лорд Феррерс, сражавшийся за Йорков уже в четвертой битве; Уолтер Блаунт, лорд Маунтджой, в прошлом человек графа Уорика, не пожелавший, однако, выступить вместе с ним против короля; лорд Джон Говард, еще до прибытия Эдуарда IV в Лондон объявивший его королем в Норфолке ³⁷; Томас Фицалан, лорд Малтреверс, сын графа Эрандела; лорд Энтони Грей Ратин, сын графа Кента; Джон Стаффорд, граф Уилтшир, сын герцога Бакингема, командовавшего армией Ланкастеров и погибшего в битве при Нортгемптоне в 1460 г.; Галлиард де Дурфорт, лорд Дурас, французский аристократ на службе у английского короля, лишь единожды в этот раз поддержавший его с оружием в руках.

Поддержку дому Ланкастеров в битве при Барнете оказали пять представителей светской аристократии. Рядом с Ричардом Невиллем, графом Уориком, сражался его брат Джон, маркиз Монтегю, оба они пали в бою. Флангами командовали истинные ланкастерские лорды: левым — Генри Холланд, герцог Экзетер, последовательный и верный сторонник Ланкастеров, эмигрировавший после их поражения на континент и вернувшийся только в период реставрации Генриха VI; левым — Джон де Вер, 13-й граф Оксфорд (его отец, 12-й граф Оксфорд, и старший брат были казнены Эдуардом IV за участие в заговоре в 1462 году ³⁸). Вместе с графом Оксфордом из-под Тьюксбери бежал другой истинный ланкастерец, сражавшийся еще при Таутоне, виконт Уильям Бомон.

Представителями среднего и низшего дворянства были 20 известных участников битвы (17 рыцарей и 3 сквайра). Все упомянутые рыцари-йоркисты (12 чел.) являлись знаменитыми людьми. Это упомянутый выше сэр Томас Буршье; сэр Томас Бург, человек короля в Линкольншире ³⁹; сэр Хамфри Буршье из Кента, тезка и кузен лорда Кромвеля (также как и он погибший в битве); сэр Роберт Чэмберлен и сэр Гилберт Дибинхэм из Саффолка, прибывшие с Эдуардом IV из Фландрии; сэр Джеймс Хэррингтон из Йоркшира (шериф графства в 1466 г. ⁴⁰), верный сторонник Йорков с 1459 г., сын сэра Томаса Хэррингтона, погибшего в 1460 г. в битве при Уэйкфилде вместе с герцогом Ричардом Йорком; сэр Томас Монтгомери из Эссекса, рыцарь-телохранитель Эдуарда IV и его стольник с 1461 г., оружейник Тауэра ⁴¹; сэр Уильям Норрис из Беркшира, женатый на сестре графа Оксфорда; сэр Уильям Парр из Уэстморленда, сын сэра Томаса Пар-

ра, выступавшего на стороне Йорков в трех битвах; сэр Уильям Стэнли, брат лорда Томаса Стэнли, который сражался под началом графа Солсбери (отца графа Уорика) при Блор Хит в 1459 г., за что был лишен прав ⁴²; сэр Ральф Гастингс, брат лорда Гастингса, во время Реставрации Генриха VI скрывавшийся в убежище Св. Иоанна в Колчестере; сэр Генри Стаффорд, брат графа Уилтшира, сражавшийся десять лет назад за Ланкастеров, но поддержавший Эдуарда IV.

Среди пяти рыцарей-ланкастерцев, наверное самым известным был Джон Пастон I (вместе со своим братом Джоном Пастоном II, еще не прошедшим посвящение) из Норфолка. Также под началом графа Оксфорда были два его младших брата — сэр Джордж де Вер и сэр Томас де Вер. Кроме того в числе погибших были сэр Джон Лююис и сэр Уильям Тирелл из Эссекса. В целом, по мнению Дэвида Граммита, Уорику не хватило поддержки знати и землевладельческого класса, не доверявших риторике графа и не веривших в эффективность Генриха VI ⁴³.

Помимо рассмотренных представителей нобилитета и дворянства, среди участников битвы в источниках назван один йомен и четверо лиц без указания их социального статуса. В отличие от других сражений Войн Роз, не встречается имен представителей духовенства и горожан.

Что касается мотивов поведения всех перечисленных лиц, то большинство из них следовали единожды сделанному выбору. Всех вставших в тех условиях под знамена Эдуарда IV можно считать верными йоркистами, так как исход борьбы ни до, ни после битвы еще не был предрешен, а события прошлого года показали, что все они могут оказаться в числе изгнанников и эмигрантов. Однако в 1471 г. среди них можно выделить две группы. Во-первых, это приверженцы Йорка, которые уже не раз доказывали свою преданность на поле боя, участвуя в сражениях за Белую Розу от двух до четырех раз, как показали предшествующие исследования. Помимо самого Эдуарда IV, ветерана семи битв Войн Роз, начиная с 1455 г., эта группа включает 10 человек. Еще 17 известных нам участников сражались на стороне короля впервые. Для некоторых из них это связано с возрастом (например, для 18-летнего младшего брата короля, Ричарда, бывшего ребенком и подростком во времена предыдущих сражений), однако большинство сознательно ранее не желало участвовать в борьбе. В более ранних битвах доля таких лиц также достаточно велика и составляет почти половину среди известных нам участников сражений. Это говорит о том, что большинство дворян не желали рисковать своим положением в эпоху перманентного кризиса, делая выбор лишь в крайнем случае, как это было и в 1471 году. Среди ланкастерцев ситуация еще более красноречивая: если для герцога Экзетера это была пятая битва на стороне Алой Розы, а для виконта Бомона вторая, то для остальных лишь первая.

Изменили свою приверженность только четыре человека: герцог Кларенс, граф Уорик, маркиз Монтегю и сэр Генри Стаффорд — мотивы их действий были рассмотрены выше. Таким образом, нарушение верности и измена не являлись нормой на данном этапе Войн Роз. Даже в условиях политического кризиса большинство дворян придерживалось устоявшихся норм поведения, преобладающими среди которых были вассальная верность и здравомыслие.

Примечания

1. MOWAT R.B. The Wars of the Roses 1377—1471. London. 1914; ROSS C. The Wars of the Roses. London. 1976; MCFARLANE K.B. The Wars of the Roses. In: England in the Fifteenth Century. London. 1981, p. 240; GILLINGHAM J. The Wars of the Roses: Peace and conflict in Fifteenth century England. Baton-Rouge. 1981; GOODMAN A. The Wars of the Roses: Military activity and English society (1452—1497). London. 1981; HICKS M. The Wars of the Roses: 1455—1485. Osprey Publishing. 2003, p. 7—8; GRUMMITT D. A Short History of the Wars of the Roses. London. 2013.
2. The Wars of the Roses. London. 1995, p. 3—4.
3. WARKWORTH J. Chronicle of the First thirteen Years of King Edward the Fourth. London. 1839, p. 9—10; Three Books of Polydore Vergil's English History. London. 1844, p. 131; HALL E. Chronicle of Lancaster and York. London. 1809, p. 281.
4. Three Books of Polydore Vergil's English History, p. 132.
5. HALL E. Op. cit., p. 285.
6. Chronicles of London. Oxford. 1905, p. 181; FABIAN R. The New Chronicles of England and France. London. 1811, p. 658.
7. ФИЛИПП ДЕ КОММИН. Мемуары. М. 1986, с. 100; HALL E. Op. cit., p. 283.
8. Ingulph's Chronicle of the Abbey of Croyland. London. 1854, p. 462.
9. Chronicles of London, p. 182; FABIAN R. Op. cit., p. 659.
10. ФИЛИПП ДЕ КОММИН. Ук. соч., с. 104; HALL E. Op. cit., p. 290.
11. FABIAN R. Op. cit., p. 660.
12. Ingulph's Chronicle of the Abbey of Croyland, p. 463.
13. Three Books of Polydore Vergil's English History, p. 136; HALL E. Op. cit., p. 290.
14. WARKWORTH J. Op. cit., p. 13.
15. ФИЛИПП ДЕ КОММИН. Ук. соч., с. 104.
16. WARKWORTH J. Op. cit., p. 13—14.
17. The Chronicles of the White Rose of York. London. 1845, p. 40.
18. WARKWORTH J. Op. cit., p. 14.
19. The Chronicles of the White Rose of York, p. 45.
20. WARKWORTH J. Op. cit., p. 14.
21. The Chronicles of the White Rose of York, p. 50.
22. WARKWORTH J. Op. cit., p. 15.
23. ФИЛИПП ДЕ КОММИН. Ук. соч., с. 105.
24. KLEINEKE H. Gerhard von Wesel's Newsletter from England, 17 April 1471. — The Ricardian. 2006, vol. 16, p. 8—9.
25. WARKWORTH J. Op. cit., p. 15.
26. The Chronicles of the White Rose of York, p. 67.
27. WARKWORTH J. Op. cit., p. 15.
28. The Chronicles of the White Rose of York, p. 65.
29. KLEINEKE H. Op. cit.
30. Paston Letters. London-Exeter. 1904, vol. 5, p. 99—100.
31. Rotuli Parliamentorum. London. 1832, vol. 6, p. 144.
32. The Chronicles of the White Rose of York, p. 37, 46.
33. HICKS M. The Second Anonymous Continuation of the Crowland Abbey Chronicle 1459—86 Revisited. — English Historical Review. 2007, vol. CXXII, no. 496, p. 359.
34. WARKWORTH J. Op. cit., p. 14—17.
35. Chronicles of London. Oxford. 1905, p. 184.
36. HALL E. Chronicle of Lancaster and York, p. 292.
37. Paston Letters, vol. 2, p. 423.
38. Chronicles of London, p. 177; Three Fifteenth century Chronicles. London. 1880, p. 78.
39. STREY R.L. Lincolnshire and the Wars of the Roses. — Nottingham Medieval Studies. 1970, vol. 14, p. 71—72.
40. Calendar of Fine Rolls. Vol. 20 (1461—1471). London. 1939, p. 191.
41. Calendar of the Patent Rolls. Edward IV (1461—1467). London. 1897, p. 23, 124—125.
42. Rotuli Parliamentorum, vol. 5, p. 349—350.
43. GRUMMITT D. Op. cit., p. 95.

Служба сербов в Российской империи в XVIII—XIX вв.

М.П. Атлагич, Д.М. Элезович

Аннотация. Сербско-русские культурные и политические связи активно развиваются. Сербь всегда считали Россию своим вторым Отечеством, а русских — народом, близким им по культуре и традициям. Жизнь видных представителей сербской аристократии в России наглядно это демонстрирует.

Ключевые слова: Российская империя, сербы, Савва Рагузинский-Владиславич, Марко Иванович Войнович, Михаил Андреевич Милорадович.

Abstract. Serbian-Russian cultural and political relations improved to the present time. Serbian had always considered Russia as a kind of second homeland and the russians as people extremely close to them when it comes to culture and tradition. Life of prominent representatives of the serbian aristocracy in Russia show it clearly.

Key words: Russian Empire, serbs, Sava Vladislavich-Raguzinsky, Marko Ivanovich Voinovich, Mikhail Miloradovich.

Сербско-русские культурные и политические связи, зародившиеся еще в средние века, приобрели особо важное значение в новое время. Миграция сербов в Россию значительно расширилась в начале XVIII века. В некотором роде они всегда считали Россию своим вторым Отечеством и государством-покровителем, а русских — народом, близким по происхождению, культуре, вере и традициям. Встречались среди приехавших в Россию и те, кто сумел подняться высоко вверх по ступеням социальной лестницы российского общества. Среди них были полководцы, дипломаты, мореплаватели, ученые. Они заняли видное место не только в истории России и Сербии, но и в русско-сербских отношениях, придав им братский характер. Некоторые из них были в России переселенцами, как, к примеру, Георгий Арсеньевич Эмма-

---

Атлагич Марко — доктор исторических наук, профессор Приштинского университета (Косовска-Митровица). E-mail: atlagicmarko@gmail.com; *Элезович Далибор* — доктор исторических наук, доцент Приштинского университета (Косовска-Митровица). E-mail: dalibor.elezovic@pr.ac.rs.

Atlagic Marko — doctor of historical sciences, professor, University of Prishtina with temporary Head Office in Kosovska Mitrovica. E-mail: atlagicmarko@gmail.com; *Elezovic Dalibor* — doctor of historical sciences, assistant professor, University of Prishtina with temporary Head Office in Kosovska Mitrovica. E-mail: dalibor.elezovic@pr.ac.rs.

нуэль. В то время сербы направлялись в Новороссию — территорию, освобожденную от турок и крымских татар на южной границе Российской империи ¹.

Сербом, достигшим в России самых высоких государственных чинов и оставившим заметный след в русской истории, был Савва Рагузинский-Владиславич (1668—1738 гг.), который, приехав в Россию, поступил на службу к Петру Великому ². Родом Владиславич был из герцеговинской княжеской семьи, переселившейся под давлением турок в Дубровник, из-за чего и получила свою фамилию — Рагузинские (в Средние века Дубровник называли Рагузой). Там Савва изучал морское дело и получил высшее образование в иезуитских католических школах, дополнив его позже изучением экономики в Испании и Франции. Затем он уехал в Царьград, где занимался торговлей и налаживанием международных связей. Столпом русской православной церкви на Ближнем Востоке в то время был иерусалимский патриарх Досифей (1641—1707 гг.), который представил Владиславича Емельяну Украинцеву и Василию Голицыну.

В 1702 г. в Азове Владиславич познакомился с Петром I. Описывая Россию того времени, неизвестный хроникер писал, что Пётр Великий «превратил свое царство в развитую державу, подобную тем, которые он посещал. Преобразовал культуру, войско, морское дело». Император помогал и сербам: в ответ на просьбу Владиславича в начале XVIII в. он послал в Сремски-Карловцы книги: первую грамматику и буквари, которые привез с собой учитель Максим Суворов ³.

Вскоре Владиславич вернулся в Царьград уже в качестве торгового и дипломатического представителя России. Осенью 1710 г. Турция объявила войну России. Турецкие войска, насчитывавшие примерно 200 тыс чел., переправились через Дунай и двинулись в направлении Днестра ⁴. Эта война пробудила народно-освободительные движения в таких странах, как Молдавия, Болгария, Сербия и Черногория. Тем не менее, русская армия не получила ожидаемого подкрепления. Турецкое войско у реки Прут окружило 44 тыс. русских солдат. Турки выдвинули ультиматум: определенные территориальные уступки и выдача Рагузинского-Владиславича, который был уличен в шпионаже и нанесении ущерба Турции. Турецкая сторона даже не подозревала, что именно Рагузинский-Владиславич вел с ними переговоры о мире. Рагузинский смог добиться того, что русское войско вышло из осады с оружием. Владиславич помогал народам, восставшим против турок на территории сегодняшней Черногории, а в Россию привез Михаила Ильича Милорадовича, предка ставшего позже известным графа Михаила Андреевича Милорадовича. В 1711 г. Пётр Великий отправил Савву в Валахию и Черногорию для подготовки восстания в преддверии нападения русских на турок. В период с 1716 по 1722 г. Владиславич был представителем России в Риме, где опекал русское дворянство и приобретал предметы искусства для Летнего дворца Петра Великого в Санкт-Петербурге ⁵.

Следующей вехой в дипломатической деятельности Владиславича стало участие в налаживании отношений с Китаем. Пётр Великий, по предложению известного философа Лейбница, отправил его в Пекин для ведения переговоров с китайским императором о разграни-

чительной линии между двумя странами, протянувшейся на 6 тыс. километров. Владиславич продемонстрировал незаурядный талант дипломата ⁶. Соглашение было подписано 5 апреля 1728 г. на пограничной реке Бура, на месте, где годом ранее был установлен большой деревянный крест с надписью «Крест Божий, знак границы между русским и китайским царством, поставлен в 1727 году в июне 26 дня». Кяхтинский договор был самым важным международным договором между Россией и Китаем до середины XIX века.

В Пекине при посредничестве Владиславича появилась первая православная церковь. За налаживание отношений с Китаем он был удостоен ордена Александра Невского. Однако личная жизнь этого выдающегося человека сложилась трагически — три его дочери ушли из жизни. Потрясенный их смертью, последний отрезок жизни Владиславич провел в Сибири. Он заслужил право основать город Троицкосавск (Кяхта), где воздвиг храм и церковь Св. Саввы Сербского. Умер Владиславич в 1738 г. в Санкт-Петербурге.

Другим видным сербом, оказавшимся в Российской империи, был Марко Иванович Войнович (1750—1807 гг.) — русский адмирал, один из основателей Черноморского флота. Он участвовал в крупных морских сражениях, проявил себя при осаде Бейрута и устройстве русской колонии на берегах Каспийского моря. Он также был капитаном личного корабля Екатерины Великой.

Родоначальником рода Войновичей был Войин — ужицкий князь, воевода и один из самых видных вельмож сербского короля Стефана Дечанского ⁷. У Войина было трое сыновей, но только самый младший, Воислав, имел потомство, от которых и вел свое происхождение Марко.

Марко Войнович родился в Герцег-Нови в 1750 году. В Санкт-Петербург он прибыл во время Русско-турецкой войны 1768—1774 годов. В 1770 г. в возрасте 20 лет поступил на русскую службу. Русскому морскому флоту в то время недоставало профессиональных моряков ⁸. Когда к Средиземному морю готовилась отплыть эскадра под командованием адмирала Спиридона, в составе которой был и 66-пушечный корабль «Святой Георгий Победоносец», на нем в качестве одного из членов экипажа находился сербский мичман (поручик) Марко Войнович. Так он оказался в так называемой Первой архипелагской экспедиции, временной базой которой был греческий остров Парос. В 1771 г. Войновичу было доверено командование 12-пушечным кораблем «Ауза». Молодой человек смог обратить на себя внимание не только своих непосредственных начальников, но и Екатерины Великой. В одном из морских сражений Войнович участвовал в захвате 20 турецких кораблей с огромным количеством провианта, табака и артиллерийских боеприпасов, за что был произведен в чин лейтенанта (капитана-поручика). Ему доверили командование фрегатом «Слава» с 16-ю пушками, на котором он одержал большое количество побед.

Войнович участвовал в самых крупных морских сражениях, таких как битва в Патрасском заливе, в которой были уничтожены турецкие эскадры. Эскадра адмирала Спиридона, где служил Войнович, в 1773 г. двинулась к берегам сегодняшних Сирии и Ливана, где вспыхнуло антитурецкое восстание. Войнович принимал участие в

обороне Бейрута. Несколькоими годами позже он вернулся на Балтику, где был выбран командиром корабля Екатерины Великой. На нем он служил до 1780 г., когда был назначен командующим Каспийским флотом. По приказу русского генерал-фельдмаршала князя Потёмкина Войнович занялся устройством русской колонии на персидском побережье Каспийского моря для развития торговых отношений с Индией. На месте, где высадился русский флот, основали торговое поселение, просуществовавшее вплоть до 1921 г., когда большевики передали его персам, не желая наследовать политику, проводимую в этом регионе Российской империей. Самое знаменательное событие в жизни Марко Войновича произошло в 1783 году. Екатерина Великая подписала указ об основании Черноморского флота. В г. Херсоне началось строительство кораблей, а командиром Херсонского порта был назначен Марко Войнович, которому одновременно было доверено строительство корабля «Слава Екатерины». Все свои обязанности Войнович выполнил успешно и вовремя, и в 1786 г. стал командующим севастопольской эскадрой Черноморского флота ⁹.

Война между Российской и Османской империей продолжалась с 1787 по 1791 год. За это время Войнович проявил свой военный талант, особенно в качестве морского флотоводца ¹⁰. У острова Фидониси было оказано жесткое сопротивление турецкой эскадре. Это было его первое сражение в роли командующего севастопольской эскадрой, составлявшей костяк Черноморского флота. Его подвигами особенно восхищалась Екатерина Великая. В 1790 г., по решению Потёмкина, Войнович был смещен с должности командующего Черноморским флотом и снова назначен на должность командующего Каспийским флотом. Для него этого было своего рода унижением, поэтому он решил оставить службу и переехал в Триест на побережье Адриатического моря, где провел пять лет. Тем не менее, в 1796 г. Войнович принял приглашение вернуться в Россию, где его ждал сердечный прием императора Павла и назначение директором Черноморского штурманского училища. Последние годы жизни Войнович посвятил воспитанию и образованию молодых моряков. Службу он оставил в 1805 г., умер в Витебске в 1807 году.

Среди сербов, служивших в русской армии, в памяти как великий герой Отечественной войны 1812 г., остался Михаил Андреевич Милорадович (1771—1825 гг.) ¹¹. Он был родом из известной сербской дворянской семьи Милорадовичей из Герцеговины, члены которой служили королевству Боснии, Дубровницкой республике, Османской империи, Австрии и Российской империи в период с XV до конца XIX века. Его предок Стефан Милорадович упоминался в документах 1416 г., когда он находился в свите Петра Павловича при нападении на Дубровницкую республику в Донеи-Неретве рядом с поселком Слано. Во второй половине XVI в. султан Мехмед II произвел князя Милисав Милорадовича-Храбрена в сипахи ¹². Князь Милисав обновил монастырь Житомислич, а также был ктитором церкви в Клепцах, Ошаниче и Требине. Милорадовичи были вынуждены переселиться в Россию, где уже сформировались области проживания сербских мигрантов — Славяносербия и Новая Сербия ¹³.

В 1711 г. Пётр Великий готовил военный поход против турок. Россия решила нанять умелых агентов из числа местного населения,

которые смогли бы организовать восстания в христианских странах Османской империи и таким образом рассредоточить силы турецкой армии. По совету графа Саввы Рагузинского-Владиславича в качестве уполномоченного лица российского императора в чине полковника был назначен герцеговинский серб Михаил Ильич Милорадович¹⁴. Полковник Милорадович с царской грамотой прибыл в Цетинье, куда в марте 1712 г. султан отправил карательную экспедицию, подавившую восстание и спровоцировавшую еще одну волну переселенцев¹⁵.

Его потомок Михаил Андреевич Милорадович отличился при царе Александре I во времена Наполеоновских войн в битве под Амштингом и Бухарестом, в Бородинском сражении, битвах под Вязьмой, Лейпцигом и Парижем. Под Аустерлицем в 1805 г. Милорадович в очень тяжелых условиях вместе со своими 4000 солдатами отбил нападение 10 000 французов. Но больше всего Милорадович прославился чрезвычайной храбростью в Бородинском сражении в 1812 году. Находясь на центральных позициях русского войска, он сыграл ключевую роль в тот момент, когда французские войска подошли к самому Кремлю. Он направил к маршалу Мюрату парламентариев с сообщением о том, что в случае нападения французских войск город немедленно будет подожжен. Таким образом он выиграл семь часов перемирия, а за это время произвел эвакуацию своего войска и оставшегося населения. Когда Наполеон со своими солдатами вошел в опустошенную Москву, по всему городу пылали пожары, что для выживания голодных и истощенных французских солдат в преддверии наступающей зимы имело просто катастрофические последствия.

По окончании войны Милорадович стал одним из самых титулованных активных офицеров российского войска, а в 1813 г. получил титул графа. Всего пятью годами позже он стал генерал-губернатором Петербурга, командующим гвардией и членом Государственного совета¹⁶. Милорадович знал, что в России готовится восстание декабристов, но ничего не предпринял, чтобы его не допустить¹⁷. Когда молодые гвардейские офицеры, недовольные политикой Романовых, вышли на Сенатскую площадь, между силами, поддерживавшими Николая I, и декабристами произошло столкновение. Граф Милорадович вышел к восставшим, стараясь их остановить. Этим воспользовался левый радикал Пётр Каховский, который выстрелил ему в спину, а Евгений Оболенский ранил штыком. От полученных ран граф Милорадович скончался¹⁸.

Сербские офицеры и государственные служащие, которые в XVIII—XIX вв. находились в Российской империи, участвуя в ее обновлении и укреплении, внесли свой вклад в развитие вековых культурных и политических связей между двумя близкими славянскими народами.

Примечания

1. БЕЛОВА Е.В. Из прошлого Новороссии: сербы на охране российских границ (1750—1760-е гг.). — Новый исторический вестник. 2008, № 17, с. 39—47; АНШАКОВ Ю.П. Становление Черногорского государства и Россия (1798—1856). М. 1998.
2. ДУЧИЋ Ј. Граф Сава Владиславић. Сарајево. 1969, с. 30—35.
3. МОРАВЧЕВИЋ Н. Граф Сава Владиславић. Београд. 2015.

4. ВОДАРСКИЙ Я. Участие Молдавии в русско-турецкой войне 1711 года. — Русин. 2006, № 2, с. 56—66.
5. ДУЧИЋ Ј. Ук. соч., с. 285—300.
6. БЛАГОДЕР Ю.Г. Россия и Китай: практика двусторонней дипломатии (XVII—XVIII вв.). — Ученые записки Казанского ун-та. 2010, № 3—1, с. 222—231.
7. ГОЛУМБЕК Ј. Породица југославенских Војновића, записи, Год. 6. Књ. 10. Цетиње. 1932, с. 200.
8. ДОЦЕНКО В.Д. Войнович Марко Иванович 1750—1807. В кн.: Морской биографический словарь. СПб. 1995, с. 102.
9. ЗЛОКОВИЋ И. Адмирал Марко Војновић. — Годишњак Поморског музеја у Котору. 1956, № 4, с. 81—93.
10. ГЛУЗДОВСКИ В. Конте Војновић у Русији, Време, г. 10. Београд. 1921, бр. 2761.
11. РАДОЧИЋ В. Срби, II. Нови Сад. 2009, с. 877.
12. МАРТИНОВИЋ Д. Црногорци начелу руске војске. — Побједа. 1997, № 58, с. 23.
13. БОГИЋЕВИЋ В. Властоска породица Милорадовића-Храбрених у Херцеговини. — ГЗМ. 1952, № 7, с. 142.
14. SIVRIĆ M. Migracije iz Hercegovine na dubrovačko područje od potresa 1667. do pada Republike 1808. godine. Dubrovnik-Mostar. 2003, с. 263—267.
15. ДИМИТРИЈЕВИЋ С. Грађа за српску историју из руских архива и библиотека. Београд. СКА. 1922, № 53, с. 144.
16. БОНДАРЕНКО А. Милорадович. М. 2008, с. 372—443.
17. ГОЈКОВИЋ Р. Знаменити Срби у руској историји. Пожаревац: Манастир Рукумија. 2015, с. 94, 161.
18. БОНДАРЕНКО А. Ук. соч., с. 443—500.

Католик Патрик Гордон и русское общество конца XVII столетия

А.Н. Андреев, Ю.С. Андреева

Аннотация. В работе рассматриваются взаимоотношения генерала Патрика Гордона, лидера российских католиков на исходе XVII в., с русским обществом в церковной и религиозной сферах, раскрывается роль высокопоставленного иноземца в развитии межконфессиональных связей в России. На основе дневниковых записей генерала и уникальных архивных документов анализируются возникшие при непосредственном участии Гордона новые конструктивные формы взаимодействия православных и западных христиан. По-новому в работе решается вопрос о мотивах церковной деятельности Гордона, впервые рассматриваемой в контексте его личной религиозности.

Ключевые слова: русское общество, межконфессиональные отношения, католики в России.

Abstract. The work focuses on the communications of General Patrick Gordon, who was a leader of Russian Catholics, with the Russian society in the Church and religious life in the late 17-th century. Also, this article reveals the role of the high-rank foreigner in development of interfaith relations in Russia. On the basis of General's Diary and unique archival documents the authors analyze new constructive forms of interactions between Orthodox and Western Christians that were established with Gordon's participation. The authors unconventionally solve the question about the reasons for Gordon's church actions which this study for the first time investigates in the context of General's personal religiosity.

Key words: Russian society, interfaith relations, Catholics in Russia.

Генерал Патрик Гордон, шотландец на русской службе, известен, прежде всего, как полководец и крупный военный администратор, а также как влиятельный наставник юного Петра I¹. До своего поступления на русскую службу он был наемником в шведской и польской армиях, где сумел приобрести ценный опыт боевого офицера и большие

Андреев Александр Николаевич — доктор исторических наук, профессор Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета). Челябинск. E-mail: alxand@yandex.ru; *Андреева Юлия Сергеевна* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета). Челябинск. E-mail: iulyand@yandex.ru.

Andreev Alexander N. — doctor of historical sciences, professor of the South Ural State University (National Research University). Chelyabinsk. E-mail: alxand@yandex.ru; *Andreeva Yulia S.* — candidate of historical sciences, senior researcher of the South Ural State University (National Research University). Chelyabinsk. E-mail: iulyand@yandex.ru.

практические познания в области военного дела и фортификации. С 1661 г. вплоть до своей кончины, последовавшей в 1699 г., Гордон служил России и являлся, по дружному мнению ученых, наиболее авторитетным военным специалистом ². Он не только прославился личной храбростью и искусным командованием войсками, но и считался одним из «вдохновителей Петра Великого на создание регулярной армии» ³. Полный генерал с 1687 г., с 1694 г. — контр-адмирал нарождавшегося русского флота, Гордон стал умелым и заботливым «крестным отцом» новых российских вооруженных сил, уже вскоре проявивших свои лучшие качества ⁴.

Тем не менее значение Гордона не исчерпывается его военными или административными заслугами. Тесное профессиональное, а подчас и бытовое общение генерала с русскими военачальниками, офицерами и простыми солдатами, боярами, приказными людьми и, конечно, с Петром I значительно содействовало сближению России с Западом. В общих чертах характер и обстоятельства данного сближения, роль в этом процессе социальных связей «шкотского немца», неплохо рассмотрены в исторической литературе. Важные выводы по проблеме участия Гордона в диалоге культур содержатся как в классических трудах историков XIX столетия (Н.Г. Устрялова, А.Г. Брикнера, С.М. Соловьёва ⁵), так и в специальных публикациях новейшего времени ⁶. Вместе с тем очевидно, что не все аспекты взаимодействия Гордона с русским обществом изучены с одинаковой полнотой. До сих пор исследователи уделяли мало внимания конфессиональным связям шотландца с православными и еще меньше — проблемам религиозных оснований его социального поведения. В плане познания экзогенных факторов российской модернизации решение этих проблем представляется не менее важным, чем анализ профессиональных и бытовых контактов высокопоставленного иноземца.

Генерал, исповедовавший католичество, внес большой личный вклад в формирование новой конструктивной модели межконфессиональных отношений в России. Принято считать, что уже в XVII в. «Московия» была готова воспринять многие достижения западных стран в сфере экономики и быта, государственном управлении и военном деле, искусстве, образовании и науке. Однако рецепции западного опыта зачастую мешала конфессиональная нетерпимость традиционного православного общества. Гордон в полной мере испытал ее на себе, поскольку был набожным католиком и церковным активистом. С одной стороны, своей твердой религиозной позицией он обнажал традиционный антагонизм русских в отношении «папешцев» и нередко сам провоцировал его. С другой стороны, генерал первым из иноземцев-католиков сумел найти корректные формы религиозного взаимодействия с русским обществом и одновременно пути легитимизации институтов Римской церкви в России. Его деятельность способствовала преодолению взаимной нетерпимости, а значит, была необходима для развития страны по европейскому пути. Связи Гордона с «московитами» в церковной и религиозной сферах, наряду с другими факторами предопределившие успех реформ Петра I, весьма разнообразны. Данная публикация представляет собой попытку системного изучения этих связей и несет в себе опыт оценки роли генерала в развитии православно-католических отношений в России,

без которой невозможно установить подлинный характер его участия в жизни русского общества.

С 1680-х гг., войдя в состав российского генералитета, а затем и военно-политической элиты, Гордон выступал главным ходатаем за интересы российских католиков. Фактически он стал основателем московской католической общины и строителем ее первого храма. В целях охранения православных от римской пропаганды «латинянам» в России с конца XV — начала XVI столетия было строжайше воспрещено содержать открытые молельни и иметь священников. 3 марта 1684 г. Гордон челобитьем просил разрешить «пасторов призвать и также держать и молитвенну дому»⁷, однако успеха не имел, несмотря на полученное от В.В. Голицына устное обещание, что «сие (то есть свобода религиозного служения. — А.А., Ю.А.) будет даровано»⁸. Впрочем, вопрос о священнике был положительно решен летом того же года в ходе переговоров царского правительства с имперскими послами И.Х. Жировским и С. Блюмбергом⁹. В порядке временной частной милости московским католикам разрешили держать патеров¹⁰, и в столице сразу же обосновались иезуиты, занимавшиеся, помимо церковного служения, еще и миссионерством¹¹. Тогда же генерал Гордон развернул бурную деятельность по созданию и развитию католической общины: разработал проект ее финансового обеспечения, временно предоставил свой московский дом для богослужений, организовал сбор средств на возведение храма, сам вносил значительные суммы на его строительство, следил за ходом работ¹².

С помощью Гордона к 1688 г. в Немецкой слободе был построен деревянный костел, несмотря на то, что юридически запрет на его возведение сохранялся. В дальнейшем при финансовой поддержке генерала католический храм несколько раз перестраивали и расширяли¹³. После высылки иезуитов в 1689 г., когда католики вновь остались без проповедников, Гордон подавал прошение «о дозволении призвать из-за границы римской веры священников»¹⁴. Он же протезировал прибывавших духовных лиц¹⁵. Вскоре генерал начал работу по возведению каменной католической церкви и вел счета, связанные с расходами на ее украшение¹⁶. Он жертвовал немалые деньги на нужды храма и поддержку единоверцев: на лес для церковной пристройки, на оплату работ по «восстановлению церкви», «на строительство верхней каменной церкви», на пособие вдовам и сиротам, на содержание школьного учителя и отцов-миссионеров, не всегда получавших положенное им от австрийского императора жалованье¹⁷. Ценным вкладом Гордона в новую церковь стал вызолоченный потир¹⁸. Генерал оставался защитником костела от любых посягательств — например, в 1693 г. с трудом отстаивал право католиков распоряжаться земельным участком под церковью, которым пытался завладеть влиятельный придворный врач лютеранского закона Захариас ван дер Гульст¹⁹. Гордон фактически был старостой и патроном церкви с момента образования прихода (с 1684 г.), хотя формально должности синдигов у московских католиков появились только в 1698 г., когда окончательно сложились органы их церковного самоуправления. Только тогда генерал и его сын Яков (Джеймс) официально вошли в церковный совет на правах старост²⁰.

Результаты церковной деятельности Гордона ознаменовали собой наступление новой эры в истории российского католицизма: используя свое влияние при дворе, генерал сумел добиться того, о чем в течение нескольких веков безуспешно ходатайствовали папские легаты и послы католических держав, а именно — права проводить в России публичные богослужения²¹. Все прецеденты, связанные с расширением правовых возможностей католиков в России, так или иначе имели отношение к «церковному лобби» Гордона. И хотя право открытого отправления католического культа тогда еще не было оформлено юридически (утверждение соответствующих норм и их последующая кодификация произошли только в XVIII в.²²), *de facto* религиозные свободы российским католикам уже были предоставлены. 20 ноября 1694 г. Гордон сделал запись в дневнике, раскрывающую характер этих свобод и пути их обретения: «Его величество (Пётр I. — А.А., Ю.А.) приехал ко мне около 11 часов и оставался около часа. После того мы отправились на свадьбу. По пути, проходя по улице близ нашей церкви, я говорил с его величеством, дабы дал нам позволение построить наш храм из камня; он милостиво согласился»²³.

Религиозные инициативы генерала, в целом, удручающе действовали на высшее церковное руководство страны и многочисленных ревнителей чистоты православия — как духовных, так и мирян. Против «содружества» с иностранцами и лично против Гордона фанатично протестовал патриарх Иоаким, в своем духовном завещании призывавший царей не давать «еретикам» мест для строительства костелов и кирок («мольбищных по прелестям их соборищ еретических») и даже избегать бытового общения с ними²⁴. Рассуждая об иноземцах, патриарх имел в виду не абстрактное обезличенное понятие, а конкретных людей и в первую очередь Гордона. Так, он убеждал, что от инославных генералов не может быть пользы («и что таковые еретики проклятые воинству православному сотворят помощи? Токмо гнев Божий наводят!»²⁵). По этому поводу патриарх имел стычку с Гордоном еще осенью 1688 г. на «Большом царском совете». Генерал так описал это событие: «Патриарх поносил меня и говорил, что русское оружие не может преуспеть или чего-либо достигь, ибо, по его словам, “еретик имеет под своей командой лучших людей в нашей державе”»²⁶. В другой раз, уже незадолго до смерти, святейший запретил Гордону обедать вместе с царем²⁷. Составляя духовное завещание, патриарх вспоминал, как во время Крымских кампаний, предчувствуя их бесславный конец, он убеждал регентшу Софью Алексеевну, чтобы «еретиком иноверцам над христианы в полках не быти»²⁸. Однако известно, что главные претензии по поводу плачевных итогов Крымских кампаний Иоаким предъявлял лично Гордону как одному из инициаторов союза со Священной лигой и самих походов на полуостров²⁹. Сетовал патриарх и по поводу «иноверного» церковного строительства: «А zde чего и не бывало, и то еретиком повелено, что своих еретических проклятых соборищ молбищных храмины построили»³⁰. При этом все существовавшие в Москве к 1690 г. протестантские храмы были сооружены еще в 1670-е гг., за исключением каменной кирки св. Михаила, освященной в 1686 г.³¹, которая своим появлением, видимо, раздражала патриарха. Безусловно, раздражал его и костел Гордона.

Близкие к патриаршим взгляды (по замечанию историка, «вполне традиционные для русского духовенства»³²) имели многие служители Русской Православной церкви не только в XVII, но и в следующем, XVIII, столетии. Не случайно в 1698 г. московские батюшки с амвона призывали изгнать иностранцев и не допустить «совершенного падения православного закона»³³. Впрочем, к ограничению контактов с иноземцами «западного зловерия» призывали и миряне, даже самые образованные и не чуждые идеям просвещения и социально-экономического прогресса. Последнее хорошо видно на примере публицистики знаменитого И.Т. Посошкова³⁴. Несомненно, что в московском обществе имелось немало противников Гордона.

Заметим, что немногочисленные исследователи, касавшиеся церковной работы Гордона, вторя патриарху Иоакиму, всегда представляли шотландского генерала фанатичным агентом иезуитов, руководившимся прозелитическими целями. Его участие в создании католического храма и хлопоты о священниках воспринимались как тщательно спланированная политическая работа, нацеленная на пропаганду католицизма. Выводы историков звучат так: «в 1684 г., и конечно по внушению иезуитов, Гордон подал просьбу о построении католического храма»³⁵; «прозелитизм не покидал Гордона ни при каких обстоятельствах»³⁶; «он находился в сношениях со всеми иезуитами, готовый принять личное участие в пропаганде католицизма»³⁷. Однако данная точка зрения, искажающая реальную картину участия генерала в жизни русского общества, в корне неверна и легко опровергается его дневником, а также сохранившейся перепиской с иезуитами. Дневнику Гордона можно доверять в силу того, что этот документ не предназначался для публикации, а его автор не имел привычки обманывать самого себя³⁸. Сохранившиеся тома «журнала» не позволяют утверждать о вовлеченности иноземца в миссионерскую работу. Лишь в одном из писем, рассуждая о необходимости нанять сведущего учителя для московской католической школы, он отметил, что «в наставлении и обучении юношества большей частью состоит сохранение и расширение здесь католической религии»³⁹. Однако «расширение» могло означать не только приобщение к католической культуре православного населения, но и обращение в «латинство» немцев-протестантов, которое генерал только приветствовал. Безусловно, косвенным образом Гордон способствовал расширению миссионерской работы иезуитов, но не потому, что лично желал видеть в своей церковной ограде русских людей, а лишь по той причине, что католический приход *in partibus infidelium* автоматически являлся миссионерским пунктом.

Анализ записок царского генерала показывает, что мотивы его церковной деятельности скорее были связаны с удовлетворением собственных религиозных нужд, нежели со стремлением расширить власть папской курии на Востоке. С юных лет набожный шотландец имел опыт молитвенного общения с Богом и святыми, много раз призывал на помощь Богоматерь и «все небесные силы»⁴⁰. До появления в Москве постоянного патера Гордон при первой же возможности устремлялся за духовным окормлением: во время пребывания в российской столице иностранных посольств — к посольским капелланам, выезжая за границу — прямо в костелы и монастыри⁴¹. Он подчерки-

вал, что священники ему необходимы для личного «утешения»⁴². Еще в 1683 г., командуя киевским гарнизоном, генерал добился позволения в определенное время («урочные дни») призывать «из-за польского рубежа к себе для исповеди плебана римской веры»⁴³. После перевода в столицу (с начала 1686 г.) генерал стал часто посещать церковные службы, проводившиеся у него в доме и иных местах временно оставленными «на Москве» австрийскими иезуитами. Шотландец старался не пропускать воскресных месс и, конечно, не забывал о праздниках⁴⁴. Лишь последовавшая в 1689 г. высылка иезуитов, из-за которой московская община на некоторое время осталась без пастыря, приостановила налаженный ход богослужений. Но и в это время генерал сумел инициировать регулярные молитвенные собрания мирян без священника⁴⁵. В дальнейшем частота посещений Гордоном церковных служб из года в год неуклонно возрастала: в 1691 г. он присутствовал на богослужении не менее 50 раз, в 1692 г. — не менее 58, в 1693 г. — не менее 65, в 1694 г. — не менее 69 раз⁴⁶. Правда, дневник за 1695 г. зафиксировал только 31 посещение мессы⁴⁷, но связано это было с тем, что с марта по конец октября этого года Гордон находился в Азовском походе. Причащался военачальник регулярно (2—3 раза в год) и с большим благоговением⁴⁸.

Религиозные мотивы поведения Гордона ярче всего прослеживаются на конкретных примерах, дающих возможность непредвзято оценить его мероприятия по устройству латинской церкви. Весной и летом 1690 г. Гордон прилагал всевозможные усилия для того, чтобы на московском приходе был оставлен иезуит Конрад Терпиловский, незаконно «задержавшийся» в Москве для исполнения треб и решения текущих дел миссии⁴⁹. Гордон безуспешно просил за него у властей всех рангов, и это заступничество историками расценивалось не иначе как попечение о возобновлении миссионерской работы, непременно служащей для совращения православных. Однако все можно объяснить по-другому: как раз в это время у генерала была тяжело больна дочь Джейн, и в течение нескольких недель (во время ее болезни и сразу после ее кончины) Гордон сильно нуждался в молитвенной поддержке. После высылки иезуитов некому было служить в костеле, и появление о. Конрада оказалось как нельзя кстати. Царский военачальник зачастил в церковь и мысль о том, что община, а значит, он и его семья, вновь смогут лишиться священника, его явно угнетала⁵⁰. Во время болезни сына Питера в сентябре 1693 г. Гордон опять, как и в случае с Джейн, почти каждый день спешил на богослужение. То же самое было в марте 1694 г., когда скоростижно скончался другой сын Гордона Джордж Хилариус⁵¹. Очевидно, что частота посещения Гордоном церковных служб повышалась в периоды семейных горестей — мессы помогали ему и его домашним переживать утраты. Вся большая семья генерала отличалась набожностью. Приведем выдержки из его дневника, повествующие о том, как семейство Гордонов отмечало Рождество 1693 г.: «22 декабря. На заутрене... 24 декабря. На богослужении. 25 декабря. Мы пошли в церковь в полночь, слушали богослужение и исповедались, пришли домой в 4 часа; пошли снова в шесть, слушали 2 мессы, пришли домой в 7; ходили снова в 10, слушали мессу и восприяли Святое Таинство. На вечерне допоздна. 26 декабря. На богослужении»⁵².

Безусловно, Гордон считал необходимым отстаивать свое право, равно как и право своих детей, свободно и полноценно исповедовать католическую веру. Однако пребывание в изначально враждебной к «латинству» культурной среде усложняло задачу и требовало поиска средств к разрядке межконфессиональных противоречий. Этому стремлению как нельзя лучше соответствовал и миролюбивый характер генерала, неизменно пытавшегося наладить добрососедские отношения между православными и католиками. Гордон усиленно старался избежать религиозных столкновений (кстати, не только с православными, но и с протестантами) еще и потому, что такие конфликты были способны сильно повредить его карьере. Культивируемая честолюбивым шотландцем модель межконфессиональных отношений скорее диктовалась прагматическими соображениями, нежели чувством духовного родства с православными. Как бы то ни было, в общении с русскими Гордон никогда не допускал унижения православной веры и проявлял столько такта и внимания, что агрессия в ответ на его присутствие вблизи православных святых становилась невозможной. Обычно иностранцы, писавшие о России XVII столетия, представляли ее варварской страной, считали русских людей невежественными, а православную веру — лишенной глубины и полной суеверий⁵³. Гордон занимал принципиально иную позицию. В отличие от Б. Таннера, он никогда не учил «русских попов», как им надо полагать крестное знамение⁵⁴; не рассуждал в духе И.Г. Корба о том, что «у москвитян вся вера и все средство к спасению состоит в способе креститься»⁵⁵; не называл русских священников «полоумными» и не отрицал, как барон А. Мейерберг, святость русских угодников⁵⁶. Наоборот, шотландец, судя по его дневнику, проявлял искреннее уважение к греческому обряду, православным чудесам и таинствам. Примеров тому — десятки. Повествуя о болезни и кончине жены киевского воеводы Прасковьи Ивановны Шереметевой, свидетелем которых ему пришлось стать, Гордон писал, что священник незадолго до смерти боярыни «подал ей святое причастие» и «совершил над нею таинство елосвящения»⁵⁷ (а мог бы написать в духе иных иностранных авторов: «подал ей то, что здесь называют причастием»). Без тени сарказма генерал упоминал, что некоторые видели, как в православном храме «образ Святой Девы льет слезы», хотя в дальнейшем выяснилось, что это «чудо» было подстроено священником⁵⁸. Будучи в Архангельске по делам верфей, Гордон пожертвовал пять рублей на строительство православной каменной церкви для тамошних стрельцов. Находясь с полками у Азова, он внимательно относился к духовным нуждам своих православных солдат и не забывал распорядиться об освящении знамен и служении русских молебнов («в каждом отдельном полку и в соборе»)⁵⁹.

Все это не означает, что Гордон не видел принципиальной разницы между западной и восточной ветвями христианства. Генерал не переставал чувствовать грань, разделяющую римское и греческое вероисповедания, и не мог не демонстрировать в некоторых случаях свою конфессиональную отчужденность от русских. В преддверии русского поста, например, он спешил закупить мяса по очень выгодной цене; упоминая о пещерах Киевской лавры, отмечал, что там «лежат их (православные) святые»⁶⁰. Крайне презрительно генерал

относился к любым ренегатам (даже бывшим лютеранам), принимавшим православие, считая их людьми, способными не только на веротступничество, но и на военное предательство. Докладывая во время первого Азовского похода о случае дезертирства некоего матроса-немца, открывшего противнику слабые места в расположении русских войск, Гордон не преминул подчеркнуть, что немец был «крещен по-русски»⁶¹. При этом выходец из Шотландии совершенно не тяготился общением с православными и в течение ряда лет со многими из них поддерживал настоящую дружбу.

Генерал неоднократно посещал православные монастыри и храмы — как по служебным делам, так и по личным надобностям. В качестве командира киевского гарнизона, отвечающего за крепостные сооружения, он периодически навещался в лавру, Выдубицкую обитель и Братский училищный монастырь⁶². Монастырские начальники особенно ценили его инженерные познания, о чем он сделал характерную запись: «Был в Печерском монастыре, поскольку аббат просил меня дать совет для закладки каменной трапезной»⁶³. «Аббатом» Гордон именовал лаврского архимандрита Варлаама Ясинского, с которым сдружился с первой встречи и которому регулярно наносил визиты в обитель⁶⁴. Не раз Гордон бывал на православных службах, возможно, из дружеского расположения к преосвященному Варлааму, о чем сохранились такие записи: «Мы были на богослужении в женском монастыре, а обедали у архимандрита»; «я поехал проститься с архимандритом Печерского монастыря, слушал богослужение, обедал и был весьма хорошо у него принят»⁶⁵. Однажды Гордону пришлось не только побывать на «православной мессе», но и официально, от имени воеводы Ф.П. Шереметева, благодарить духовенство за участие в похоронах супруги киевского наместника. Тон речи, сказанной Гордоном по-латыни, не дает оснований сомневаться в его уважении к православным «преподобным отцам и благочестивым братьям», а также к их «милосердным делам и священным трудам»⁶⁶. Позднее, уже в Москве, генерал участвовал в придворных службах и церемониях «шествия и освящения воды»⁶⁷.

Гордон умел выстраивать конструктивные отношения с православным духовенством везде, где ему доводилось жить и работать. Особенно тесные связи сложились у генерала с киевскими «отцами»: он общался не только с Варлаамом Ясинским⁶⁸, но и с его предшественником в Киево-Печерской лавре — архимандритом Иннокентием Гизелем, бывшим реформатором, учившимся в Львовской иезуитской коллегии⁶⁹. Шотландец, легко изъяснявшийся на латыни, учившийся по тем же иезуитским книгам, что и многие деятели братских школ, наверняка был знаком и с Димитрием Туптало, будущим Ростовским святителем, и со Стефаном Яворским⁷⁰. Показателем дружеского расположения к иноземцу преподавателей и студентов Могилянской коллегии стало их участие в похоронах младенца Джорджа Стивена, сына Гордона, которого, по-видимому, и отпевали в Братском Богоявленском монастыре 3 ноября 1684 года⁷¹. Вполне закономерно, что генерал водил дружбу не с чуждающимися «еретического Запада» ревнителями русского благочестия, а с образованными на западный манер киевлянами, которых в Москве часто презрительно именовали «черкесами» и обвиняли в неправославии⁷². Гордону было

проще найти общий язык с ними, чем с приверженцами церковной старины, под которыми в данном случае понимаются не только старообрядцы (их генерал называл «схизматиками»⁷³), но и принявшие «никоновские новины» служители церкви, осуждавшие сближение с Западом. Последние могли уходить в раскол из-за неприятия содружества с «еретиками» и церковных новшеств иностранного происхождения, как это видно на примере священника московского храма «Николы на Песках» Иоанна Лукьянова. Отец Иоанн порицал митрополита Варлаама Ясинского за его «папешское нечестие» и охоту «до органистова пения»⁷⁴.

Киевское духовенство, как и московское, не всегда одобрительно относилось к инициативам Гордона в церковной сфере. Например, генерал в 1686 г. имел столкновение с предшественником преосвященного Варлаама на Киевской митрополичьей кафедре Гедеоном (Четвертинским): когда вместо дозволенного плебана к Гордону для его потребностей прибыли два иезуита из Луцка, «киевский митрополит к генералу Петру Гордону и к иноземцам в дома их тех езуитов пущать не велел и из Киева их выслал, и проводили их за город к реке Лыбеди»⁷⁵. Даже приятель Гордона архимандрит Варлаам на просьбу генерала о разрешении прибыть в Киев некоему доминиканцу для крещения сына одного из католиков ответил отказом, сославшись на то, что не может решить этот вопрос без гетмана⁷⁶.

Из великорусского духовенства Гордон поддерживал знакомство с Чудовским архимандритом Арсением Костюриным (с 1704 г. — Воронежский архиепископ). Судя по дневнику, генерал обедал у него вместе с Петром I⁷⁷, очень любившим отца Арсения и несколько раз бравшим его с собой в военные походы⁷⁸. В Москве к Гордону с визитом являлся некий «архимандрит Иерусалимский» — возможно, настоятель Воскресенского Новоиерусалимского монастыря Никанор. В ответ на учтивость и предупредительность «иноверца» многие епископы и игумены дружески угощали его, не считая это противным православному благочестию⁷⁹. Например, в феврале 1695 г. Тамбовский епископ Питирим (причисленный к сонму святых в 1914 г.) прислал Гордону в качестве гостинца рыбу⁸⁰.

Преосвященный Питирим был кротким пастырем, в котором на чисто отсутствовал пафос обличения «иноверцев», грешников и разных нечестивцев⁸¹.

Таким образом, благодаря Гордону в России стали складываться новые формы взаимоотношений с западными христианами, получившие большое распространение в XVIII веке. Уважение к знатному шотландцу, проявляемое рядом русских вельмож и церковных иерархов, делало посещение православных храмов и богослужений Гордоном (а затем и другими католиками) рядовым явлением. И это притом что церковное право под страхом отлучения запрещало православным молиться вместе с «еретиками» (католиками и протестантами), допускать их в свои церкви, а также самим посещать «еретические божницы» и вообще присутствовать при инославных священнодействиях⁸². Тактичное поведение генерала и проявляемое им почтение к православному культу, его искренняя, пусть и католическая, набожность послужили причиной того, что вскоре и сами русские бояре стали наносить ему визиты и осматривать костел, что ранее было невоз-

можно. В январе 1688 г. Гордон записал в дневнике: «Князь Пётр Алексеевич Голицын и Борис Фёдорович Долгоруков были в нашей церкви и обедали у меня»⁸³. Вследствие дружбы Гордона с царем, в российских православно-католических отношениях появились многочисленные прецеденты взаимного посещения церковных служб и религиозных церемоний. Сам Пётр I не раз заезжал к Гордону в его любимую церковь, подавая пример религиозной терпимости своим подданным. Так, 12 мая 1692 г. он со многими офицерами и вельможами присутствовал при таинстве венчания Мэри Гордон (дочери генерала) с майором Снивинсом. На похоронах сына Гордона Джорджа Хилариуса 10 марта 1694 г. царственный «бомбардир» провозжал тело ребенка к месту упокоения, «где патер Павел (Ярош) произнес весьма изысканную речь»⁸⁴. 12 декабря того же года царь уже без всякого повода прибыл к Гордону просто послушать католическое богослужение. Состоявшееся через несколько дней торжественное погребение генерал-майора Пола Мензиса, друга Гордона, одного из видных прихожан московского костела, вновь потребовало присутствия монарха на заупокойной мессе⁸⁵. В 1698 г. похороны Патрика Снивинса, внука генерала, сопровождались уже привычным для православных москвичей шествием в костел для «обычного богослужения и обрядов»⁸⁶. Наконец, грандиозные похороны самого Гордона, по настоянию царя, были ознаменованы публичным «священнослужением» иезуита Иоанна Берулы. Накануне погребения Гордона в католическом храме Немецкой слободы уже была отслужена месса, которую, по сведениям И.Г. Корба, слушал царевич Алексей Петрович со своей теткой Натальей Алексеевной, сестрой государя⁸⁷. Присутствие православного царя и членов его семьи на мессах тогда было еще неслыханным новшеством и дерзким нарушением традиций древнего русского благочестия.

Гордона часто приглашали на православные крестины — к брату царицы Марфы Матвеевны П.М. Апраксину, к Ф.С. Урусову, И.Р. Стрешневу, К.А. Нарышкину⁸⁸. «Иноверцы» не могли выступать крестными у православных (такая исключительная возможность «по причинам политическим» появилась намного позднее⁸⁹), но даже простое участие католика в крестильных торжествах, и тем более его присутствие при таинстве, могло считаться оскорбительным для православной веры. Вряд ли ранее было возможно и то, чтобы православный на Руси благосклонно отнесся к желанию католика помолиться за спасение и здоровье его семьи, как это сделал, например, А.А. Матвеев в ответ на письма Гордона⁹⁰. Невзирая на запрещение «принимати праздничные дары, посылаемые от еретиков», и «праздновати с ними»⁹¹, генерал совместно со своими православными друзьями отмечал и православные праздники, и католические⁹². Безусловно, в круг постоянного общения генерала входили только те лица, которые были благосклонно настроены к западной культуре, но таких среди знати было немало. Недаром, когда патриарх Иоаким на царском совете в глаза бранил «Петрушку Гордона» за его «еретичество», святейший «был резко осажден всей знатью и даже повергся насмешкам»⁹³.

Отношение к Гордону-католику, особенно к его трудам по созданию латинского прихода в Москве, демонстрирует степень готовности русского общества к смене традиционных взглядов на запад-

ноевропейскую культуру. Эту готовность не следует преувеличивать, ошибочно говоря о масштабной вестернизации страны уже в конце XVII в., но в равной степени ее неверно и преуменьшать. Несмотря на неоднозначное восприятие церковно-распорядительной работы генерала, частую критику его «иезуитизма»⁹⁴, жизнь Гордона в России свидетельствует о формировании в верхах общества тенденции к расширению сотрудничества с инославными христианами и примирению с их вероисповедными «заблуждениями». Без сомнения, в качестве агента иезуитов Гордон вызывал недовольство немалой части московского общества, но в то же время его искренняя готовность к компромиссам, дружбе и сотрудничеству открывала пути для преодоления религиозной ксенофобии. Кризис традиционного сознания русских людей той эпохи предстает перед нами намного яснее, если взглянуть на него через призму межконфессиональных отношений, участником которых выступал иноземный военачальник.

Очевидно, что главными детерминантами зарождения новых форм межконфессионального сотрудничества стали представления Гордона о православии, выражаемые в его практической деятельности, а также многомерные личные связи генерала-католика с последователями Греко-российской церкви. Эти связи оказались несравненно важнее социальных практик других иноземцев, наводнивших страну. Историческое значение вероисповедных контактов Гордона определяется не только его большим политическим весом, но и тем, что генерал, в отсутствие развитых приходских структур, своей персоной практически олицетворял всю Римско-католическую церковь в России. Последняя воспринималась как глубоко враждебная национальным русским интересам сила, гораздо более опасная, чем лютеранские и реформатские кирки. Заслуга Гордона в том, что он способствовал разрушению этого стереотипа, показав перспективные пути преодоления взаимного религиозного неприятия. От него, как ни от кого другого в тогдашней России, зависели успехи последующего развития православно-католического диалога.

Содействуя мирным отношениям в сфере религии, генерал одновременно формировал и новую концепцию культурного взаимодействия стран Запада и «Московии», основанную на взаимном признании плодов духовной жизни друг друга, в равной мере лишённую безосновательных похвал и огульной критики. В силу своих личных качеств (уму, такту, честности, ответственности и даже набожности) Гордон создал яркие прецеденты бесконфликтного взаимодействия представителей разных вер. Снижая конфликтный потенциал русского общества, генерал готовил благоприятную почву для проведения реформ и тем самым оказал Петру I не меньшую услугу, чем обучение солдат.

Примечания

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №17-31-01011.

1. ПЕТРОСЬЯН А.А. Шотландский наставник Петра I и его «Дневник». — Вопросы истории. 1994, № 9, с. 161—166; НОЗДРИН О.Я. Шотландцы в России конца XV —

- начала XVIII веков. Дис. канд. ист. наук. Орёл. 2001, с. 78, 97, 100—104; ОРЛЕНКО С.П. «Шкотские немцы» в Московии. Западноевропейские офицеры в России XVII века. — Родина. 2004, № 11, с. 40—45.
2. ЗАОЗЕРСКИЙ А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М. 1989, с. 54.
  3. Военная энциклопедия К.И. Величко и В.Ф. Новицкого. Т. 8. СПб. 1912, с. 399.
  4. БОБРОВСКИЙ П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка. Т. 1. СПб. 1900, с. 192.
  5. УСТРЯЛОВ Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 2. СПб. 1858, с. 122—125; БРИКНЕР А.Г. Патрик Гордон и его дневник. СПб. 1878, с. 75—108; СОЛОВЬЁВ С.М. История России с древнейших времен. Кн. 3. СПб. 1896, с. 798—804.
  6. ОРЛЕНКО С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). М. 2004, с. 181—183, 188—193; ФЕДОСОВ Д.Г. «От степи к морю». В кн.: ГОРДОН П. Дневник, 1690—1695. М. 2014, с. 436—442, 472—474; ПЕТРУХИНЦЕВ Н.Н. Раннее европейское влияние на Петра I: Патрик Гордон и Франц Лефорт в конце XVII в. — *Quaestio Rossica*. 2017, т. 5, № 1, с. 199—216.
  7. Дело по прошению генерал-поручика Петра Гордона с другими иноземцами католического вероисповедания о молитвенном доме и пастыре. В кн.: ЦВЕТАЕВ Д.В. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. М. 1886, с. IV; Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 152, оп. 1 (1684 г.), д. 1, л. 1.
  8. ГОРДОН П. Дневник, 1684—1689. М. 2009, с. 12.
  9. PIERLING P. La Russie et le Saint-Siège. *Études diplomatiques*. Vol. IV. Paris. 1907, p. 78—93.
  10. В официальном (письменном) разрешении им было отказано. См.: РГАДА, ф. 152, оп. 1 (1694 г.), д. 1, л. 1.
  11. FLOROVSKÝ A.V. *Čeští jesuité na Rusi. Jesuité české provincie a slovanský východ*. Praha. 1941, s. 143—144.
  12. ГОРДОН П. Дневник, 1684—1689, с. 31, 129, 162.
  13. Там же, с. 184.
  14. РГАДА, ф. 152, оп. 1 (1690 г.), д. 1, л. 1; ГОРДОН П. Дневник, 1684—1689, с. 216.
  15. РГАДА, ф. 152, оп. 1 (1690 г.), д. 1, л. 13.
  16. ГОРДОН П. Дневник, 1690—1695, с. 7, 320.
  17. ЕГО ЖЕ. Дневник, 1684—1689, с. 184; ЕГО ЖЕ. Дневник, 1690—1695, с. 6, 77, 225—226, 234, 255—256, 258.
  18. ЕГО ЖЕ. Дневник, 1690—1695, с. 247.
  19. Там же, с. 202.
  20. КОРЬ И.Г. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента. В кн.: Рождение империи. М. 1997, с. 145, 237.
  21. КОЗЛОВ-СТРУТИНСКИЙ С.Г., ПАРФЕНТЬЕВ П.А. История Католической Церкви в России. СПб. 2014, с. 165—171; ФЕДОСОВ Д.Г. «От степи к морю», с. 473.
  22. См., в частности, манифест от 16 апреля 1702 г. «О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания» и «Список с государева указа подтвердительный о дозволении строить в Российском государстве римские каменные церкви» от 12 декабря 1705 г.: Полное собрание законов Российской империи. Т. 4. СПб. 1830, с. 192—194; РГАДА, ф. 152, оп. 1 (1705 г.), д. 2, л. 1—3.
  23. ГОРДОН П. Дневник, 1690—1695, с. 306.
  24. Духовная патриарха Иоакима, 17 марта 1690 г. В кн.: УСТРЯЛОВ Н.Г. Ук. соч., т. 2, с. 472.
  25. Там же, с. 474.
  26. ГОРДОН П. Дневник, 1684—1689, с. 178.
  27. ЕГО ЖЕ. Дневник, 1690—1695, с. 11.
  28. Духовная патриарха Иоакима, 17 марта 1690 г., с. 475.
  29. ПЕТРУХИНЦЕВ Н.Н. Ук. соч., с. 212.
  30. Духовная патриарха Иоакима, 17 марта 1690 г., с. 477.
  31. РГАДА, ф. 364, оп. 1, д. 110, л. 77; Там же, ф. 152, оп. 1 (1695 г.), д. 3, л. 80. См. также: ЦВЕТАЕВ Д.В. Построение первой каменной протестантской церкви в Москве. М. 1885, с. 3.

32. ЖИВОВ В.М. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М. 2004, с. 17.
33. Письмо одного знатного человека из Вены о состоянии Российской империи. В кн.: Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. Ч. 1. СПб. 1787, с. 87.
34. ПОСОШКОВ И.Т. Завещание отеческое к сыну. М. 1873, с. 3—7, 31—35.
35. ТОЛСТОЙ Д.А. Римский католицизм в России. Т. 1. СПб. 1876, с. 126.
36. ЦВЕТАЕВ Д.В. История сооружения первого костела в Москве. М. 1885, с. 84.
37. БРИКНЕР А.Г. Иллюстрированная история Петра Великого. Т. 1. СПб. 1902, с. 118.
38. ФЕДОСОВ Д.Г. Летопись русского шотландца. В кн.: ГОРДОН П. Дневник, 1635—1659. М. 2000, с. 234.
39. ГОРДОН П. Дневник, 1690—1695, с. 540.
40. ЕГО ЖЕ. Дневник, 1635—1659, с. 10, 39, 56, 140, 153, 183.
41. ЕГО ЖЕ. Дневник, 1659—1667. М. 2002, с. 114, 174, 177, 181—182, 198, 200—201, 204—206; ЕГО ЖЕ. Дневник, 1684—1689, с. 93, 99, 102.
42. РГАДА, ф. 152, оп. 1 (1700 г.), д. 1, л. 2. Ср.: ГОРДОН П. Дневник, 1684—1689, с. 64—65.
43. РГАДА, ф. 152, оп. 1 (1690 г.), д. 1, л. 21.
44. ГОРДОН П. Дневник, 1684—1689, с. 160, 162, 169, 179, 182.
45. ЕГО ЖЕ. Дневник, 1690—1695, с. 33—34, 69, 72—75, 78.
46. Подсчитано по: Там же, с. 69—94; 122—152; 180—313.
47. Там же, с. 314—327, 330—335, 344, 346, 351, 357, 362—363, 389, 425—426, 432.
48. О причащении Гордона см.: ГОРДОН П. Дневник, 1684—1689, с. 157, 166, 186; ЕГО ЖЕ. Дневник, 1690—1695, с. 14, 77, 138, 151, 180, 204, 255, 312, 332, 432; Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1646, оп. 1, д. 22, л. 451, 543.
49. ЦВЕТАЕВ Д.В. История сооружения первого костела в Москве, с. 78.
50. ГОРДОН П. Дневник, 1690—1695, с. 12—13.
51. Там же, с. 224, 252.
52. Там же, с. 235.
53. АЛПАТОВ М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII — первая четверть XVIII века). М. 1976, с. 105, 125, 128.
54. ТАННЕР Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. — Чтения в императорском обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). Кн. 3. М. 1891, с. 104—106.
55. КОРБ И.Г. Ук. соч., с. 210.
56. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга. М. 1874, с. 49, 97—98.
57. ГОРДОН П. Дневник, 1684—1689, с. 53.
58. Там же, с. 19, 22.
59. ЕГО ЖЕ. Дневник, 1690—1695, с. 275, 365.
60. ЕГО ЖЕ. Дневник, 1684—1689, с. 37, 58.
61. ЕГО ЖЕ. Дневник, 1690—1695, с. 376; ср.: Британский источник XVIII века об Азовских походах Петра I. В кн.: НЕКРАСОВ А.М. Избранные труды. Нальчик. 2015, с. 185.
62. ГОРДОН П. Дневник, 1684—1689, с. 34, 40—41.
63. Там же, с. 26.
64. Там же, с. 19, 78.
65. Там же, с. 25, 85.
66. Там же, с. 53—54.
67. Там же, с. 170; ЕГО ЖЕ. Дневник, 1690—1695, с. 69.
68. В дальнейшем Гордон встречался с преосвящ. Варлаамом в Москве — после избрания последнего митрополитом Киевским. См.: ГОРДОН П. Дневник, 1690—1695, с. 24.
69. ФЛОРОВСКИЙ Г.В., прот. Пути русского богословия. Минск. 2006, с. 56.
70. ФЕДОСОВ Д.Г. От Киева до Преображенского. В кн.: ГОРДОН П. Дневник, 1684—1689, с. 239.
71. ГОРДОН П. Дневник, 1684—1689, с. 36.
72. ЖИВОВ В.М. Ук. соч., с. 23—33.

73. ГОРДОН П. Дневник, 1684—1689, с. 172.
74. Путешествие в Святую землю священника Лукьянова 1711 г. — Русский архив. 1863, № 1, стб. 40.
75. РГАДА, ф. 152, оп. 1 (1690 г.), д. 1, л. 21.
76. ГОРДОН П. Дневник, 1684—1689, с. 76.
77. ЕГО ЖЕ. Дневник, 1690—1695, с. 230.
78. Русский биографический словарь под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического общества А.А. Половцова. Т. 2. СПб. 1900, с. 310.
79. ГОРДОН П. Дневник, 1690—1695, с. 220, 332.
80. Там же, с. 322.
81. МОЛЧАНОВ Н. Жизнеописание святителя Питирима, епископа Тамбовского. Тамбов. 1885, с. 110.
82. КРАСНОЖЕН М.Е. Иноверцы на Руси. Юрьев. 1903, с. 60—61, 64, 134—136.
83. ГОРДОН П. Дневник, 1684—1689, с. 162; ФЕДОСОВ Д.Г. От Киева до Преображенского, с. 256.
84. ГОРДОН П. Дневник, 1690—1695, с. 135, 252.
85. Там же, с. 309—310.
86. РГИА, ф. 1646, оп. 1, д. 22, л. 568об.
87. КОРБ И.Г. Ук. соч., с. 236; БРИКНЕР А.Г. Патрик Гордон и его дневник, с. 138.
88. ГОРДОН П. Дневник, 1690—1695, с. 90, 147, 229, 231.
89. КРАСНОЖЕН М.Е. Ук. соч., с. 140.
90. ГОРДОН П. Дневник, 1690—1695, с. 166, 535.
91. КРАСНОЖЕН М.Е. Ук. соч., с. 62.
92. ФЕДОСОВ Д.Г. От Киева до Преображенского, с. 240.
93. ГОРДОН П. Дневник, 1684—1689, с. 178.
94. Даже военные действия Гордона историками именовались «иезуитскими». См.: БРИКНЕР А.Г. Патрик Гордон и его дневник, с. 40.

Contents

The political archives of the Twentieth century: **P.A. Iskenderov**. Chronicle of the Great Victory (1941—1945). Articles: **Yu.M. Kobischanov**. To the periodization of the history of civilizations of the 1st millennium. Historical profiles: **V.V. Prilutskiy**. Joseph Smith Jr. Contributions: **K.N. Maksimov**. The fates of the kalmyk prisoners in 1940—1950; **S.V. Aristov**. The nazi concentration camps on the occupied soviet territory and «action 1005»; **D.A. Degterev**, **Nigusie Kassaye W. Michael**. The first ethiopian students in the Russian empire; **P.O. Kerimzade**. The role of education in the birth of the national movement in Ganja at the turn of the 19th — 20th centuries. Diplomacy in history: **N.A. Zherlitsina**. The anti-french resistance in Algeria before and during World War I. Debatable issues: **A.S. Berezhansky**. Narodnik's Movement in the 70—80 of the 19th century and a problem of changing over to political struggle. People. Events. Facts: **L.N. Lobchenko**. Solovetsky school for cabin boys and its graduates in 1942—1945; **S.V. Lyubichankovskiy**. Professional-pedagogical exhibition of 1898 and imperial policy of acculturation; **E.G. Neklyudov**. Evolution of legal conditions for development mining industry in the Kingdom of Poland; **A.G. Prazdnikov**. Social composition of the participants of the battle of Barnet on April 14, 1471; **M. Atlagic**, **D. Elezovic**. Work of serbs in the Russian empire in 18th — 19th centuries. From history of religions: **A.N. Andreev**, **Yu.S. Andreeva**. Catholic Patrick Gordon and Russian Society in the late 17th century.

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор П.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, Г.А. Гребенщикова, В.Г. Кикнадзе,
М.А. Лагода, Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова,
В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Присланные материалы после рецензирования не возвращаются
Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 5, 2018

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Долгоруковская улица, дом 23А, строение 1, офис 211. Москва, 127006.

Телефоны: (499) 978-20-82, (499) 978-61-03. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.04.2018. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 870. Заказ 212-2018. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на второе полугодие 2018 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**